

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
КОРЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

КИМ МАНЧЖУН

СОН
В
заоблачных
высях

ГИПЕРИОН

КИМ МАНЧЖУН

СОН В ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСЯХ

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2010

*This book is published under the support of
the Korea Literature Translation Institute*

Составитель и ответственный редактор серии
доктор филологических наук
А. Ф. Троцевич

Координатор проекта
доктор исторических наук, профессор
С. О. Курбанов

Ким Манчжун

К29 Сон в заоблачных высях / пер. с кор. А. Ф. Троцевич, Т. Г. Комиссаровой. — СПб.: Гиперион, 2010. — 288 с. — (Серия «Золотой фонд корейской литературы». IV).

ISBN 978-5-89332-158-6

Эта книга знакомит читателя с двумя первыми корейскими романами, написанными ученым, поэтом и политическим деятелем Ким Манчжуном (1637–1692). Один, «Скитания госпожи Са по югу», посвящен семейной истории. Как и в западной литературе, неурядицы в семье возникают из-за «треугольника», но в корейском романе «треугольник» образуется внутри семьи, когда в доме появляется наложница — коварная красавица. Она обольщает мужа, и добивается изгнания добродетельной жены.

Другой роман, «Сон в заоблачных высях», рассказывает о похождении «корейского Дон Жуана», однако, в отличие от своего европейского собрата, корейский герой сам ставит предел своим вожделениям и выбирает путь познания истины.

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-89332-158-6

© А. Ф. Троцевич, перевод, составл.,
вступ. статья, коммент., 2010

© Т. Г. Комиссарова, перевод, 2010

© Издательство «Гиперион», 2010

**КАК ОБУСТРОИТЬ ГОСУДАРСТВО И КАК ЛИЧНОСТИ
ОБРЕСТИ ВНУТРЕННЮЮ ГАРМОНИЮ.**

Вот два главных вопроса, которые обсуждаются в корейском традиционном романе, вернее — в сюжетных произведениях со многими действующими лицами, которые у нас принято называть романами. В Корее в прежние времена такого жанра не было. Вся сюжетная («развлекательная») проза называлась *со-соль* — «малые речения», а сами произведения, независимо от их размеров, обычно помечались специальными жанровыми знаками, которые приписывались в конце их названий.

Большая часть традиционных романов была анонимной и бытовала в основном в виде рукописей, иногда такие рукописи состоят из нескольких десятков томов, а события, которые в них описывались, охватывали жизнь персонажей на протяжении нескольких поколений.

Писали романы на корейском и на китайском языках. Дело в том, что многие века Корея пользовалась китайской иероглифической письменностью и языком, который вплоть до конца XIX в. оставался официальным «государственным языком» документов, исторических и философских трактатов и литературы вообще, хотя в XV в. было создано собственное, очень легкое для запоминания буквенное письмо, знаки которого точно соответствовали звукам речи корейского языка. За свою более чем тысячелетнюю жизнь в Корее китайский язык изменился — «корейзировавшись». Такой язык стал в Корее называться *ханмун*. Читать на нем могли только образованные люди, так как эта литература отличалась особым стилем, полным скрытых намеков и цитат из произведений китайских классических сочинений.

Надо сказать, что многие произведения, созданные на *ханмуне*, впоследствии были переведены на корейский язык и уже в таком виде получили настолько широкое распространение, что до сих пор в Корее спорят, на каком же языке изначально они были написаны. Точно также и сочинения на корейском языке переводили на китайский — *ханмун* — для того, чтобы «вульгарное писание» могло стать достоянием «настоящей литературы».

При чтении корейских романов можно заметить в них постоянное обращение к китайской классике — особенностью, характерной для традиционной прозы и поэзии вообще. Во-первых, действие, как правило, происходит в Китае. Перенесение описываемых событий в чужую страну — обычный в традицион-

ных литературах прием. Ведь то, что происходит у себя дома, всем и так хорошо известно. Только в чужих землях случается такое, о чем интересно поведать читателям.

Кроме того, в произведениях постоянно встречаются имена китайских героев, намеки на события, описанные в китайской литературе, цитаты из поэзии и прозы. Эта особенность связана с корейскими традиционными представлениями о литературных ценностях, которые образованный кореец того времени видел не в родной литературе, а искал их в сфере «китайской классики» — в китайских литературных произведениях прошлого. Представитель образованного сословия был хорошо начитан в этой «классике», без таких знаний немислимо было сдать государственные экзамены и сделать карьеру чиновника. Поэтому он легко ориентировался в системе китайских литературных образов и получал эстетическое удовольствие, узнавая в тексте то или иное название, эпизод, имя. Традицией был выделен определенный набор имен, эпизодов, устойчивых выражений, которые в поэтическом языке корейских произведений играли роль символов — знаков определенных ситуаций, человеческих характеров и поступков. Подобный набор обычно переходил из произведения в произведение и был хорошо известен читателю. Упоминание имени или короткая цитата вызывали целую серию ассоциаций — с самим китайским сочинением, его автором, кругом определенных произведений, наконец, с эпохой «образцовой литературы».

Китайская цивилизация принесла в Корею и свою философию, религию, которые распространялись как в форме устной проповеди, так и в виде письменного слова — сочинений, в странах Дальнего Востока признанных «классическими». Это собственно китайские учения — конфуцианство и даосизм; через Китай пришел в Корею и буддизм.

Сферой интересов конфуцианства был «общественный человек», для него были выработаны правила социального поведения, которые должны обеспечить правильное функционирование общества, а также предложен идеал «совершенной личности» — *цзюньцзы* (по-корейски — *кунчжа*).

Даосское учение, напротив, осуждает цивилизацию и связанные с ней социальные институты. Оно предлагает человеку обратиться к природе, которая, в противоположность обществу, всегда естественна и гармонична.

Буддизм рассматривает жизнь как страдание, как цепь бесконечных перерождений. Он зовет отойти от привязанности к

ценностям материального мира, чтобы уйти за пределы «моря мучений» и встать на путь просветления — обрести внутреннюю гармонию.

Эти три учения, придя в Корею, попадали на местную почву — вступали в контакт с местными культурными представлениями — прорастали в эту почву и приживались, изменяя ее, а также изменяясь сами. Возможно, такому процессу способствовала общность древних корней корейской и континентальной культуры. В результате образовался «культурный сплав», который и сформировал своеобразный облик корейской литературы в целом и романа в частности.

Предлагаемая публикация знакомит читателя с первыми корейскими романами, один из которых был написан на корейском языке («Скитания госпожи Са по югу»), другой — на *ханмуне* («Сон в заоблачных высях»).

Эти два романа появились в конце XVII в., их рождение было связано с именем политического деятеля, ученого и поэта Ким Манчжуна (1637–1692), который написал их уже в самом конце жизни. В этих сочинениях проявились две тенденции, свойственные традиционному мировоззрению корейца: одна — активное стремление к организации общества на справедливых и гуманных началах, другая — поиски пути к установлению внутренней гармонии личности. Произведения Ким Манчжуна, в основу которых и положены эти две тенденции, оказали огромное влияние на корейские романы, да и вообще на сюжетную прозу, созданную позднее, в XVIII–XIX вв.

Ким Манчжун родился в 1637 г. — в год, когда Корея была завоевана маньчжурами и разорена. Его отец, как истинно «преданный подданный», покончил жизнь самоубийством после захвата столицы маньчжурскими войсками, и будущий писатель появился на свет уже после смерти отца. Поначалу Ким Манчжун шел обычной дорогой молодого человека из аристократической семьи, близкой ко двору: классическое образование, экзамены на чин, карьера чиновника и неперемное участие в политической жизни — борьбе партий за власть (конфликтные дворцовые группировки — партии — были характерной чертой политической жизни высшего сословия на протяжении многих столетий). По традиции семья писателя принадлежала к Западной партии и, когда управление страной перешло к этой партии, Ким Манчжун получил высокий чин и должность главы военного ведомства. Но в 1689 г. Западная партия была отстранена от власти, ее глава Сон Сиель был «пожалован смертью», а Ким

Манчжуна сослали на южный остров Намхэ. Из этой ссылки он не вернулся. Ким Манчжун умер от туберкулеза легких в 30-й день 4-й луны по лунному календарю. Через шесть лет после его смерти Западная партия снова пришла к власти, и Ким Манчжун посмертно получил титул «просвещенного и почтительно-го к родителям».

Первым откликом на дворцовый переворот 1689 г., когда писатель был отстранен от дел и отправлен в ссылку, пожалуй, явился его роман «Скитания госпожи Са по югу». В истории женщины, изгнанной из дома и оклеветанной коварной наложницей, писатель описал судьбу государыни Инхён, жены корейского государя Сукчжона (правил в 1675–1720).

Дело в том, что переворот 1689 г. был вызван событиями, которые произошли в семье государя. Инхён происходила из дома ортодоксальных сторонников Западной партии, поэтому ее возведение в ранг супруги государя привело к усилению политических позиций «западников». Но у нее не было детей, а отсутствие наследника, естественно, беспокоило Сукчжона. И вот в 1688 г. его наложница из рода Чан родила сына, которому государь даровал звание «старшего сына», хотя такое звание принято было иметь только старшему сыну главной жены. Семья Чан опиралась на Южную партию, поэтому «западники» увидели в этом назначении опасность для себя. Их глава Сон Сиёль обратился к Сукчжону с посланием, где подверг сомнению справедливость его решения. Государь разгневался и лишил государственных постов сторонников Западной партии, а на их места назначил «южан», которые воспользовались этим для того, чтобы расправиться с «западниками», своими политическими противниками. В этой «партийной баталии» пострадала и государыня Инхён: Сукчжон лишил ее звания супруги, разжаловал в наложницы и повелел ей покинуть столицу. Супругой государя была провозглашена наложница Чан.

Драматические события при дворе и в семье государя вызвали протесты ученых-конфуцианцев, которые, по традиции, направили государю «доклады трону» и «послания», где, ссылаясь на примеры из древней китайской истории, осуждали его поведение. Ким Манчжун, как истинно преданный подданный, тоже укорял государя, но не только в традиционном жанре «послания» или «доклада» (их, естественно, писали на китайском языке), но еще и в форме занимательной истории, написанной на корейском языке. Как мне кажется, первый корейский роман «Скитания госпожи Са по югу» есть ни что иное, как инос-

казательное увещевание, в котором верный подданный (в соответствии с конфуцианскими традициями) указывает своему государю на ошибочность принятых им решений.

Роман «Скитания госпожи Са по югу» рассказывает историю семьи Лю. Действие происходит в Китае и разворачивается вокруг трех персонажей: главы семьи Лю Ёнсу и двух женщин — главной жены госпожи Са и наложницы Кё.

У госпожи Са не было детей, и в дом взяли наложницу, которая вскоре родила сына. Нложница оклеветала госпожу Са и добилась ее изгнания. Несчастья заставили ее переезжать с места на место, пока она не встретила буддийскую монахиню, которая поселила ее в своем ските. Тем временем, наложница завела любовную связь с человеком, который пользовался покровительством первого министра, бесчестного человека. Они оклеветали Лю Ёнсу перед государем и тот, лишив его чинов и должности, отправил в ссылку. Лю Ёнсу оказался на краю гибели, но его спасла буддийская монахиня и укрыла в ските, где он встретился со своей женой. В конце концов, государь разоблачил козни преступного министра, казнил его ставленников и возвратил из ссылки несправедливо осужденных преданных подданных. Враги, оклеветавшие Лю Ёнсу, наказаны государем, а сам герой возвратился в столицу и восстановил порядок в семье: «злодейку-наложницу» казнили, но в дом взяли новую — добродетельную. В семье установилась гармония.

Таким образом, автор стремится показать, что семья разрушилась из-за неправильного поведения хозяина дома, которого обольстила коварная наложница, и он перестал следить за порядком в доме — нарушил обязанности главы семьи.

Действующие лица романа делятся на две группы: добродетельные герои и персонажи, враждебные героям. Добродетельные герои не борются с врагами, не пытаются оправдаться и доказать свою невиновность, когда на них клеветают, не стремятся разоблачить зло. Они терпеливо сносят все несчастья, неизменно сохраняя свои добродетели. Их поступки отмечены справедливостью и гуманностью, отношения между ними гармоничны.

Положительные герои пассивны, «работают» вместо них помощники. Помощниками могут быть обычные люди (госпожу Са, например, во время ее странствий выручает из беды простая девушка из деревни у реки), либо персонажи, наделенные высшими силами (буддийская монахиня, покойные свекор со свекровью, жены легендарного китайского императора Шуня). Обычные персонажи оказывают реальную помощь, существа,

относящиеся к иному миру, как правило, являются во сне и предупреждают об опасности.

Персонажи, представляющие враждебные силы, напротив, активны и изобретательны. Красивая наложница Кё сначала обольстила и привязала к себе хозяина дома Лю Ёнсу, хитростью и коварством изгнала госпожу Са, а затем, добившись ссылки Лю Ёнсу, попыталась его убить. Кё — главная враждебная сила, остальные недруги (ее любовник, служанки, друг любовника) — только исполнители ее воли и действуют по ее указаниям, иногда, впрочем, давая советы, как лучше известить или обмануть добродетельных героев.

Враждебные силы разрушают гармоничные отношения между людьми. Не случайно наложница Кё и ее любовник, секретарь хозяина дома, действуют заодно с первым министром и другими «льстивыми приближенными» государя, которые нарушают порядок в стране. Вслед за развалом семьи рушатся и нравственные устои в государстве — к власти приходят жестокие, нечестные люди. Таким образом, разлад в семье влечет за собой хаос в государстве, и персонажи, которые вредят героям, представлены не как их личные враги, а как соучастники в делах «неверных подданных», нарушающих спокойствие в мире.

Добродетельные герои не думают о том, чтобы оправдаться, найти истинного преступника и отомстить ему, их задача — сохранять свою «образцовость», ибо только должное поведение человека в семье — ячейке общества — способствует поддержанию порядка во всем социуме. Таким образом, к установлению гармонии приводит в конце концов не личная месть и расправа с врагом, а забота о сохранении миропорядка, когда поступки каждого соответствуют его месту в обществе. Восстанавливает справедливость государь — центральная фигура в социуме, а вслед за ним возвращает порядок в семью и сам герой — старший в доме. Так драматическая коллизия в семье решается в соответствии с традиционными представлениями о семье как микрокосмосе и роли «старшего» как организатора коллектива и хранителя порядка.

Ким Манчжун в романе «разыграл дворцовую драму», где в иносказательной форме занимательной истории указал государю, что ошибочность действий «старшего» (позволил наложнице, «младшему» посеять смуту в царской семье) может губительно сказаться на жизни всей страны. Конечно, в персонажах романа и их поступках легко угадывались «зачинщики смуты» при дворе Сукчжона (партия «Южан» и их ставленница, наложница Чан)

и их жертвы (государыня Инхён и сторонники «западников»). Герой романа Лю Ёнсу, так легко позволивший наложнице обольстить себя и внести разлад в семью, — это, безусловно, сам государь Сукчжон, который был человеком безвольным и отличался непоследовательностью своего поведения.

К сожалению, роман не датирован, но, скорее всего, он был написан сразу «по горячим следам» дворцовых событий. Ким Манчжун еще полон политических страстей, он осуждает своего государя, который нарушил долг правителя и увлекся наложницей. Писатель еще надеется на торжество справедливости, на осуждение «бесчестных придворных» и установление должного порядка.

Надежды Ким Манчжуна не оправдались, его сослали в места, губительные для его здоровья (он был болен туберкулезом). Оказавшись в изоляции от политических событий, отстраненный от государственной деятельности, вдали от обычного круга образованных собеседников, писатель остается наедине с собой. У него достаточно времени для размышлений о назначении человека и смысле его социальной активности. А надо сказать, что Ким Манчжун известен не только как литератор и политический деятель. Круг его интересов был необыкновенно широк. Он увлекался математикой, астрономией, географией, обсуждал экономические проблемы, вопросы образования и просвещения, был одним из страстных пропагандистов корейской культуры и родного языка, выступал против слепого подражания китайским образцам. Но его общественная деятельность кончилась поражением, которое принесло ему глубокое разочарование. Мне кажется, что итогом раздумий Ким Манчжуна о человеческой природе с ее постоянными страстями был роман «Сон в заоблачных высях». Писатель, личность эмоциональная, выразил свое понимание проблемы не в строгой форме философского трактата, а в художественном произведении.

Роман написан в форме буддийской притчи, обсуждающей тему «жизнь — сон», он создан на ханмуне, и все описываемые события происходят в Китае, в реальном географическом пространстве.

«Сон в заоблачных высях» рассказывает историю заблудшего монаха по имени Сончжин и восьми фей. Герои живут вдали от мирской суеты, высоко в горах Хэншань — в «заоблачных высях». Буддийский монастырь находится на западном склоне горы, обитель фей — на восточном. Герои стали мечтать о мирской жизни и наставник являет им сон — видение этой жизни, —

в котором все девять персонажей рождаются в разных концах Поднебесной. Сончжин становится сыном бедного чиновника в отставке и получает имя Ян Сою. Феи появляются в мире как женщины разных социальных рангов. Только благодаря собственным талантам Ян Сою попадает в число самых именитых людей государства. Вся его жизнь заполнена разъездами. Внешняя цель поездок — государственные дела (экзамены, войны); внутренняя цель, скрытая от людей, но назначенная судьбой, — встречи с красавицами, одна из которых стала сестрой императора, другая — дочерью министра, третья воспитывается в семье министра, четвертая — дочь чиновника, пятая — дочь дракона озера Дунтин, шестая и седьмая — знаменитые *кисэн*¹, а восьмая — «женщина-воин из стана врагов». Восемь героинь романа внешне ведут себя очень свободно, но все они включены в круг действий главного героя, их самостоятельность проявляется только тогда, когда речь заходит о сближении с Ян Сою, их суженым. *Кисэн* Чок Кёнхон, например, крадет коня из конюшни своего покровителя и бросается вдогонку за Ян Сою, другая — Кё Сомволь бесцеремонно покидает пригласивших ее молодых людей ради свидания с героем. Любви героя ищет дочь дракона озера Дунтин, а «женщина-воин» Сим Ёён пробирается к нему в военный лагерь под видом убийцы.

Земные приключения героев заканчиваются после того, как Ян Сою получил высший государственный пост первого министра, а восемь женщин стали его женами и наложницами. Герой решает уйти от мира в самый безмятежный период своей жизни: он знаменит, богат, окружен заботами императорского двора. Ким Манчжун показывает, что не внешние обстоятельства толкают героя к отказу от мирского, а внутренняя убежденность в бессмысленности мирского существования. Сон, посланный наставником одному монаху и восьми феям, был их личным переживанием жизни, в результате которого появилось знание смысла этой жизни. То, чем прежде владел только наставник, стало достоянием его учеников. Желание уйти от мира явилось знаком выхода персонажей из состояния обыденного человека. В этот момент и появился наставник, чтобы развеять сон: теперь они готовы к просветлению.

¹ Кисэн — певица, танцовщица, в обязанности которой входило развлекать гостей в «винных домах» или на «вечеринках», которые устраивали чиновники. Некоторые из кисэн прославились как поэтессы.

Произведение начинается с названия, где закодирована мысль, которую хочет автор поведать своим читателям. Ким Манчжун озаглавил свой роман кратко — тремя иероглифами, которые расположены в такой последовательности: «девять», «облако» и «сон». Как следует понимать это название?

Название романа имеет двойной смысл. Первый (явный) связан с даосским пониманием: «девять» и «облака» — «девятые облака», самые высокие — место, где обитают бессмертные, поэтому заглавие и следует понимать как «Сон в заоблачных высях». Такое понимание соответствует сюжетному (явному) уровню. Читатель, хорошо знающий китайскую классику, может заметить в этих трех иероглифах и намек на любовную интригу, которую он обнаружит потом, при чтении романа. «Облака» и «сон» (кит. Юньмэн, «облачный сон») — название местности в Китае, где расположены «горы высокие Тан», связанные с известным преданием об Ушаньской фее, хозяйке горы Ушань, которая, проведя ночь с правителем княжества Чу, обещала утром являться облаком, а вечером проливаться дождем, т. е. приходить на любовное свидание. Это предание, воспетое поэтом Сун Юем (290–223 гг. до н. э.), в истории литературы признано одним из образцов изящной словесности, а выражение «проливаться дождем» вошло в традиционные поэзию и прозу Дальнего Востока, как метафора любовной встречи. Итак, три иероглифа названия предлагают увлекательное чтение с любовной интригой.

В этих трех иероглифах закодирован и второй (внутренний), философский, смысл романа. В буддизме облака и сон — центральные символы иллюзорности чувственного мира, находиться в облаках и сне — значит, пребывать в омрачении. Уже в самом названии дано представление о внутренней теме повествования: жажда страстей, охватившая героев, понимается как «двойная иллюзия» — сон и облака. Так, заглавие в предельно сжатой форме сообщает о том, что речь пойдет о героях, устремившихся к мирским радостям, но в конце концов они осознали свою помраченность и встали на путь просветления.

Помраченность героев — это стремление к успеху на службе и жажда любовных приключений. На сюжетном уровне роман повествует о «корейском Дон Жуане», который, казалось, только и думает о том, чтобы заполучить очередную красавицу, а помыслы самих красавиц заняты одним лишь героем. Но у европейского Дон Жуана стремления к новым чувственным наслаждениям нет конца, и только высшие силы смогли положить

предел его вожделениям. Для корейского героя заранее определено число женщин — их восемь. Получив этот «комплект», он не ищет новых встреч. Более того, обретя власть, славу и женщин, Ян Сою сам отказывается от мирских страстей, сам прекращает погоню за радостями жизни. В чем тут дело?

Объяснение следует искать, прежде всего, в представлениях культуры, которая и диктует принципы строения произведения и типы разрешения конфликтов.

Действие в романе как бы движется по кругу: монах Сончжин и восемь фей, далее Ян Сою и восемь красавиц и, наконец, монах Сончжин и восемь фей-монахинь. События начинаются весной. В третьей луне Сончжин встречается с феями, весной открывается дорога мирянина Ян Сою к успеху: он выходит с востока (из Хуайнани, где расположен его родной дом) и начинает движение на запад, которое завершается осенью в провинции Сычуань (западный Китай). Весной происходит встреча с первой женщиной, осенью появляется последняя. С осенью связано завершение всех событий романа. В восьмой луне заканчиваются любовные свидания, и герой возвращается в столицу. Встречи с женщинами завершаются свадьбой: в пятнадцатый день девятой луны, в полнолуние, происходит свадьба с двумя принцессами. В девятый день девятой луны, на который приходится известный на Дальнем Востоке осенний праздник, герои решают расстаться с мирской жизнью. Ян Сою и его восемь жен, по обычаю, поднимаются на высокую террасу и уже пространственно отделяются от суетного мира страстей.

Таким образом, путь заблуждений героев продолжается с весны до осени, т. е. время их мирской жизни соотносено с природным циклом рождения, роста и умирания. Но в природе нет окончательной смерти, весной она возрождается к новой жизни. Примечательно, что и в конце романа присутствует знак возрождения: жены Ян Сою, оказавшись после пробуждения в горном монастыре, срезают волосы золотыми ножницами (по мифологическим представлениям, срезание волос есть известная метафора смерти, а золотые ножницы — образ молодого солнца, знаменующего весеннее возрождение). Эта сцена как бы открывает путь к новому движению — и опять по кругу. Человеческая жизнь в романе сопричастна природному циклу с его круговоротом рождений, смертей и новых рождений. Такова «культурная база» развития сюжета в романе, и надо сказать, что это не искусственное построение, придуманное автором. Космологическая идея соотносительности с природой вообще жила в дальневосточной традиции.

Путь развития природы, который лежит в основе строения сюжета, был откорректирован буддизмом. Так, в соответствии с буддийскими представлениями, сознательные существа пребывают в трех состояниях: «имеющие желания» (сфера желаний), «имеющие чувственные знания»² (сфера чистых форм), «не имеющие чувственных знаний» (сфера чистой духовности — пустота). В романе представлены первые два состояния, третье — не описано, сказано только, что герои вступили в эту высшую сферу, которая в романе названа «Райским миром» — пустота, *шуньята*, не имеет объектов для описания.

Каждому из состояний соответствует свое пространство. «Сфера желаний» охватывает земное пространство людей, «сфера чистых форм» находится высоко в горах, где живут феи и стоит буддийский монастырь. Верхний мир отгорожен от нижнего облаками и туманами. Облака и туман — символы ложных мыслей, которые закрывают чистоту изначальной природы, поэтому обитатели земного мира, одурманенные ложными мыслями, не могут разглядеть свою собственную природу. В пределах «верхнего мира» не происходит никаких событий, все случается в «нижнем мире» — в сфере желаний.

События начинаются с путешествия героя из монастыря в гости к хозяину озера Дунтин. Монах Сончжин спускается с горы и, оказавшись в озере, начинает вести себя как мирянин: во дворце дракона участвует в пире и поддается соблазну — пьет вино, на мосту через реку флиртует с феями. Герой погружается в мир вожделений. В романе отступление Сончжина от истинного пути начинается с поочередного «включения» шести чувственных ощущений: вкуса, осязания, обоняния, зрения, слуха и мысли. После выпитого вина в него свободно вторгается «пыль» окружающего мира, она вызывает волнение и беспокойство. Тело начинает ощущать жар, возникает желание омыться в ручье и испытать его прохладу. Сончжина влечет к себе необычный аромат, заставляет отправиться на поиски его источника. И вот герой видит фей и слушает их речи. Феноменальный мир перестал быть для него иллюзией, он погрузился в этот мир, «привязался» к нему сердцем. И тогда Сончжин решил умиротворить свои мирские помыслы медитацией. Его медитацией и был сон о мирской жизни. Сончжин сидит в позе медитации в

² «Имеющие чувственные знания» — т. е. постигающие чувствами (с помощью органов чувств) абсолютную истину — находящиеся в процессе постижения, но еще не достигшие истинного знания.

своей келье, и в этом процессе он постигает истинную природу «всего сущего в мире». Явленный мир предстал перед ним в виде его собственной жизни, где он — мирянин, одержимый жаждой славы, богатства и чувственной любви. Когда герой, в конце концов, понял суетность и бессмысленность всех своих стремлений, «отключился» сердцем от феноменального мира, сон окончился — цель медитации была достигнута. Ученик осознал, что «все сущее в мире подобно сну или облакам».

Облака дважды появляются перед героем: в первый раз, когда он поддается соблазну и обольщается красавицами. Улетевшие феи — это облака, растаявшие вдали. Представление красавиц в виде облаков дано здесь как знак иллюзорности чувственной любви. Второй раз облака поднимаются, чтобы окутать залы и павильоны во дворце первого министра Ян Сою — символы мирской славы и богатства. Ян Сою пробуждается от сна, и роскошные строения, плоды его суетных вожделений, теперь представляются ему иллюзией — облаками. Медитация Сончжина была успешной, он понял, что «весь явленный мир не есть мир реальный, а есть лишь одно название» — как сказано в «Алмазной сутре»³. Это понимание и сделало его готовым к просветлению.

Для Сончжина, вступающего в медитацию, сон о мирской жизни разворачивается как реальность, как живой опыт жизни, а для Сончжина, окончившего медитацию, он оказывается пустой иллюзией, которая возникла и исчезла в одно мгновение. Пробудившись, он увидел, что находится в той же келье, за окном ночь и луна, а сам он тот же юный монах Сончжин.

Так, в истории блистательных успехов и любовных приключений «корейского Дон Жуана» закодирована буддийская притча, раскрывающая путь обретения истинной мудрости — путь становления будды. Этот путь однонаправлен и линейен: просветленный уходит за пределы потока смертей-рождений и, прерывая цикличность, останавливает движение.

Судьба Ян Сою — это жизнь самого Ким Манчжуна, который приложил много усилий, пытаясь усовершенствовать общество, но не был понят и окончил свой век в изгнании. В ссылке он обратился к буддизму *сон* (кит. — *чань*), свидетельством его буддийского мировоззрения, пожалуй, и был роман «Сон в заоблачных высях». Ким Манчжун на личном опыте мирской жизни познал истинную сущность стремлений человека, успеха на со-

³ «Алмазная сутра» — одна из наиболее популярных буддийских сутр (памятников буддийского канона).

циальном поприще и поведал об этом в литературном сочинении. Сложный философский подтекст сочинения может говорить о том, что роман не был рассчитан на широкий круг читателей, а скорее всего был написан для самого себя как ответ на собственные раздумья о смысле социальной активности человека и поисках пути к обретению внутренней гармонии.

Кроме двух романов Ким Манчжун написал сочинение под названием «Сопхо. По воле кисти» (Сопхо — литературный псевдоним автора). Произведение относится к типу документально-художественной прозы — *сунхиль*, как называли в Корее такие сочинения. Автор уже в названии объявляет, что его записи — это фиксация естественного потока мыслей. Поток мыслей-воспоминаний движется свободно, естественно, они не выстраиваются в строгой хронологической или тематической последовательности, мысль невольно переходит от одной темы к другой. При этом, здесь всегда присутствует личность автора, поскольку в записях идет речь о его воспоминаниях, мыслях рассуждениях.

В конце 1689 г., уже в ссылке, писатель получил известие о смерти матери. Он не мог с ней проститься, совершить погребальный обряд. Свою любовь к матери и восхищение ее подвижнической жизнью (она осталась вдовой и воспитывала двух сыновей) он выразил в биографии «Деяния добродетельной и почитаемой супруги госпожи Юн» (Юн — фамилия матери), написанной осенью 1690 г.

Ким Манчжун писал стихи на китайском языке, которые были собраны в сочинении под названием «Собрание изящной словесности Сопхо». В собрание вошло более двухсот стихотворений, немалая часть которых связана с перипетиями его личной судьбы, особенно с последними годами жизни, которые он провел в одиночестве на острове Намхэ.

Немногие произведения корейской традиционной литературы могут похвалиться такой популярностью, как «Сон в заоблачных высях». Рукописи и ксилографы на китайском и корейском языках, изданные в разное время, на хорошей и на дешевой бумаге, говорят о том, что роман читали в разных слоях общества, при этом простонародные варианты отдавали предпочтение занимательному сюжету «облаков» — мирским приключениям героев: широкого читателя не трогали буддийские идеи, его волновали приключения. Не случайно отношения Ян Сою и восьми женщин в повестях XIX в. выступают даже в качестве эротической метафоры.

То же самое произошло и с романом «Скитания госпожи Са по югу», только наоборот. Написанный по-корейски этот роман был переведен на китайский язык (*ханмун*) и распространялся, таким образом, на двух языках, в рукописях и ксилографах. Корейской сюжетной прозе XVIII–XIX вв. он дал образец семейной коллизии и типы персонажей. Более поздние произведения брали из романа целые эпизоды и даже имена героев.

Данная публикация предлагает читателю новые переводы романов с текстов, опубликованных в недавнее время в Республике Корея, и в первую очередь — романа «Сон в заоблачных высях». Для его перевода использована рукопись, обнаруженная в одном из частных собраний. Ее определяют как один из самых ранних текстов романа (конец XVII в.). Надо обратить внимание, что в рукописи значительно меньше ссылок и цитат из «китайской классики», чем в других текстах романа (то же самое относится и к переводу другого текста романа «Скитания госпожи Са по югу»). Пожалуй, «хождение в народе» не пошло на пользу этому произведению: каждый переписчик старался сделать язык более «цветистым» за счет имен китайских знаменитостей и цитат из их сочинений, а, как известно, против такого рода приемов и боролся Ким Манчжун.

А. Ф. Троцевич

СОН В ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСЯХ

СТАРЫЙ НАСТАВНИК НА ЮЖНОЙ ГОРЕ
ТОЛКУЕТ СОКРОВЕННЫЙ ЗАКОН.
ЮНЫЙ МОНАХ НА КАМЕННОМ МОСТИКЕ ВСТРЕЧАЕТ
КРАСАВИЦ-НЕБОЖИТЕЛЬНИЦ.

Пять славных гор высятся в Поднебесной. На востоке — Восточная гора под названием Тайшань, на западе стоит Хуашань. Южная гора прозывается Хэншань, и гора на севере — тоже Хэншань, а вершину в середине зовут Срединной, или Суншань. Все они славятся как Пять вершин. Из этих пяти гор южная — Хэншань — дальше всех от Срединных земель. На юг от нее видна вершина Цзюишань, а на север — озеро под названием Дунтин. С трех сторон огибают ее воды реки Сян. Как родоначальник, она величественно возвышается в центре, а потомки стоят рядами и приветствуют его почтительным сложением рук. Ее семьдесят два пика взметнулись ввысь, вздымаясь прямо в небо. Они высятся круто, пронзая облака, совсем как прекрасные мужи, полные жизненной силы, — всем видно их удивительное совершенство.

Среди них самые высокие пять пиков: Чжужун, Цзыгай, Тяньчжу, Шилинь и Ляньхуа — Лотосовый. Могучие вершины поднялись в такую вышину, что облака закрыли их лица, туманы обвили их стан. Только при чистом небе и ясном сиянии дня люди могут разглядеть их как следует. Некогда великий государь Юй¹, усмирив потоп, поднялся на гору Хэншань и установил здесь камень, на котором особыми знаками записал о своем деянии. Камень и поныне там, с глубокой, глубокой древности.

Еще в те времена, когда в Китае правила династия Цинь², на этой горе по указанию небесного властелина поселилась фея Вэй³ с чудными отроками и прекрасными девами. Ее стали называть госпожой Вэй с Южной горы. Невозможно описать все удивительные и необыкновенные события, которые с давних пор случались в этих местах.

Во времена правления династии Тан⁴ из западного края — Индийского царства — пришел в Срединное государство буддийский монах. Восхищенный величавостью горы Хэншань, он построил у подножия вершины Лотос скит с тростниковой крышей и начал проповедовать буддийское учение Махаяну⁵. Наставляя людей и обуздывая злые силы, он обращал их на истинный путь, и все считали, что живой Будда вновь явился миру.

Тогда богатые пришли с дарами, а бедные принялись за работу и открыли «обитель закона» — буддийский монастырь. Как сказано в стихах поэта Ду Фу⁶:

Храм один вознесен
 высоко над пучиной Дунтина.
В полноводный Чиша
 храм другой по колено уходит.
Здесь на горном ветру
 Будда холодом мира пронизан,
Все дни здесь напевы небес
 звучат в аромате курений...⁷

Лучше и не скажешь. Монастырь среди горных вершин стоял величаво и был лучшим в южных краях.

А этот монах имел при себе одну лишь книгу — «Алмазную сутру». Его почитали как наставника-будду и прозвали Великий наставник Юккван — «Обладающий всеобщей мудростью будды». Среди пяти-шести сотен учеников, принявших обет, тридцать имели необыкновенные дарования, а одного, самого юного, даже прозвали Сончжином — Обладателем Природой Будды. Его лицо сияло чистотой льда и снега, а душа успокоилась и застыла, как осенний лед. Сончжину было всего двадцать лет, а он уже успел изучить «Трипитаку»⁸ и всех монахов превосходил разумностью и знаниями. Наставник его очень любил и готовился передать ему плащ и чашу для еды и милостыни — знаки своего сана.

Каждый раз, когда наставник толковал ученикам буддийское учение, дракон озера Дунтин, обернувшись старцем в белом одеянии, приходил в собрание послушать сутры. И вот однажды наставник обратился к ученикам с такой речью:

— Я стар и болен, вот уже десять лет не выхожу за ворота монастыря, мне трудно ходить. Кто из вас пойдет вместо меня в подводные владения, чтобы поклониться государю-дракону и поблагодарить за оказанную милость?

Вызвался пойти Сончжин. Наставник обрадовался и послал его. Сончжин надел тяжелый монашеский плащ, взял чудесный посох и, подхваченный вихрем, понесся прямо к озеру Дунтин.

А в это время монах, стороживший ворота монастыря, явился к наставнику с вестью:

— Госпожа Вэй, хозяйка Южной горы, прислала восемь небожительниц, они ждут у ворот.

Наставник велел их принять. Восемь фей вошли одна за другой. Бросая священные цветы, они трижды обошли вокруг наставника и, преклонив колени, передали ему слова своей госпожи:

— Вы поселились на западном склоне горы, я — на восточном, у нас с вами один уклад жизни и еда одинаковая, но мои ничтожные заботы не пускали меня к вам в обитель послушать ваше толкование учения Будды. С вами я не общаюсь, а самой постичь путь гуманности у меня недостает мудрости! Вот потому я и послала своих служанок с благопожеланиями и подношениями чудесных плодов и священных цветов, семи сокровищ и шелка. Мне хотелось бы этим выразить свои искренние чувства.

Феи подошли к наставнику, и каждая из них поднесла ему цветы, плоды и драгоценности. Наставник с радостью принял от них дары и, передав их службе для приношений Будде, сложил ладони и с поклоном сказал:

— Чем заслужил старый монах такие подарки от небесной феи?

Он велел приготовить для небожительниц постное угощение и простился с ними с чувством благодарности.

Выйдя из монастыря, восемь фей шли, взявшись за руки и болтая друг с другом.

— Какое приволье среди этих заоблачных вершин Хэншани! А ведь они — в границах наших владений, но с тех пор как монах основал монастырь, земли поделили, и хотя пик Лотоса совсем рядом, нам сюда ходить нельзя. Хорошо, что нынче госпожа нас послала в монастырь. Сегодня так прекрасны весенние краски, и горное солнце еще не закатилось. Давайте поднимемся на крутизну, отряхнем платья на пике Лотоса и омоем кисти шляп у истоков потока, стихи почитаем и вернемся в хорошем настроении. Как приятно будет похвалиться перед сестрами во дворце!

— Согласны! — воскликнули феи, и, не торопясь, одна за другой стали подниматься вверх. Они полюбовались водопадом, прошлись берегом речки и, спустившись вниз по течению, поднялись на каменный мостик.

Стоял третий весенний месяц, цвели травы и деревья. Пурпур и зелень казались вышитой шелком красной дымкой над зеленым мхом! Голоса птиц, наперебой щебетавших в долине, звучали музыкой цитр и флейт. Весенний ветерок навевал такое блаженное волнение, что невозможно было расстаться с этой

красотой! Восторг охватил изумленных небожительниц. Они сели на мостике и, опустив головы, залюбовались речкой, которая струилась к прозрачному омуту. Он был чист и светел, как только что отполированное зеркало из Гуанлина⁹, и темные брови, алый румянец фей отражались в воде, словно прославленный Лунмянь¹⁰ нарисовал портреты красавиц. Любуясь своим отражением, они и не заметили, как вечернее солнце коснулось горных вершин, а в лесу сгустились тени.

В этот же день Сончжин добрался до озера Дунтин и, рассекая хрустальные волны, вошел в подводные чертоги. Дракон радостно встретил его у ворот и, проводив в покои дворца, удостоил сидением. Сончжин склонился перед ним в низком поклоне и передал слова благодарности великого учителя. Дракон выслушал его с почтительным вниманием, а потом повелел устроить пир и пригласил Сончжина. Редкие фрукты, чудесные плоды отличались чистотой и обилием, их можно было отведать. Дракон сам налил вина и поднес Сончжину, но тот стал упорно отказываться:

— Вино — злое зелье, оно тревожит душу. Вино у буддистов под самым большим запретом, и я не стану его пить.

— Вино, конечно, запрещено Буддой, — сказал дракон, — но ты не знаешь, что наше вино совсем не похоже на злое зелье у людей. Оно, наоборот, сдерживает страсти и не распаляет сердце. Уж поверь мне!

Сончжин, тронутый его искренней просьбой, не посмел отказать и выпил подряд три чарки. С поклоном поблагодарив дракона, он вышел из подводного дворца и, подхваченный вихрем, направился прямо к пику Лотоса, но у подножия горы вдруг почувствовал, как вино ударило ему в голову, в глазах у него потемнело.

«Учитель увидит мое красное лицо и все поймет, тогда уж не избежать мне наказания», — подумал он и, подойдя к речке, сел на берегу, положил на светлый песок верхнее платье и чистой водой омыл свое хмельное лицо. Вдруг он замер. Откуда-то повеяло удивительным благоуханием. Это был не запах мускуса и не аромат цветов. Сончжин ощутил странное томление, все тревоги в нем будто начали таять, стали далекими и слабыми. Он не мог понять, что с ним.

«Должно быть, где-то вверх по речке вырос необыкновенный цветок, — подумал он, — и вода принесла сюда его благоухание. Надо сходить посмотреть».

Сончжин оправил платье и направился вверх по течению.

А восемь фей все еще сидели на каменном мостике, и он, конечно, повстречал их. Отставив посох, Сончжин поднял руки в приветствии.

— Любезные девы, соблаговолите выслушать бедного монаха. Я ученик наставника Юкквана из монастыря на пику Лотоса. Учитель повелел мне покинуть обитель и спуститься с горы, а теперь я должен вернуться обратно, но каменный мостик очень узкий и вы, любезные, уже на нем сидите, боюсь, нам с вами не удастся поделить дорогу, как это положено мужчинам и женщинам. Не могли бы вы, любезные, хотя бы один разок, как говорится, «пройтись по лотосам»¹¹ и позволить мне вернуться?

Восемь фей ответили ему с поклоном:

— Мы служанки госпожи Вэй. По приказанию хозяйки мы ходили навещать наставника-будду и на обратном пути решили здесь немного посидеть. Вашу просьбу мы выслушали, но ведь в «Книге обрядов»¹² сказано: «На дороге мужчинам положено держаться левой стороны, а женщинам — правой». Мостик узкий, и мы сели здесь первыми. Было бы несправедливо теперь уступить вам дорогу и уйти. Вы уж найдите себе другой путь!

— Речка глубокая, а другой дороги нет, — возразил им Сончжин. — Вы не хотите меня пропустить, так как же мне пройти?

— В давние времена Бодхидхарма¹³ переплыл море на камышовом листе, — заметили ему феи, — а вы ведь постигаете истинный путь у наставника-будды, уж должны бы научиться творить чудеса. Трудно ли перейти речушку, вместо того чтобы спорить с девушками?

Сончжин рассмеялся:

— Я понял вас, барышни! Вы хотите взять с путника плату за дорогу, но у нищего монаха нет золотых монет. За узенький проход я могу дать лишь восемь ясных жемчужин.

С этими словами он сломал ветку цветущего персика и бросил ее феям. Красные венчики цветов тут же превратились в ясные жемчужины. Сияние разлилось по земле, блеск озарил небо, словно этот жемчуг родился глубоко внутри морской жемчужницы. Феи поймали по жемчужине и, с улыбкой обернувшись к Сончжину, поднялись в воздух и умчались в порыве ветра. Сончжин стоял у каменного мостика и смотрел вдаль, где плыло облачко, и таял душистый ветер. Он огорчился, будто что-то потерял, и, печальный, побрел к монастырю.

Сончжин передал наставнику слова дракона, а наставник стал выговаривать ему за позднее возвращение.

— Дракон встретил меня радушно, просил погостить, и неловко было уйти сразу, — стал оправдываться Сончжин.

Наставник ничего на это не ответил и послал его отдыхать.

Сончжин вошел в келью для медитации. Смеркалось. После встречи с феями в ушах у него звучали их искусные речи и нежные голоса, а хорошенькие личики и грациозные фигурки все еще мелькали перед глазами. Хотелось забыть их, но не забывались, пробовал не думать, а думалось само. На душе у него стало сумрачно, в голову полезли беспорядочные мысли. Сончжин застыл в неподвижности, размышляя: «Родившись на свет, мужчина в юности читает сочинения Кун-цзы и Мэн-цзы¹⁴, а возмужав, служит мудрому государю, такому, как древние Яо и Шунь¹⁵. Как говорится, за пределами царства командует тремя армиями, а в государстве он — старший над чинами всей империи. Он носит парчовый халат, на пояс вешает пурпурный шнур с золотой печатью, приветствует государя и оказывает благодеяния народу. Его глаза взирают на совершенных красавиц, уши внимают изысканным мелодиям. Его славят при жизни, а заслуги превозносят даже грядущие поколения. Вот как бывает у великого мужа! А у буддиста, увы, — всего лишь миска риса да кувшин воды, три свитка сутр да четки из ста восьми бусин. Его добродетель, конечно, высока, и путь чист, но уж больно все это скучно, мертво и пресно. Даже если я постигну учение Махаяны и, получив сан наставника, взойду на лотосовый трон¹⁶, отрину, наконец, заботы о добре и зле, разве кто-нибудь узнает, что жил на свете такой Сончжин?»

Эти мысли не давали ему заснуть, а уж настала глубокая ночь. Только он сомкнет веки, как восемь фей вдруг чередой всплывают перед ним, откроет глаза — никого нет! И тут ему пришло в голову: «Ведь тот, кто постигает буддийское учение и готовится вступить на истинный путь, старается очистить мысли и стремления! Я служил вам десять лет, и с тех пор не закрадывалась ко мне ни одна дурная мысль, а нынче вдруг мое сердце оказалось порочным! Не повредит ли это пути, который я для себя избрал?» Он тотчас же зажег сандал, опустил колени на молитвенную циновку и стал очищать душу, перебирая четки на шее, успокаивал душу мыслями о тысячах будд¹⁷. Вдруг за окном его окликнул служка:

— Брат, ты спишь? Тебя наставник велел позвать!

Сончжин всполошился: велит прийти среди ночи, значит, есть на то причина! И он вместе со служкой поспешил к учителю. Наставник, окруженный учениками, сидел в строгом дос-

тоинстве, его величие внушало почтение. Повсюду ярко горели свечи.

— Сончжин, ты осознал свою вину? — строго спросил учитель.

Сончжин в смятении подошел к сиденью учителя и встал на колени.

— Я служил наставнику десять весен и осеней и не совершил ни одного, даже самого крошечного дурного поступка. Я невежествен и темен, не понимаю, в чем я виновен?

— Постигая буддийское учение, нужно следить за тремя вещами: это — тело, речи и мысли. Ты же во дворце дракона пил вино и опьянел; возвращаясь, на каменном мостике встретился с женщинами и вел с ними вольную беседу, а потом, заигрывая, подарил им ветку с цветами. В довершение всего ты привязался к ним мыслями. Сперва опустошил свое сердце женской красотой, а потом устремил свои мысли к богатству и знатности, затосковал по роскоши суетного мира и отвернулся от нирваны у Будды. В одночасье отпали все твои старания в постижении истинного пути. Из-за этой вины тебе здесь нельзя оставаться! — стал выговаривать ему наставник.

Сончжин опустил голову и заплакал:

— Учитель! Учитель! Воистину, я виновен! Я нарушил обет воздержания от вина, но это хозяин меня заставил, а я не посмел отказаться. Я вел вольную беседу с феями — так ведь из-за дороги! У меня не было желания совершать дурные поступки. Когда же я вернулся к себе в келью, на меня обрушились, было, сумасбродные мысли, но я в одно мгновение отринул их, и они исчезли; смятенное сердце пробовало взбунтоваться, но раскрылись в нем добрые начала, привели его к раскаянию, и сердце мое вновь успокоилось. Ведь, как говорят конфуцианцы, можно ли вернуться, не уходя? Если я совершил преступление, пусть учитель накажет меня, предостережет и наставит на истинный путь. Зачем же сразу выгонять и пресекать путь к обновлению? В двенадцать лет я расстался с родителями, покинул отчий дом и, обрив голову, доверился отцу-учителю. Если говорить о долге, то для меня не было разницы между родителем и наставником, а мои чувства к вам были такими, что вы, как говорится, без сына имели сына. Ведь я привязан к вам, как сын, и почитаю, как ученик учителя, монастырь на пике Лотоса — мой дом. Куда же я отсюда пойду?

— Ты сам решил уйти, вот я и велю тебе уходить. Если бы тебе хотелось остаться, кто стал бы тебя прогонять? Ты спраши-

ваешь, куда пойти? Иди туда, куда ты хотел! — ответил наставник и тут же громко позвал:

— Эй, Силач Желтая Повязка, ты где?

Тотчас же из воздуха явился дух и пал ниц, чтобы выслушать приказание.

— Возьми этого преступника, проводи его в ад к Янь-вану¹⁸ и вернись обратно! — повелел наставник.

У Сончжина от этих слов все внутри оборвалось, из глаз полились слезы. Кланаясь не переставая, он принялся умолять:

— Учитель! Учитель! Выслушайте меня! Ведь даже Ананда¹⁹ ходил к гулящей женщине и делил с нею ложе. Он потерял свою чистоту, но великий будда Шакья не считал это преступлением, а только растолковал ему учение и наставил. Я виновен, но, по сравнению с Анандой, мой проступок куда меньше! Почему же вы отправляете меня в ад?

— Ананда, конечно, не отказался от соблазна и спал с гулящей, но сердцем он не переменился. Ты же только взглянул на женские прелести, как сразу утратил чистоту помыслов и возмечтал о богатстве и знатности. Так что Ананда здесь ни при чем. Тебе же теперь не уйти от круговорота рождений и смертей!

Сончжин плакал, не хотел уходить, и тогда наставник его утешил:

— Раз твое сердце утратило чистоту, ты не сможешь достичь совершенного состояния, даже оставшись в монастыре. А если сохранишь в себе способность постигать истину — непременно отринешь почести. Даже погребенный в пыли, все равно захочешь сюда вернуться, и тогда я сам тебя приведу. Иди, не сомневайся!

Пришлось Сончжину поклониться статуе Будды и наставнику, проститься с братией и отправиться вслед за Силачом.

Они вошли в страну мертвых и, миновав террасу прощания с родной стороной, очутились у стен ада. Дух-стражник спросил, что им здесь надо.

— Наставник-будда повелел доставить сюда этого преступника! — ответил Силач.

Стражник открыл ворота в стене и впустил их. Силач подошел к залу, где вершил суд Янь-ван, и доложил ему, за какую провинность был схвачен Сончжин. Янь-ван подозвал Сончжина:

— Вы еще пребывали на пике Лотоса горы Хэншань, а ваше имя уже знал Будда. Вы как совершенный человек готовились обрести просветление и взойти на лотосовый трон, и тогда все

живые существа в поднебесье были бы озарены вашим знанием истины. Какая же беда теперь привела вас сюда?

Сончжину стало стыдно, и он долго молчал, но, наконец, проговорил:

— Я, к несчастью, встретил на мосту небожителей с Южного пика и дал волю чувствам. Вот наставник и обвинил меня в преступлении. Теперь я жду ваших распоряжений, великий государь.

Янь-ван послал приближенных доложить Будде:

— Наставник с горы Хэншань послал Силача Желтую Повязку препроводить в ад ученика Сончжина, дабы судья Подземного царства вынес решение о наказании за содеянное им преступление. Поскольку он отличается от обычных преступников, я осмеливаюсь просить вашего совета.

Будда на это ответил:

— Человек, который постигает буддийское учение, волен в приходе и уходе, зачем же меня спрашивать? Пусть Янь-ван и решает по своему усмотрению!

Тут вошли с докладом два духа-стражника:

— По приказанию наставника Силач Желтая Повязка привел восьмерых преступниц и теперь ждет за воротами.

Сончжин перепугался, а Янь-ван велел их ввести. Друг за другом вошли восемь фей с Южного пика и опустились на колени перед залом, где вершат суд.

— Слушайте меня, феи с Южного пика! — обратился к ним Янь-ван. — Вас, небожителей, окружает прекрасная природа, радостям вашим нет конца. Отчего же теперь вы оказались здесь?

Восемь фей, сгорая от стыда, ответили:

— Госпожа Вэй повелела нам посетить наставника, но по дороге мы встретили молодого монаха Сончжина и повели с ним беседу. Из-за того, что мы осквернили чистый мир, наставник изгнал нас из владений госпожи Вэй и велел отправить к вам, великий государь. Теперь ваша воля — даровать нам радости или мучения. Просим вас, великий государь, дозвоьте нам вновь родиться на земле!

Янь-ван подозвал провожатых и тайно повелел всех девяти-рых срочно препроводить в мир людей. Только он это сказал, как перед залом, где вершился суд, поднялся вихрь и унес Сончжина и фей, разбросав их по разным концам Поднебесной.

Сончжина с провожатым подхватило ветром, долго кружило, бросало, пока, наконец, он не очутился в каком-то незнакомом

месте. Вой ветра начал стихать, и тут его ноги почувствовали землю. Сончжин оправился от испуга, протер глаза и огляделся. Вокруг были зеленые холмы, струились чистые ручьи, а среди деревьев виднелось с десяток бедных хижин, крытых тростником. Провожатый подвел Сончжина к одной из хижин и оставил за дверями, а сам вошел внутрь. Сончжин стоял, прислушиваясь, люди из соседнего дома говорили:

— Супруга отшельника Яна ждет ребенка, а ей уж больше пятидесяти — такое редко бывает. Ей уж давно бы пора разродиться, да крика ребенка что-то не слышать. Нехорошо это!

«Я должен вновь родиться в мире людей, — подумал Сончжин. — Сейчас от меня остался лишь дух, а тело сожжено на пике Лотоса. Мне было еще мало лет, и я не имел учеников. Кто же сохранит мои останки?» — Он забылся в своих переживаниях, как вдруг его поманил провожатый:

— Ты попал в уезд Шоучжоу в провинции Хуайнань великого танского государства, а это — дом отшельника Яна. Он — твой отец, его жена, госпожа Лю, — твоя мать. В прежней жизни тебе было назначено стать сыном в этой семье. Так входи же быстрее! Не теряй времени!

Сончжин вошел и увидел, что в главном зале у жаровни сидит отшельник Ян, одетый в простое платье и шляпу, плетеную из камыша, и варит снадобье. Вокруг разлился аромат, он пропитал даже платье. В комнате было сумрачно, стонала какая-то женщина. Провожатый подтолкнул Сончжина, но тот все еще не решался подойти. Тогда провожатый дал ему сзади пинка, и Сончжин упал навзничь. В голове у него помутилось, перед глазами завертелись небо и земля, и он закричал:

— Ой! Ой! Помогите!

Но в этом крике было уже не разобрать слов, доносился только детский плач. К отшельнику помчалась служанка:

— Госпожа разрешилась мальчиком!

Отшельник вошел к жене с чашкой отвара. Супруги взглянули друг на друга, и радость разлилась по их лицам.

Сончжина кормили молоком, когда он хотел есть, и он, насытившись, переставал плакать. Поначалу в его сердце все еще жил образ монастыря на пике Лотоса, но он подрастал, и любовь родителей постепенно вытесняла из его сознания события прошлой жизни, они стали забываться.

Отшельник, видя, как хорош его сын, гладил его по головке, приговаривая:

— Наш мальчик, наверное, небожитель, которого за провинность сослали на землю.

Он назвал его Сою, а второе имя дал Чхолли. Время бежит, как вода. Мальчик подрастал, и вот ему уже минуло одиннадцать лет. Его лицо было прекрасно, как драгоценный нефрит, а глаза сияли утренними звездами; он отличался настойчивостью и успел многое познать. Поистине совершенный мудрец!

Однажды отшельник повел со своей женой, госпожой Лю, такой разговор:

— Я человек другого мира, но нам с тобой судьба определила здесь встретиться, поэтому я так долго жил, как говорится, в дыму и огне страстей. Бессмертные с далекой горы Пэнлай²⁰ уже давно шлют мне послания и зовут вернуться, но я откладывал свой уход, заботясь о вас. Теперь же небо нас отличило и даровало такого прекрасного сына. Своими познаниями он настолько всех превзошел, что его можно сравнить с прекрасным скакуном. Ты можешь на него положиться, на старости лет будут у тебя и богатство, и почести, а я не стану больше откладывать свой уход.

И вот однажды у них в зале собралось множество бессмертных. Вместе с отшельником они сели кто на белого оленя, кто на журавля и углубились в горы. С тех пор прилетала с синих небес пара весточек, а больше никто на земле не видел следов отшельника Яна.

ДЕВУШКА ИЗ УЕЗДА ХУАИНЬ ВВЕРЯЕТ ЯНУ СВОЮ СУДЬБУ.
ДАОС С ГОР ЛАНЬТЯНЬ ДАРИТ ЯНУ СВОЮ ЦИТРУ.

После того как отшельник Ян удалился к небожителям, мать и сын жили в заботах друг о друге. Прошло несколько лет, и слава о талантах Сою разнеслась повсюду. Правитель уезда считал его чудо-ребенком и хотел представить ко двору, но Сою, беспокоясь о старой матери, отказался.

В четырнадцать-пятнадцать лет он был изящен, как знаменитый китайский поэт красавец Пань Юэ²¹, а чистота его души могла сравниться лишь с белым лотосом. Он обладал литературным даром не хуже великих мастеров кисти — яньского Чжан Юэ²² и сюйского Су Тина²³, стихи писал, как Бао и Се²⁴, а в каллиграфии следовал манере прославленных Чжуна и Вана²⁵. Сою постиг философов всех школ, был искусен и в военном ремесле — прямо настоящий Сунь или У²⁶! Он ловко стрелял из лука и владел мечом — на всем свете не нашлось бы такого искусства, которое бы он не сумел постичь, он не шел ни в какое сравнение с обычными людьми.

Однажды Сою обратился к матери с такими словами:

— В тот день, когда батюшка улетел в небеса, он доверил мне заботиться о семье. Наш дом беден, и у вас, матушка, много забот. Я бы мог, конечно, остаться жить вроде собаки при доме и не искать славы, но это не оправдало бы надежд отца. Говорят, что в столице устраивают экзамены, чтобы отобрать самых талантливых людей Поднебесной. Вот и я хотел бы ненадолго вас покинуть и отправиться на запад.

Госпожа Лю понимала, что помыслы сына не такие, как у заурядных людей, и отпустила его, хотя ее очень беспокоили разлука и дальняя дорога.

А у Яна только и были — мальчик-слуга да ослик. Он простился с матерью, и через несколько дней пути оказался в Хуаине, в уезде Хуачжоу. Столица была уже недалеко. Горы и речки выглядели здесь красивее, чем в его провинции, и он, зная, что экзамены еще нескоро, не торопясь, проезжал в день по несколько десятков ли, выискивал горные речки, расспрашивал, нет ли где следов древности, и не чувствовал себя бесприютным гостем. Вдруг вдали, среди зарослей ив, он заметил маленький домик. В зелени деревьев он смотрелся весьма изысканно. По-

нукая осла, он подъехал ближе. Длинные тонкие ветки ивы свешивались до самой земли, будто зеленые нити развязались и трепещут под ветерком — стоит полюбоваться! Ян подумал: «В наших землях Чу²⁷ много красивых деревьев, но таких ив я никогда еще не видел».

Он тут же сложил стихи про иву, а в них сказано вот что:

*Как распушенный шелк,
эта ива зеленая, чудо!
Терем красный облакан
движением тысячей веток!
Посадите такое же дерево,
сударь, прошу вас —
Только в нем
вдохновенье поэтов.*

*О, какие зеленые,
нет зеленее,
Будто тысяча веток
ласкает узорчатый брус,
Пусть никто этих веток
ломать не посмеет —
В этом дереве
столько чувств!*

Ликующий голос Сою звенел, как металл, был четким, как удар по камню, и нежным, словно весенний ветерок. Он взлетел на самый верх домика, а там в покоях спала девушка, прекрасная как нефрит. Она проснулась от испуга и, отбросив подушку, вскочила с циновки, раскрыла окно и, опершись на перила, стала оглядываться по сторонам, высматривая, откуда бы мог взяться этот голос. Тут они с Яном неожиданно встретились взглядами. Ее волосы с косо торчащими нефритовыми шпильками, как разметанные тучи, в беспорядке упали на виски, она еще не проснулась и очаровывала своей естественной прелестью. Невозможно описать словами ее обаяние, и на картине не нарисуешь!

Двое смотрели друг на друга, не произнося ни слова, но тут примчался его мальчишка с криком:

— Ужин готов!

Красавица тотчас же захлопнула окно, только ветерок пахнул ароматом. Ян разозлился на мальчишку, но решив, что снова ее уж не увидать, побрел за ним на постоянный двор.

Девушку звали Чин Чхэбон, и была она дочерью тайного ревизора Чина. У нее рано умерла мать, она почтительно ухаживала за отцом и не была еще просватана. Как раз в то время ее отец был в столице, а девушка одна оставалась дома. И вот неожиданно встретила Яна.

«Дело всей жизни женщины — следовать за мужчиной, — подумала она. — С мужем связаны ее радости и беды. Недаром Вэнь-цзюнь²⁸ была вдовой, а ведь ушла с Сян-жу! Я — девушка, и сватать саму себя, конечно, неприятно, но говорят, будто в древности подданные сами выбирали себе господина, а раз так, может, мне самой узнать, как его зовут и где он живет? Ведь если я стану дожидаться отца, а потом посылать сваху, где, в каком краю мне его тогда искать?»

Чхэбон тут же взяла лист бумаги и, написав несколько строк стихов, подала кормилице:

— Сходи с этим письмом на постоянный двор и разыщи господина, который проезжал мимо на осле и сложил стихи про иву. Отдай ему мое письмо и скажи, что я хочу связать с ним мою судьбу и обрести опору до конца моих дней. Для меня это дело всей жизни! Но смотри, не ошибись! Лицо у этого господина, как нефрит, не спутай его ни с кем другим. Передай ему письмо сама!

— Я все сделаю, как вы велите, — заверила ее кормилица, — но что я отвечу вашему батюшке, когда он вернется и спросит с меня?

— Это уж мое дело, — ответила барышня. — Ты не беспокойся.

Кормилица вышла за ворота, но тотчас вернулась:

— А как мне быть, если господин женат или просватан?

— Если он, к несчастью, женат, мне не зазорно будет стать его второй женой, но на вид он молод и, наверное, еще не женился.

Кормилица пришла на постоянный двор и принялась всех расспрашивать о постояльце, который сочинил стихи про иву. Тут как раз Ян вышел за ворота и заметил старуху, которая у всех справлялась о нем. Он подошел к ней.

— Это я читал стихи про иву, а зачем вы меня разыскиваете?

Кормилица, увидев, как хорош Ян Сою, сразу поняла, что это он и есть, и прошептала:

— Я не могу здесь говорить.

Ян провел кормилицу в комнату для гостей и, усадив, спросил, по какому делу она пришла.

— Вы, сударь, где читали свои стихи про иву? — спросила она.

— Я из дальней стороны, — ответил ей Сою, — в окрестности столицы попал впервые. Я стал осматривать красоты здешних мест, и вот к северу от большой дороги заметил маленький домик в рощице зеленых ив. Он мне так понравился, что я поневоле прочел стихи. А почему вы меня спрашиваете?

— Не встретился ли вам кто-нибудь там? — снова спросила кормилица.

— Мне повезло, — ответил Ян, — из домика выглянула небесная фея. Ее красота до сих пор у меня перед глазами, и платье все еще хранит ее благоухание.

— Ну вот, теперь можно и о деле поговорить! Тем домом владеет тайный ревизор Чин, мой хозяин, а девушка — его дочь, наша барышня. Барышня с детства была разумницей, все хвалили ее добрый нрав и мягкое сердце, а сейчас она, как увидела вас, сразу решила доверить вам свою судьбу. Батюшка ее в столице, и пока мы будем ездить туда-сюда, чтоб уладить брачные дела, вы уедете неизвестно куда — уплывете, вроде ряски в широком море. Где ей тогда вас искать? Вот потому она ради такого важного дела отбросила стыд и послала меня, старую, спросить ваше имя, откуда вы родом, а еще узнать, не женаты ли вы?

Юноша просиял от радости:

— Меня зовут Ян Сою, а родом я из Чу. По молодости лет еще не женился, а в моей семье осталась лишь старая матушка. Чтобы провести брачную церемонию со свечами, нужны родители, поэтому все сделаем после, а сейчас просто на словах заключим брачный договор — и все! Мои чувства вечны, как гора Хуашань и, словно воды реки Вэйшуй, никогда не иссякнут.

Кормилица, обрадованная, вынула из рукава письмо и подала юноше. Сою начал читать, а в нем была строфа стихов про иву. Вот она:

*Я возле дома
иву посадила,
Чтоб всадник милый
на нее накинуд повод.
Зачем же делать плетъ
из веток ивы
И мчаться от меня
в столичный город?*

Свежесть ее чувства восхитила и полностью покорила юношу.

— Даже знаменитые поэты правый министр Ван²⁹ и канцлер Чхве³⁰ не смогли бы сказать лучше! — похвалил он стихи и, рас-

правив бумагу, сам написал в ответ стихотворение и отдал его кормилице. А в этом стихотворении было сказано:

О зачем же тогда
ветки-нити
Оплетают мне сердце
без толка?
Лучше пусть будут
брачные сети
Свиты вами
из этого шелка!

Кормилица спрятала стихотворение на груди и вышла за ворота постоялого двора, но Ян окликнул ее:

— Барышня живет в Цинь³¹, а я в Чу. Расстанемся — и нас разделят многие тысячи ли. Трудно получить весточку из-за далеких гор и рек, а раз у нас нет доброй свахи, и мы не можем по всем правилам составить брачный договор, я хотел бы повидать прекрасную барышню при лунном сиянии сегодня ночью. Не поможете ли вы нам? И барышня в своих стихах тоже на это намекает. Передайте ей!

Кормилица ушла, но вскоре возвратилась.

— Барышня почтительно приняла ваши стихи, они взволновали ее до глубины души. Я передала ей и ваше желание встретиться с ней при луне, но барышня сказала, что мужчине и женщине неприлично встречаться до свадьбы, но, мол, раз уж она сама доверилась человеку, как можно не пойти ему навстречу? Однако про ночные свидания люди говорят, будто они опасны, а если батюшка об этом узнает, выберит непременно. Она хотела бы встретиться с вами днем в зале для гостей, там и брачный союз заключить. Ян вздохнул:

— Я должен признать мудрость барышни и справедливость ее слов.

Кормилица трижды выслушала его наказ и ушла.

Пришлось юноше остаться ночевать на постоялом дворе. Он все маялся, что ночь в третьей луне тянется так мучительно долго, и вдруг на рассвете услышал, как с западной стороны накатываются, словно рокот прилива, крики тысяч людей. В испуге Ян вскочил и выбежал на улицу — а там дороги запрудили конные отряды, бегущие люди, стенания сотрясали все вокруг. Сою стал расспрашивать, что стряслось. Оказалось, в столице мятеж. Генерал Цю Ши-лянь³² объявил себя императором, а государь изволил отъехать в Янчжоу³³, и тут Гуаньчжун³⁴ взбунтовался.

Повсюду мятежные солдаты грабят дома, нападают на дюдей! А еще сказали, будто заставу Ханьгу³⁵ закрыли, людей не выпускают, хватают всех подряд, и бедных, и богатых, чтоб в армию шли.

Ян Сою перепугался и, прихватив мальчика-слугу, помчался к горам Ланьтянь. Ему хотелось мышью забиться куда-нибудь в глубокое ущелье. И тут он заметил на вершине маленький домик под камышовой крышей, который прятался в облаках. Оттуда ясно слышался журавлиный крик. Ян, решив, что там наверняка живет достойный человек, поднялся к домику по каменной тропинке. У дома лежал, облокотившись о столбик, какой-то даос. Увидев юношу, он привстал с циновки и проговорил:

— Молодой человек наверняка бежал от смуты.

— Вы правы! — ответил Ян.

— Не сын ли вы отшельника Яна из Хуайнани? Лицом уж очень похожи!

Ян, с трудом сдерживая слезы, ответил, что так оно и есть. Даос улыбнулся:

— Мы с вашим батюшкой давеча, в третьей луне, играли в шахматы на горе Цзыгэ³⁶, а потом он ушел. У него все в порядке, ты не переживай! А раз уж сюда пришел, оставайся, дороги очистятся, тогда и пойдешь. Не опоздаешь!

Ян почтительно поблагодарил его и сел. Даос показал на цитру, что висела на стене, и спросил:

— Ты умеешь играть?

— Я люблю играть, — ответил Ян, — но мне не довелось встретить хорошего учителя, поэтому я в игре не искусен.

Даос велел мальчику достать цитру, а Яну сыграть на ней. Юноша сыграл пьесу «Ветер в соснах». Даос улыбнулся:

— У тебя искусная рука, и ты сможешь научиться играть.

Он взял цитру и сам сыграл четыре пьесы, которые уже давным-давно в мире никто не исполнял. У людей не услышишь мелодии такой чистоты и сокровенной глубины! Ян был способным к музыке, к тому же и понятливым. Стоило ему показать один раз, как он мгновенно усваивал приемы игры. Даос остался доволен и тут же достал флейту из белого нефрита. Он сыграл одну мелодию и научил Яна.

— Даже в древности было редкостью встретить человека, столь тонко понимающего звук, — сказал он юноше. — Я дарю тебе эту цитру и флейту, помни — они тебе потом пригодятся!

Юноша принял дары с благодарностью:

— Это, конечно же, батюшка позаботился о наставнике для сына и теперь у меня одно желание — стать вашим учеником и ухаживать за вашим посохом и туфлями.

Даос рассмеялся:

— У тебя впереди богатство и почести в мире людей, никуда от этого не уйти. Зачем же тебе ухаживать за стариком, искать пристанище в горных пещерах? В конце концов у тебя есть куда вернуться, незачем за мной ходить! Но я не хочу оставить без внимания твои добрые стремления.

С этими словами он достал книгу по гаданию, врачеванию и астрологии, написанную Пэн Цзу³⁷.

— Если ты постигнешь смысл этой книги, бессмертия ты не обретишь, но зато избежишь болезней и не будешь стареть.

Юноша, кланяясь, взял книгу и спросил:

— Учитель сказал мне, что в мире людей я обрету богатство и знатность. Мне бы хотелось еще узнать у вас о моих мирских делах. В Хуайне я встретил девушку из дома Чин, договорился о браке, но из-за мятежа я оказался здесь. Не знаю, состоится ли мой союз с нею?

Даос громко расхохотался:

— Брачные дела темны, как ночь, и тайны неба так просто не узнаешь. Тебя во многих местах ждут прекрасные союзы, так что не к чему тебе так уж прилепляться к этой Чин, будто она единственная.

Весь день Ян почтительно прислуживал даосу, а ночь провел в келье, вырубленной в скале. Еще не рассвело, а даос уж разбудил Яна:

— Дороги свободны, а экзамены отложили до будущей весны. Матушка твоя стоит у ворот и ждет тебя с нетерпением, скорее возвращайся домой!

Даос дал ему денег на дорогу, и юноша, кланяясь, почтительно поблагодарил его, взял цитру и книгу и, спускаясь с горы, оглянулся: хижина даоса бесследно исчезла.

Когда Ян бежал в горы, еще не опали цветы на ивах, а теперь, лишь за один только день все так переменилось — в скалах расцвели хризантемы! Он удивился и спросил у кого-то, в чем дело. Оказалось, что уже настала осень, восьмая луна!

Ян отправился на постоялый двор, где прежде останавливался. Дома, разоренные солдатами и пожарами, стояли пустыми — ничего похожего на то, что здесь было в прежние дни! Ему рассказали, что произошло. Оказывается, государь собрал всех

солдат и лошадей, и только в пятой луне мятежников умиротворили, а экзамены перенесли на будущую весну.

Ян отправился разузнать про семью Чин и увидел, что ивовая роща, домик, будто нарисованный на картине, и беленая ограда разрушены и сожжены. В деревне даже пения петухов не было слышно. Ян с грустью взял в руку ветку ивы и прочел вслух стихи про иву, которые сочинила девушка. Глаза его наполнились слезами, но что ж тут поделаешь? Пришлось ему вернуться на постоялый двор и там расспросить хозяина.

— Куда подевались люди из дома тайного ревизора Чина, что напротив, через дорогу?

— Господин ничего не знает! Тайный ревизор Чин отправился по делам в столицу, а его дочь со слугами оставались дома. Говорят, Чин пошел на службу к мятежникам и даже получил у них должность. А после того, как войско вернуло столицу, ревизора казнили, а дочь, вроде, схватили и отправили в столицу. Одни говорят, будто ее тоже казнили, другие — будто взяли во дворец, в женские покои. А нынче утром мимо постоянного двора вели под конвоем семьи мятежников, и я спросил про них у чиновника. Так он ответил, что их забрали в казну и как рабов гонят в Яннань. Кто-то сказал, будто и барышня Чин была среди них.

У юноши невольно навернулись слезы, и он подумал: «Вот и даос с гор Ланьтянь говорил, что брачные дела с барышней Чин темны, как ночь. Наверное, она умерла». Весь день до темноты он бродил вокруг, а ночь провел без сна. Расспрашивать больше было негде, собрал свои вещи и вернулся в Шоучжоу.

Тем временем госпожа Лю, услышав дома про мятеж в столице, боялась, что ее мальчик погиб, и теперь, когда они встретились, она прижала его к себе и расплакалась так, будто он родился второй раз.

Миновал год, и снова пришла весна. Ян опять стал собираться в столицу добывать себе успех и славу.

— В прошлом году ты уехал в столицу и едва ушел от беды, — забеспокоилась госпожа Лю. — Тебе ведь еще мало лет, успеешь с почестями да славой, но я тебя не отговариваю, потому что есть у меня одна мысль. Тебе уже шестнадцать, а брачные дела все еще не определены. Ведь наш Шоучжоу — захолустье, и в здешних семьях не найти для тебя подходящей пары. Есть у меня двоюродная сестра по фамилии Ту, она теперь в столичном храме Цзыцзиньгуань. Сестра ушла из дома и стала монахиней, лет ей уже много, но, думаю, она еще жива. Она добросер-

дечна, а потому вхожа в знатные семьи. Я дам тебе для нее письмо, и она от души поможет тебе. Запомни это!

Ян рассказал матери про девушку Чин из Хуайня и опечалился. Госпожа Лю вздохнула:

— Девушка Чин красива, но вам не суждено быть вместе. Она свободно могла умереть, а если она и осталась жива, вряд ли удастся вам встретиться. Лучше перестань о ней думать, женись снова и утешь свою старую мать.

Юноша простился с поклоном и отправился в дорогу. Он уже добрался до Лояна, как вдруг полил дождь. Пришлось ему спрятаться в винной лавке за Южными воротами.

— Господин не хочет ли выпить вина? — спросил хозяин.

— Пожалуй, принеси, только хорошего!

Хозяин принес вина, и Ян выпил подряд несколько чашек.

— У тебя вино хорошее, но, пожалуй, не самого высокого качества.

— В моей лавке лучшего нет, — ответил ему хозяин, — а если господин желает отведать самого хорошего, извольте пойти в город, там, в винной лавке у моста Тяньцзинь продается вино под названием «Лоянская весна», но один доу³⁸ такого вина стоит тысячу монет!

Ян подумал: «Некогда Лоян был императорской столицей, до сих пор этот город считается первым в Поднебесной по роскоши и красоте. В прошлом году я ехал другой дорогой и не видел его красот, а раз уж я теперь попал сюда, то не упущу случая!» Он расплатился с хозяином, сел на осла и направился к мосту Тяньцзинь.

В ДАЛЕКОМ ВИННОМ ДОМЕ ДЕРЖАТ ЭКЗАМЕН
У БАРЫШНИ КЕ
КЕ СОМВОЛЬ ПОД БРАЧНЫМ ОДЕЯЛОМ
ДАЕТ СОВЕТЫ МУДРЕЦУ.

Великолепный, процветающий город превзошел все, что он о нем слышал. Река Лошуй пересекала город, словно разостланная полоса белого шелка, а над водой радугой склонился мост Тяньцзинь. Прямо в воздух поднимались красные коньки крыш, лазоревые черепицы, и вся эта картина опрокидывалась прямо в речные воды. Поистине, прекраснейший город Поднебесной!

Юноша, подгоняя осла, поспешил прямо к винному павильону, о котором говорил ему хозяин лавки. На улице перед павильоном было полно резвых коней под вызолоченными седлами, а из него доносилась музыка, ее звуки парили в воздухе. Юноша решил, что в павильоне дает пир правитель Хэнани, и послал слугу все разузнать. Тот вскоре вернулся и рассказал, что это молодые люди из влиятельных знатных семей города собрались вместе с прославленными гетерами полюбоваться весенней природой. Ян был уже под хмельком, и тут же, оставив осла, поднялся прямо в дом. Здесь десяток молодых людей, рассевшись на циновках, оживленно болтали с красотками и пили вино из больших чарок.

Они были в изящных нарядах, и на всем здесь лежала печать изысканности. Молодые люди, заметив, что Ян красив и держится свободно, встали и, приветствовав его сложением рук, усадили рядом на циновку. Каждый из них назвал свое имя, а один из них, назвавшись Но, спросил:

— Я вижу, брат Ян выглядит путником, наверняка спешит на государственные экзамены.

— Вы правы, так оно и есть, — ответил Ян.

— Если брат Ян собрался на экзамены, то хоть гостя и не положено торопить, но мы не станем вам мешать. Мы-то здесь собрались попить, — заметил молодой человек по имени Ван.

— Братья правильно поняли, — ответил им Ян, — но вы наверняка собрались не просто для того, чтобы выпить чарку вина, у вас собрание поэтов и вы сравниваете свои литературные творения. Я бедный школяр из Чуских земель, мне еще мало лет, и знания невелики. Мне неожиданно повезло на провинциальных

экзаменах, но принять участие в ваших блистательных испытаниях — это было бы для меня счастьем сверх меры!

Все увидели, что Ян скромн, да и лет ему еще мало и рассме-
лись:

— У нас здесь вовсе не собрание поэтов, — ответили они, —
но брат Ян упомянул здесь о стихотворном состязании — вот
это похоже! Вы пришли поздно, напишите стихотворение, если
вам охота, а нет — просто выпейте с нами и повеселитесь.

Винная чаша пошла по кругу, и тут же разыграло в нем чув-
ственное желание, хмельной взор устремился к певичкам.
Двадцать из них были заняты, и лишь одна сидела независимо
в строгой позе, очаровательная, истинная красавица, как го-
ворится, способная погубить царство³⁹. Будто фея с Нефрито-
вого пруда⁴⁰ явилась в мир людей. Юноша пришел в смятение,
даже пропустил круговую чашу. Красавица на него поглядыва-
ла, и Ян ответил ей взглядом. Тут он заметил перед ней гру-
ду листов со стихами.

— Эти листы со стихами наверняка прекрасные творения бра-
твев, — спросил он у молодых людей. — Не удостоите ли вы меня
позволением прочесть хоть одно?

Не успели ему ответить, как красавица поднялась, собрала
листки и положила перед Яном. Здесь было десять стихотворе-
ний, и юноша просмотрел их по одному. Некоторые были сдела-
ны довольно искусно и говорили о зрелости сочинителей, но
большая часть поражала однообразием и не отличалась красо-
той слога. «Я слышал, будто в Лояне много талантов, — подумал
Ян, — но, глядя на эти стихи, только и скажешь, что люди
любят болтать пустое». Он вернул стихи красавице и, почтитель-
но сложив руки, обратился к молодым людям:

— Мне, худородному недоучке из провинции, еще ни разу не
довелось увидеть образцовое сочинение. Нынче я обрел счастье
быть ослепленным, как говорится, жемчугами и нефритами бра-
твев, мое сердце полно ликования.

Молодые люди к этому времени уже порядком захмелели и
насмешливо ответили:

— Брат Ян наверняка сам владеет искусством сложения
строф, вы могли не понять только особо тонкие вещи!

— Я познал любовь незаурядных людей, и за чаркой вина вы
отнеслись ко мне, как к близкому другу. Не растолкуете ли мне,
что за хитрость спрятана в ваших стихах?

Ван громко расхохотался:

— Что нам мешает тебе объяснить? Издавна Лоян славится
талантами, и если случалось лоянцу не получить на экзаменах
первое место, то уж второе или третье всегда доставались! Мы
все слышем знатоками изящного слога, но это пустая молва, по-
тому что сами мы не можем судить о качестве сочинения. Есть
здесь у нас одна барышня по имени Ке Сомволь. В Поднебесной
нет ей равной по красоте, искусству танца и пения. А еще она в
совершенстве знает творения древних и нынешних поэтов и ее
способность распознать талант поистине сверхъестественна. Все
мы отдали ей свои стихи, и теперь то, что ей понравится, она
положит на музыку и споет. Вот это и будет ее оценкой таланта
сочинителя. К тому же фамилия барышни Ке — так называется
коричневое дерево на луне. Вот вам и добрый знак: тот, кого оце-
нит Сомволь, станет победителем на экзаменах. Прислушайтесь,
братец Ян! Разве не удивительно?

— А кроме того, есть еще один секрет, — вступил в разговор
молодой человек по имени Ту. — Барышня Ке выбирает и поет
только одно стихотворение, и тот, кто его написал, проводит с
барышней ночь — как говорится, соединяет с ней свою судьбу,
а мы все поздравляем поэта и провожаем в дом барышни Ке. Раз-
ве не удивительно? Ты, братец Ян, тоже ведь мужчина и конеч-
но заинтересован. Неужто не сочинишь стихотворение, не рис-
кнешь потягаться с нами?

— Вы ведь давно написали свои стихи, — сказал юноша. —
Может быть, барышня Ке уже спела чье-нибудь стихотворение?

— Чистый голосок барышни Ке еще не звучал, вишневые уста
закрыты, и нефритовые зубки не показывались. Светлая весен-
няя мелодия не касалась нашего слуха. Барышня, наверное,
кокетничает, а может, стыдится, — ответил Ван.

— Я живу в Чуских землях. Хотя мне и случалось накропать
парочку подражательных стишков, но здесь я человек посторон-
ний, и, боюсь, ваше высокое искусство не для меня! — стал от-
казываться Ян.

Ван громко принялся ему возражать:

— Вы, Ян, красивы, как женщина, неужто у вас и воля не
мужская? Вспомните, что сказал совершенномудрый⁴¹: «В че-
ловеколюбии не уступай даже учителю!», и еще: «И в состяза-
нии он остается совершенным мужем». Есть у вас поэтический
дар или нет его, зачем попусту упрямиться и скромничать?

А Ян только делал вид, что отказывается. При виде совер-
шенной красоты Ке его охватило вдохновение, и, заметив возле

циновок молодых людей чистую бумагу, он схватил листок, разгладил его и принялся писать. Один взмах кисти — и стихи готовы! Три строфы он написал так стремительно, будто лодка под ветром несется в море, словно терзаемый жадной конь мчится к реке. Молодые люди, увидев быстроту его поэтической мысли и полет кисти, изумились и побледнели. А Ян, бросив кисть на циновку, обратился к ним:

— Сперва я хотел получить наставления братьев, но у нас нынче барышня Ке экзаменатор. Истекает время подавать сочинение, боюсь, не успею! — с этими словами он передал листочек со стихами барышне Ке.

Сомволь повела глазами-осенними волнами, только взглянула — и тут же под звон кастаньет полилась нежная песня. Ее звуки взлетели прямо к небесной выси и там в вышине откликнулись журавли. Казалось, поют цитры из Циньских земель⁴², звенит лютня из царства Чжао⁴³. У молодых людей даже лица вытянулись.

Вот эти стихи:

*Чужестранец из Чу
завернул по пути в царство Цинь.
В придорожный трактир
он зашел опьяниться «Лоянской весной».
Кто же первый сорвет
лунной кассии с ветки цветы?
Может быть, среди пришедших экзамен сдавать
и найдется такой.*

*На Тяньцзиньском мосту
в легком ветре пушинки парят,
В занавесках жемчужных
играет мерцающий свет.
Нужно только услышать,
как здесь пропоют твой куплет —
И на пестрой циновке
затихнет плясуньи наряд.*

*Ветки в полном цвету
все ж грубее изящных белил.
Стихли песни ее,
только дышат уста ароматом,
Лишь осела искусным
взметенная пением пыль —*

*Как для гостя свеча
возжигается в брачных палатах.*

Сначала молодые люди свысока смотрели на Яна, милостиво позволили ему сочинить стихи, а теперь их пропела Сомволь! Настроение у них упало, и, раздосадованные, они молча переглядывались. Уступить Сомволь этому Яну — значит показать свою трусость, а отказаться от договоренности — им откажут в доверии. Они смущенно поглядывали друг на друга, и вид был у них довольно глупый. Ян понял их состояние, встал и с благодарностью сказал:

— Я случайно встретился с вами, а вы так сердечно приняли меня, пригласили на свой прекрасный пир. Даже высказать не в силах, как я счастлив! Но впереди у меня долгий путь, и я должен поспешить в дорогу, мне нельзя целый день развлекаться болтовней. В другой раз, когда мы сдадим экзамены и, как говорится, соберемся на пир в беседке Цзюйцзян⁴⁴, я постараюсь излить вам все свои чувства.

Ян непринужденно простился и вышел, а молодые люди не стали его задерживать. У винного павильона юноша уже собрался сесть на своего осла, как вдруг выбежала Сомволь и торопливо проговорила:

— Поезжайте на юг по этой дороге, там увидите выбеленную ограду, а за ней вишню, всю в цвету. Это и есть мой дом. Вы, господин, ступайте первым, зайдите и ждите меня, я уйду отсюда вслед за вами.

Сомволь вернулась в павильон и сказала молодым людям:

— Вы, господа, не считите меня невежливой, но мы стихами загадали судьбу на сегодняшнюю ночь. Так как же нам быть?

Молодые люди принялись обсуждать, что, мол, Ян вообще то человек здесь посторонний и, мол, разве это не служит препятствием, хотя мы и договаривались... Они все еще надеялись на любовь Сомволь, и никак не могли принять решение.

Сомволь это надоело.

— Не знаю, как быть с людьми, на которых нельзя положиться! У вас нет недостатка в певичах. Может быть, вы, господа, еще не кончили развлекаться, но я плохо себя чувствую и не могу больше оставаться на вашем пиру! — с этими словами она медленно вышла.

Молодые люди с самого начала обговорили все условия, поэтому теперь они только смотрели на красавицу, которая говорила холодным тоном, и не решались произнести хоть слово.

Ян тем временем зашел на постоянный двор, забрал свои вещи и в сумерках направился к дому Сомволь. А Сомволь уже вернулась домой, в зале для гостей зажгла свечи и стала ждать Яна.

Рука об руку они вошли в дом и сели друг против друга. Можно понять их радость! Сомволь наполнила ароматным вином нефритовую чашу и подала ему, напевая песню на стихи Ду Му⁴⁵ о платье с золотыми нитями. Ее красота, нежный голос могли бы смутить и даже погубить душу. Ян, не в силах более сдерживать желание, схватил ее в объятия и увлек в постель. Не скажешь, что сон в горах Ушань или встреча с девами у реки Ло⁴⁶ были прекраснее!

В полночь Сомволь, лежа с Яном в постели, повела такой разговор:

— С сегодняшнего дня я буду служить только вам, и потому мне хотелось бы рассказать о себе. Удостоьте меня вниманием и выслушайте с сочувствием. Я родом из Сучжоу, мой батюшка был начальником почтовой станции, но, на беду, заболел и скончался в чужих краях. Наш дом так обеднел, что не нашлось даже денег, чтобы поехать и похоронить его как положено. Тогда ма-чеха продала меня за сто золотых в «зеленый терем»⁴⁷. Я терпела поношения и скрывала страдания, мне только и оставалось молить Небо сжаться надо мной. Наконец я встретила вас и теперь вижу солнце в небе. У моего дома проходит дорога в Чанъань, день и ночь слышу грохот повозок да топот коней. Кто не бросит кнута у моих ворот? За три-четыре года у меня перед глазами людей прошло, что облаков, но я ни разу не видела такого, как вы! Если вы меня не презираете, то мне хотелось бы стать вашей рабыней, чтобы носить вам воду и готовить еду. А что об этом думает господин?

— Разве у меня другие желания, чем у барышни Ке? — искренне воскликнул Ян. — Но ведь я всего лишь бедный школяр, а дома меня ждет старая матушка. Боюсь, у нее другие планы. Стать моей наложницей? Это не для барышни Ке! Наверняка в Поднебесной не найдешь женщину, которая могла бы стать при тебе главной женой.

— Зачем вы так говорите? — возразила Ке. — Нынче в Поднебесной нет равного вам по таланту. Конечно же, в списке сдавших экзамены вы будете первым, а тогда уж недолго получить шнур с печатью министра или секиру с бунчуком генерала. Разве не захотят пойти за вами первые красавицы Поднебесной? Может ли Сомволь ожидать для себя хоть волосинку любви гос-

подина? Уж вы не бросайте меня после того, как женитесь на достойной девушке из благородного дома. С сегодняшнего дня я буду блюсти себя и ждать ваших повелений.

— В прошлом году я проезжал через Хуачжоу, — начал рассказывать Ян, — и встретил девушку из семьи Чин. По красоте и талантам она, пожалуй, может сравниться с тобой, Ке, могли бы стать сестрами, но, к несчастью, она погибла. Где же мне теперь найти подходящую девушку?

— Как я поняла из ваших слов, — ответила Ке, — это, должно быть, Чхэбон, дочь тайного ревизора Чина. Ее отец одно время служил в этой округе, и мы были очень дружны с барышней Чин. Действительно, у этой девушки красота и таланты знаменитой Чжо Вэнь-цзюнь⁴⁸, но вы ее не держите в сердце, думать о ней — напрасное занятие. Лучше поискать в других домах.

— Даже в древности необыкновенные красавицы появлялись не так уж часто, — возразил Ян, — а нынче родились сразу две — и Ке, и Чин. Боюсь, что силы Неба и Земли уже исчерпаны.

Сомволь рассмеялась:

— Вы рассуждаете прямо как лягушка на дне колодца⁴⁹. Я сейчас вам расскажу, что я знаю о нас, певицах. Так вот, в «зеленых теремах» Поднебесной есть три красавицы. Одна — цзяннаньская Ман Огён, другая — хэбэйская Чок Кёнхон, а третья — лоянская Ке Сомволь. Сомволь — это я. Про меня болтают пустое, а вот Огён и Кёнхон — те уж самые настоящие красавицы! Разве теперь скажете, что красавицы редко появляются под небом?

— По моему, обе они незаслуженно пользуются одинаковой славой с тобою, Ке!

— Я, правда, не видела Огён, — продолжала Ке Сомволь, — она очень далеко живет, но те, кто бывал на юге, хвалят ее без устали. Думается, это не пустая слава. А вот с Кёнхон мы дружим, как сестры. Я вам сейчас про нее расскажу. Кёнхон родом из Бачжоу, из семьи Ян. Она рано потеряла родителей и жила у тетушки. Уже в четырнадцать лет она славилась красотой по всему Хэбэю. Люди из соседних округов хотели взять ее в наложницы, посылали в дом свах, но Кёнхон просила тетушку всех гнать прочь. Свахи говорили ей, вы, мол, барышня, отказываетесь от востока, отвергаете запад, никому не даете согласия. Отчего бы это? Должно быть, желаете только первого министра? А Кёнхон им всем отвечала: «Если бы сейчас, как во времена правления династии Цзинь⁵⁰, нашелся бы такой, как Се Ань-

ши⁵¹, приблизивший к себе певичку, я могла бы стать наложницей первого министра. А если бы появился Чжоу Гун-цзинь⁵² — тот, что был во времена Троецарствия и оборачивался на фальшивый звук, то я, пожалуй, стала бы женой правителя провинции. Я пошла бы за прославленным мужем, таким, как Ли Тайбо⁵³, который в правление императора Сюань-цзуна, пьяным сочинил «Оду чистоте и спокойствию». Пожалуй, мне подошел бы и выдающийся талант, повстречайся я с таким, как сановник Сыма Сян-жу⁵⁴, который во времена Хань сыграл пьесу «Фениксы» на особой цитре с зелеными струнами. Разве угадаешь заранее, с кем тебя сведет судьба?» Свахи рассмеялись и ушли. Тогда Кёнхон подумала, что у женщины из захолустья глаза и уши мало что видят и слышат. Только певице дано увидеть прославленных героев и выбирать по душе. И Кёнхон решила продать себя в «зеленый терем», и вот, прошли год-два, а ее имя уже прославилось. В прошлом году осенью знаменитые поэты из двенадцати округов Шаньдуна и Хэбэя устроили пир, Кёнхон исполнила для них танец «Юбка из радуги». Красотки, а их было несколько сотен, аж побелели от зависти. А когда пир окончился, она в одиночестве поднялась на башню Бронзового Воробья и ходила там, озаренная луной, вспоминая тех, кто жил в древности. Люди смотрели на нее как на небожительницу. Разве сыщите вы такую на женской половине? Как-то мы вместе с Кёнхон гуляли у храма Шангосы, что в Бяньчжоу, поверяли друг другу свои заветные мысли. Тогда мы и решили: если посчастливится кому-нибудь из нас встретить благородного человека, о котором мы обе мечтаем, пусть та непременно познакомит его с подругой, чтобы нам жить вместе. Я вот встретила вас, мое желание исполнилось, а Кёнхон, к несчастью, забрали во дворец владетельного князя в Шаньдуне, хотя ей вовсе и не нужны ни богатство, ни знатность.

— Оказывается, в «зеленых теремах» полно незаурядных женщин! — заметил Ян. — А нет ли таких на женских половинах?

— На мой взгляд, барышня Чин не имеет себе равных, а уж других я не осмеливаюсь и предлагать вам! Правда, я слышала, будто в столице все расхваливают дочь министра Чона за ее красоту, таланты и добродетели. Говорят, что среди нынешних девиц она — первая. Приедете в столицу и сами раз узнаете, так ли это на самом деле.

За беседой прошло время, и стало светать. Они встали, умылись и причесались.

— Вам не стоило бы здесь оставаться, — посоветовала Сомволь. — Вчера наши молодые господа остались недовольны, боюсь, как бы они вам не навредили. Лучше уехать пораньше. Впереди у вас еще много дней, стоит ли все душевные силы тратить на женщину?

— Ваши наставления врезались в мое сердце как металл и камень, — ответил ей юноша.

Прощаясь, они со слезами разняли руки, и Ян уехал.

МНИМАЯ МОНАХИНЯ ВСТРЕЧАЕТ В ДОМЕ ЧОНА
«ПОНИМАЮЩУЮ ЗВУКИ МУЗЫКИ».
СТАРЫЙ САНОВНИК ВЫБИРАЕТ В ЗЯТЯ ПОЛУЧИВШЕГО
НА ЭКЗАМЕНЕ ВЫСШУЮ НАГРАДУ.

Через несколько дней пути Ян добрался до столицы и остановился на постоялом дворе. Экзамены были еще не скоро, и он справился у людей, далеко ли храм Цзыцингуань. Ему ответили, что за воротами Чуньмин, и Ян с подарками отправился навестить двоюродную сестру матери настоятельницу Ту.

Настоятельница было около шестидесяти лет, она строго блюла монашеский обет и поэтому стала главной среди монахинь. Ян подошел к ней с почтительным приветствием и передал письмо от госпожи Лю. Наставница справилась о ее здоровье и, обрадованная, с грустью сказала:

— Вот уже прошло двадцать лет, как мы расстались с твоей матушкой, а теперь тот, кто родился уже позднее, вон как подрос, приходится смотреть на него, задрав голову. Поистине, время что вода бежит! Я стара, и мне надоела эта сутолока. Собралась уйти в горы Кунтун, отыскать там следы бессмертных. Да вот в письме сестры есть поручение, так что придется ради тебя, Ян, задержаться. Ты хорош, как небожитель, боюсь, среди нынешних девиц трудновато будет подыскать тебе подходящую пару. Но я еще подумаю, а ты заходи, как выдастся свободный денек!

Приближался день экзаменов, но вовсе не экзамены занимали его мысли, и несколько дней спустя он снова отправился поглядывать тетюшку. Та встретила его радостно:

— Есть одна девушка. Красотой и талантами она, пожалуй, тебе под пару, но ее дом очень знатен. Шесть поколений в ее семье носят титулы высоких сановников, а в трех — занимали должности первых министров. Если ты, Ян, получишь первое место на экзаменах, можно будет попробовать поговорить о браке, а до этого нечего и рот раскрывать. Так что незачем тебе докучать старухе, лучше готовься к экзаменам, сумей добиться победы!

— А из какой она семьи? — спросил юноша.

— Это дом министра Чона, — ответила настоятельница, — он — за воротами Чуньмин. Красные ворота их дома выходят прямо на дорогу, к ним прибито копые. Это знак их высокого положения.

Юноша тут же вспомнил слова Сомволь и подумал: «Что же это за девушка, если молва о ней ходит по двум столицам?»

— А вы сами, тетюшка, видели эту Чон?

— Как же не видела! — воскликнула настоятельница. — Барышня Чон поистине небесная дева! Словами и не опишешь, как она хороша.

— Не считите за хвастовство, — заметил Ян, — но стать первым на нынешних экзаменах для меня все равно, как вытащить что-нибудь из собственного кармана, но у меня всю жизнь было дурацкое желание — не делать брачного предложения, пока сам не увижу девушку. Мне хотелось бы, чтобы тетюшка милостиво меня поддержала и помогла бы мне хоть разок взглянуть на барышню.

Настоятельница расхохоталась:

— Как это можно увидеть дочь первого министра? Ты, что же, мне, старухе, не доверяешь?

— Смею ли я сомневаться в ваших словах? — ответил юноша. — Но люди разные. Разве ваши глаза непременно должны быть такими же, как мои?

— Не в этом дело! — ответила настоятельница. — Каждый знает, что феникс и цилинь — счастливые знамения, если взять белое солнце в синеве небес, тут уж все смотрят на них, задрав голову. Ну а когда глаз нету, то и красоту Цыду⁵⁵ не заметишь!

Ян вернулся к себе неудовлетворенный и на следующий день рано утром снова явился в храм. Тетюшка насмешливо спросила:

— Пришел спозаранку, наверняка по важному делу!

— Пока я не повидая барышню Чон, не будет покоя в моем сердце, — заявил Ян. — Вспомните, ведь матушка так на вас надеялась... Уж будьте снисходительны, придумайте какой-нибудь хитрый план, чтобы я мог хоть раз на нее взглянуть!

Настоятельница в сомнении покачала головой.

— Да... не легко! Не легко!

Подумав немного, она проговорила:

— Я вижу, у тебя большие способности. Не знаю, правда, учился ли ты музыке?

— Когда-то я повстречался с необыкновенным человеком, и он обучил меня искусным мелодиям.

— В доме сановника Чона высокие ворота, в пять ярусов, — продолжала настоятельница, — и ограда вокруг садов в несколько чан⁵⁶ — не подсмотришь. Сама барышня Чон начитанна, знает правила поведения и держится строго. Она не ходит в даосские

и буддийские храмы возжигать курения, в третий день третьей луны не бывает на гуляньях у реки. Чужому негде ее повстречать. Правда, есть один план, можно на нее взглянуть, да, боюсь, тебе он не понравится.

— Разве откажусь я от возможности увидеть барышню Чон?! — воскликнул Ян.

— Сановник Чон болен, — сказала тетушка, — его больше не занимает служба, он только и радуется, что музыке да саду. Его супруга, госпожа Чхве, тоже очень любит музыку, а барышня умна и проницательна, и нет на свете такого, чего бы она не знала. Она в совершенстве овладела музыкальным искусством — не хуже знаменитых в древности Ши Сяня и Цзы-ци⁵⁷, а фальшь уловит, что твоя Цай Вэнь-цзи⁵⁸. Поэтому госпожа Чхве как услышит про новую мелодию, непременно велит привести музыканта, усадит перед собой, а барышню просит разобрать, хороша ли пьеса, и оценить мастерство музыканта. Сама же сидит и слушает, опершись на столик. Это радует ее на старости лет. Вот я и думаю: если ты и на самом деле умеешь играть, разучи одну пьесу на цитре. В последний день второй луны будет праздник дня рождения хозяина Волшебной кладовой⁵⁹. Каждый год в этот день из дома Чон присылают служанку с подарками для подношений и возжигания ароматных свечей. Ты же переоденься в женское платье и начинай играть на цитре, так чтобы та услышала. Вернувшись домой, она обязательно доложит госпоже, и госпожа непременно тебя пригласит. Ну а когда попадешь в дом Чона, сумеешь повидать барышню или нет — это как тебе судьбой уготовано. Больше ничего не могу придумать. У тебя лицо красотики, да и борода еще не растет, а монашенки прячут волосы и закрывают уши, надеть же другое платье нетрудно.

Ян от души поблагодарил тетушку:

— Все сделаю, как вы сказали!

У министра Чона не было детей, кроме одной-единственной дочери. В тот день, когда госпожа Чхве должна была разрешиться от бремени, ей приснилось, будто в окно вошла фея с ясной жемчужиной в руке. Тут и родилась барышня, назвали ее Кёнпхэ — Драгоценность. Лицом и талантами она так отличалась от других, что ей трудно было подобрать пару. Уже настала для нее пора закалывать волосы шпильками, а родители все еще не могли выдать ее замуж.

Однажды госпожа Чхве позвала Чонгу, кормилицу барышни:

— Сегодня день рождения Верховного владыки, возьми ароматные свечи и ступай в храм Цзыцингуань, передай их настоятельнице Ту вместе с шелком на платье, чаем и плодами.

Чонгу села в маленькие носилки и вместе с дарами отправилась в храм. Настоятельница приняла ароматные свечи и поднесла их трем Верховным владыкам, взяла и шелк с чаем и плодами. Она побеседовала с Чонгу и потом вышла за ворота проводить ее. Чонгу только собралась сесть в носилки, как вдруг слышит: в помещении, что к востоку от алтаря трех Верховных владык, кто-то играет на цитре. Музыка струилась чистая и свежая. Чонгу замерла и стала слушать. Какая искусная игра!

— Я близка госпоже, и мне часто доводилось слушать игру знаменитых музыкантов, но такую мелодию слышу впервые. Не знаете ли вы, кто это играет? — спросила она у настоятельницы.

— Пришла к нам вчера молодая монашенка из Чуских земель, хочет столицу посмотреть. Она поселилась у нас и иногда играет на цитре. Я-то не разбираюсь в музыке, не понимаю, искусна ее игра или нет, но раз вы похвалили, значит, и в самом деле она хорошо играет.

— Если бы моя госпожа ее услышала, обязательно велела бы ее позвать. Вы уж уговорите ее остаться подольше, — сказала Чонгу и, напомним еще раз, уехала.

А настоятельница, проводив Чонгу, пошла рассказать об этом Яну. Юноша обрадовался и стал ждать приглашения.

На следующий день в храм послали служанку с маленькими носилками, чтобы пригласить женщину, которая играла на цитре.

Ян появился в платье монашенки с цитрой под мышкой — поистине явилась прекрасная фея Магу⁶⁰, очаровательная Се Цзы-жань⁶¹! Люди из дома Чон просто онемели от восхищения.

Ян отправился в дом Чона в маленьких носилках, а там, в главном зале, сидела госпожа. Манеры у нее были сдержанны, поза строгая. Ян дважды склонился в низком поклоне у ступеней зала. Госпожа велела ему подняться и сесть.

— Вчера моя служанка была в храме, и ей посчастливилось услышать неземные звуки вашей музыки, — сказала она. — Я тоже решила на вас взглянуть, и теперь при виде вашего чистого облика поневоле избавляешься от суетных мыслей.

Ян встал с циновки и поклонился.

— Я, бедная монашенка родом из Чу, скитаюсь, как облака, не оставляя следов. И вот судьбой я была удостоена предстать перед госпожой, я и мечтать не смела о такой милости!

— А ваши музыкальные пьесы... где вы научились, почтенная? — спросила госпожа.

— Некогда в горах Ланьянь я повстречала необычного человека, — ответил Ян, — и он передал мне несколько мелодий.

Все они были сочинены в древности и нынче их, пожалуй, никто не слышал.

Госпожа приказала служанке передать ей цитру, которую принес Ян.

— Какое прекрасное дерево!

— Это — столетний высохший платан, который рос в горах Лунмэнь и был разбит молнией, — ответил юноша. — Дерево твердостью не уступит металлу и камню. Я бы не променяла эту цитру и на тысячу золотых!

Они вели беседу, а барышня все не появлялась. Ян в нетерпении попросил госпожу:

— Я знаю древние мелодии, многие из них нынче уже не играют. А раз они старинные, не нашего времени, мне и самой в них толком не разобраться. От монахинь храма Цзыцингуань я слышала, будто барышня в понимании музыки не уступит даже Цай Вэнь-цзи. Мне бы хотелось проверить свое умение и попросить барышню наставить меня.

Госпожа велела служанке пригласить дочь. Вдруг расшитый занавес раздвинулся, вошла барышня и села возле матери. Яна укутала волна аромата, он встал и, поклонившись, поднял на нее глаза. Его сразу ослепило, душа пришла в смятение и никак не могла успокоиться, но Ян сидел далеко от барышни, его это не устраивало, и тогда он обратился к госпоже с просьбой:

— Я хотела бы послушать наставления барышни, но ваш прекрасный зал велик, а голосок барышни так нежен, боюсь, что не расслышу.

Госпожа велела служанке придвинуть поближе циновку монахини, и служанка передвинула ее туда, куда ей указали. Теперь Ян оказался возле госпожи, а справа от него сидела барышня — смотреть друг другу прямо в лицо они не могли, и юноша был крайне раздосадован, но повторить свою просьбу не решился. Служанка поставила перед ним столик и зажгла благовония в золотой курильнице. Юноша взял цитру и сыграл пьесу «Юбка из радуги, кофта из перьев».

— Как хорошо! — воскликнула барышня. — В этой музыке царит дух величия времен Тяньбао⁶², когда правил император Сюань-цзун. Пьесу, конечно, мог бы сыграть каждый, но я никогда не слышала такого прекрасного, такого совершенного исполнения. А впрочем, это вещь известная, хотелось бы услышать что-нибудь другое.

Ян снова заиграл.

— Звуки то веселят и бодрят, а то печалят и угнетают, — объяснила барышня. — Это «Цветы в саду деревьев из нефрита» последнего правителя династии Чэнь⁶³. Это музыка погибшего царства. Я бы хотела послушать другую.

Ян исполнил, а барышня разъяснила:

— Мелодия восхитительна! Она то приводит в восторг, то печалит, а то будто слышатся в ней задумчивость. Она посвящена Цай Вэнь-цзи. Варвары взяли ее в плен, и она там родила двух сыновей. Цао Цао⁶⁴ выкупил ее и вернул на родину, но ей пришлось расстаться с детьми, тогда она сложила песню на восемнадцать тактов для варварской дудочки. Это и есть та самая мелодия. Ее, конечно, можно слушать, но, право же, стыдно за женщину, которая утратила целомудрие! Прошу вас, сыграйте еще что-нибудь!

Ян снова заиграл.

— А это — мелодия для флейты Ван Чжао-цзюнь⁶⁵. Она была преданна государю и тосковала по родине, она страдала от бесчестия и роптала на несправедливость художника. В этой музыке вся глубина ее страдания. Но это песня инородцев, а музыка окраинных земель все же ненастоящая. Исполните, пожалуйста, другую пьесу.

Ян заиграл, и барышня переменилась в лице.

— Я давно не слышала такой музыки. Поистине, вы не обычная музыкантша! Это пьеса о герое, который оказался не в свое время. Он не нашел в себе сил оставить суетный мир, и в смутные годы вынужден был таить порывы своей преданной души. Это не «Поражение при Гуанлине» Цзи Кана⁶⁶? Когда его привели на казнь в Дунши, он, глядя на солнце, исполнил эту песню и сказал: «Как жаль! Кто же теперь захочет выучить песню «Поражение при Гуанлине»? Как обидно, что я не передал ее другим и теперь эту песню забудут!» Вы, почтенная, наверное, повстречались с душой Цзи Кана?

Юноша встал с циновки и ответил ей:

— Барышня, вы самая разумная на свете! Мне посчастливилось узнать эту песню от наставника, и он толковал мне ее так же, как и вы.

Ян снова заиграл.

— Восхитительно! — воскликнула барышня. — Круто вздымаются зеленые горы, безбрежно раскинулись воды, след бессмертного оставлен в пыли... Это не «Фея воды» Бо-я? Если бы дух Бо-я⁶⁷ узнал, как вы разбираетесь в музыке, он не стал бы так горевать о смерти Чжун Цзы-ци!

Ян сыграл еще, а барышня вдруг запахла переднюю полу платья и, опустившись на колени, промолвила:

— Мудрец в век смуты бродит по всей Поднебесной, он хочет помочь народу. Кто же, кроме светлого отца Куна⁶⁸, мог сочинить такую музыку? Наверняка это «Прекрасная орхидея»!

Ян привстал, добавил в курильницу благовоний и снова заиграл.

— «Прекрасная орхидея» воспекает совершенного мудреца, который хотел спасти Поднебесную, но так и не сумел, — заметила барышня, — а здесь говорится о том, что все на свете радуются весне. Круто высятся скалы, бурно несутся потоки. Но что-то не могу вспомнить названия, но наверняка это «Южный ветер» императора Шуня⁶⁹. Мелодия превосходна! Великолепна! Немыслима более совершенная красота! Вы наверняка знаете еще какие-нибудь пьесы, но я больше не хочу слушать!

— Я слышала, что, если сыграть подряд девять пьес, небожители сойдут на землю. Восемь я уже сыграла, осталась одна, — почтительно обратился Ян к барышне. Он мелодично перебрал струны, ударил по ним рукой и заиграл. В мелодии пьесы звучало торжество, терялся разум, ликовало сердце. Она пела о том, как перед дворцом вдруг расцвели сотни цветов, и парами прилетели ласточки, запели иволги.

Барышня вдруг нахмурила тонкие брови и опустила глаза, чистые, как осенние волны, но вдруг бросила взгляд на Яна — краска залила ей лицо, будто от весеннего вина вспыхнула на щеках, белых, как нефрит. Она вдруг поднялась и удалилась во внутренние покои.

Юноша онемел от страха. Он вскочил, отбросил цитру и, уставившись в спину барышни, стоял в растерянности. Госпожа Чхве велела ему сесть.

— Что это вы сейчас сыграли, почтенная? — спросила она.

— Я слышала эту пьесу от наставника и не знаю, как она называется. Мне хотелось послушать, что скажет о ней барышня, — ответил юноша.

Барышня не возвращалась, и госпожа послала служанку узнать, что случилось.

— Барышню в полдень просквозило, ей нездоровится, и она не может выйти, — сообщила служанка, вернувшись.

Ян перепугался, что она все поняла, и решил поскорее уйти. Он встал и поклонился госпоже.

— Я слышу, барышня захворала. Думаю, мне лучше удалиться.

Госпожа одарила его парчовой тканью, но Ян отказался ее взять:

— Я ведь научилась играть случайно. Разве осмелюсь я брать плату как мастер-музыкант?

Он поклонился, прощаясь, и, взяв цитру, ушел.

А госпожа, стала расспрашивать о болезни барышни, но оказалось, она уже поправилась.

Барышня вернулась в свои покои.

— Как чувствует себя наше Весеннее Облачко? — спросила она у служанки.

— Сегодня ей получше, — ответила та. — Она узнала, что вы слушаете цитру, и встала, уже причесалась и умылась.

Весеннее Облачко была из семьи Ка. Ее отец, родом из Сишу, приехал в столицу и стал служить писцом у министра, он оказал много услуг дому Чон, но неожиданно заболел и умер. Его дочери было тогда всего десять лет. Супруга министра пожалела сироту, взяла ее в дом и стала растить вместе с барышней. Они различались в возрасте всего на один месяц! Девочка была очень хорошенькой и по характеру сдержанной — будто из благородного дома. Она, конечно, уступала барышне, но в красоте ей все же нельзя было отказать, и стихи умела сочинять, искусно писала иероглифы и рукоделием занималась — во всем под стать барышне! Обе они дополняли друг друга, как верх и низ. Барышня считала ее равной себе и никогда с ней не расставалась, хотя одна из них была госпожой, а другая — служанкой. Дружили они, как сестры. Девушку звали Чхоун — Облачко из Княжества Чу, но барышне так нравился ее приветливый нрав и прелестное личико, что она решила выбрать ей имя из стихотворения Хань Юя⁷⁰:

*Словно в небе клубятся
весенние облака!*

Вот она и стала Весенним Облачком — Чхунун, и даже домо-чадцы привыкли ее так называть.

Чхунун пришла к барышне и полюбопытствовала:

— Говорят, будто в главном зале монашенка играет на цитре. Лицом, мол, она прямо небожительница, и мелодии у нее, каких теперь не услышишь, сама, мол, барышня ее хвалит. Тут я позабыла о своих хворах и тоже решила посмотреть. Почему она так быстро ушла?

Кёнпхэ залилась краской, но с достоинством ответила:

— Я соблюдаю себя так старательно, словно оберегаю драгоценный нефрит. Мои ноги не ступают за главные ворота, я даже с родней не вижусь. Ты, Чхунун, это знаешь. А нынче утром меня хитро провел мужчина, я болтала с ним полдня. Неслыханный позор! Как я покажусь на глаза людям!

Чхунун перепугалась:

— Что случилось? О чем вы говорите?

— Та монахиня на вид — само совершенство, и на цитре она играет искусно, но... — тут барышня замялась и замолчала.

— Так что же она? — допытывалась Чхунун.

— Эта монахиня сперва сыграла мелодию «Юбка из радуги, кофта из перьев», потом одну за другой еще несколько пьес и наконец дошла до «Южного ветра» императора Шуня. Я объясняла каждую вещь, а потом, как некогда поступил Цзи-чжа⁷¹, попросила ее окончить игру. Но монахиня захотела исполнить еще одну и заиграла «Феникс ищет подругу» — ту самую, которой Сыма Сян-жу соблазнил Чжо Вэнь-цзюнь. Я тут же заподозрила неладное и стала к ней присматриваться: и лицо, и манеры у нее совсем не женские! Это, конечно же, какой-нибудь шалопай решил поразвлечься в весенние деньки, переоделся и явился к нам. Как жаль, что ты, Чхунун, заболела. Тебе, наверное, стоило только раз взглянуть — сразу бы вывела его на чистую воду! А я-то, девушка с женской половины, полдня проболтала с незнакомым мужчиной! Неслыханно! Да об этом даже матушке не расскажешь! Если бы не ты, Чхунун, с кем бы я могла поделиться своими тревогами?

Чхунун рассмеялась:

— Разве девушка не могла разучить такую вещь, как «Феникс ищет подругу» Сян-жу? Наверняка вы, барышня, как говорится, увидели тень лука в чаше⁷²!

— Нет! Нет! — вскричала барышня. — Этот человек играл свои пьесы в определенном порядке. Если бы он не вкладывал особый смысл в «Феникса», зачем бы ему понадобилось играть ее в самом конце? К тому же внешностью женщины бывают и очаровательными, и нежными, но такой одухотворенности, такой мужественности и стати я не встречала ни у одной! Мне кажется, сейчас, перед экзаменами, в столице собрались ученые книжники со всех концов страны, и среди них пошла обо мне молва. Вот какой-то нахал и решил, как говорится, поискать цветов.

— Ну, если эта монашенка и в самом деле мужчина и, как вы говорите, красив, мужествен да еще с таким поразительным музыкальным даром, как знать, может, это и есть Сян-жу?

— Даже если он — Сян-жу, то я-то уж, во всяком случае, не Чжо Вэнь-цзюнь!

— Что вы такое говорите, барышня, смех, да и только! — воскликнула Чхунун. — Ведь Чжо Вэнь-цзюнь-то была вдовой, а вы — еще девушка! Вэнь-цзюнь пошла за ним, потому что хотела этого, а вы-то не хотите, вы просто его слушали. Зачем же сравнивать себя с Вэнь-цзюнь?

Тут обе девушки весело рассмеялись и весь день провели в забавах.

Однажды пришел сановник Чон и подал жене лист со списком выдержавших экзамен.

— До сих пор еще не улажены брачные дела нашей дочери, и я решил выбрать для нее жениха из списка сдавших экзамен на чин. Я узнал, что победителем вышел Ян Сою родом из Хуайнани, ему шестнадцать лет. Пока что он всего лишь сдал экзамен, но все считают его первым талантом нашего времени. Говорят, что и внешне он красив, да и наверняка сделает карьеру! Он еще не женат, и если нам удастся заполучить его в зятя, уладим брачные дела дочери, да и сами можем успокоиться.

— Надо нам самим его повидать, а уж тогда и решить, — возразила госпожа.

— Это нетрудно, — согласился с ней министр.

СТИХИ «РАСШИТЫЕ ТУФЕЛЬКИ» ЯВНО ГОВОРЯТ
О ЛЮБОВНЫХ МЕЧТАХ.
ОБМАН С КРАСАВИЦЕЙ-НЕБОЖИТЕЛЬНИЦЕЙ РЕШИЛ
СУДЬБУ НАЛОЖНИЦЫ-«ЗВЕЗДОЧКИ».

Барышня, выслушав отца, вернулась в свои покои.

— Монахиня, которая давеча играла на цитре, говорила, будто она родом из Чу, — задумчиво проговорила она. — Пожалуй, ей будет лет шестнадцать-семнадцать. А ведь Хуайнань — в Чуских землях, да и возраст у монахини и Ян Сою один... Не сомневаюсь, что он и есть та самая монашенка. Если это так, я обязательно должна сказать отцу, а ты, Чхунун, дождись его и как следует рассмотри!

— Так я же не видела эту монашенку, — засмеялась Чхунун, — даже если я встречу с ним лицом к лицу, как мне его узнать? Я вот думаю, не спрятаться ли вам, барышня, за расписной дверью да и самой подглядеть?

Ян Сою тем временем лучше всех сдал экзамены и был сразу же принят в академию ученых, его имя было у всех на устах. Сановники и титулованные особы — все, у кого в доме были дочери, тучами толпились с брачными предложениями, но он всем отказывал. Отправившись к министру Палаты церемоний, он получил письмо, в котором содержалось брачное предложение семье Чон, и спрятал его в рукав, чтобы вручить сановнику Чону. И вот, с цветком корицы в волосах, сопровождаемый, как говорится, музыкой небожителей, Ян прибыл к воротам дома сановника. Чон, узнав о его приходе, радостно объявил супруге:

— К нам пожаловал победитель на экзамене! — и пригласил его в покои возле главного зала.

Все в доме, кроме барышни, помчались смотреть на Яна, а Чхунун принялась расспрашивать служанок госпожи:

— Я слышала, как хозяин с госпожой говорили, что монашенка, которая давеча играла на цитре, двоюродная сестра этого Яна. Я сама ее не видела, но, говорят, они вроде похожи?

— Правда! Правда! — загалдели служанки. — И лицо и манеры... Надо же, чтоб двоюродные брат и сестра были так похожи! Чхунун тотчас побежала к барышне:

— Как вы ловко во всем разобрались, барышня! Их и на самом деле не различишь!

— Ступай-ка еще послушай, потом мне расскажешь!

Чхунун ушла и долго не возвращалась. Наконец она явилась с подробным рассказом:

— Наш батюшка сделал Яну брачное предложение, а тот поклонился и сказал: только я, мол, пришел в столицу, как сразу прослышал о красоте и скромности барышни, и у меня еще тогда, мол, родилась дерзкая мысль о браке. А сегодня уже с письмом министра он пришел в дом. Еще говорит, я, мол, думаю, домами мы не равны — моему дому далеко до вашего, как мутной речке до темного облака, и по достоинствам я отличаюсь от вас, как воробей от феникса. Я, мол, стыжусь и трепещу от страха, боюсь, что не станете даже слушать меня. Тут он обеими руками протянул письмо, а наш батюшка прочел и так обрадовался, что сразу повел угощать его вином и закусками.

Барышня перепугалась:

— Что же это батюшка так легко решает важное дело?

Только она проговорила эти слова, как прибежала служанка сказать, что госпожа велела позвать ее, и барышня отправилась к матери.

— Победитель на экзаменах Ян поистине редкий талант, — сообщила ей мать, — и твой отец уже дал согласие на брак. Наконец-то мы, старики, выбрали для тебя человека, которому можно довериться! Теперь нам не о чем беспокоиться.

— От служанок я слышала, будто Ян лицом очень похож на монашенку, которая давеча играла у нас на цитре. Правда ли это? — спросила барышня.

— Служанки правы, — ответила ей мать. — Эта монашенка незаурядна и выглядит как небожительница. Я никак не могу ее забыть и даже хотела опять ее пригласить, да за домашними делами все не могла собраться. А нынче взглянула на господина Яна — будто снова увидела ту монашенку. Теперь ты знаешь, как хорош Ян Сою!

— Может быть, господин Ян и красив, но мне он очень подозрителен, и боюсь, что брак с ним невозможен.

— Какие странные вещи ты говоришь! — воскликнула мать. — Ты, дочь, живешь на женской половине, а господин Ян — из Хуайнани. У вас не могло быть случая повидаться друг с другом! Почему же ты считаешь его подозрительным?

— Я до сих пор вам ничего не говорила, мне было стыдно, — ответила барышня. — Ведь та монахиня и есть Ян Сою! Он решил посмотреть, как я выгляжу, переоделся и явился играть на цитре. А я-то!.. Попалась на его обман, целый день с ним проболтала! Разве не подозрительно его поведение?

Госпожа перепугалась, но тут к ним вошел министр и радостно воскликнул:

— Ну, Кёнпхэ, поздравляю! Ты, как говорится, оседлала дракона! У нас большая радость!

— Боюсь, наша дочь думает совсем не так, как мы! — Возразила госпожа и передала ему все, что рассказала ей барышня. Министр сам расспросил Кёнпхэ и, узнав, что под конец Ян сыграл «Феникс ищет подругу», весело расхохотался:

— А наш-то Ян оказывается большой искусник по части веселых проделок! Помните, когда-то Ван Вэй⁷³, переодевшись музыкантом, играл на цитре во дворце принцессы Тайпин, а потом стал победителем на экзаменах? Теперь же Ян воспользовался этой великолепной историей и переоделся в женское платье, чтобы выбрать себе красивую жену. Вот уж действительно изобретательный человек! Это ведь была всего лишь шутка, что ж тут дурного? К тому же ты, дочка, видела его как женщину! И с Чжо Вэнь-цзюнь себя нечего сравнивать! Та сама подсматривала из-за шторы, и ее история совсем не похожа на твой случай. Так что выбрось-ка из головы все свои подозрения!

— Я ничего плохого не сделала, — возразила девушка, — но позволить так себя обмануть! Да я готова умереть от стыда!

Министр снова рассмеялся.

— Мне, старику, этого не понять. Лучше ты сама потом спросишь об этом у Яна.

— Когда господин Ян хочет устроить брачную церемонию? — спросила госпожа.

— Брачные подарки он вручит сейчас, — ответил министр, — а церемонию встречи невесты отложит до осени. Он назначит день, как только привезет сюда свою матушку.

— Раз церемония откладывается, нет нужды ее сейчас обсуждать, — решила госпожа.

Они выбрали счастливый день для вручения свадебных подарков и предложили Яну поселиться во флигеле в цветочном саду. Он как зять почтительно ухаживал за четой Чонов, и они полюбили его, как родного сына.

Однажды барышня, проходя мимо покоев Чхунун, заметила, что девушка, разморенная весенним солнцем, прикорнула над вышиванием своих парчовых туфель. Барышня вошла к ней посмотреть на работу и полюбоваться ее искусностью, как вдруг под пальцами заметила маленький листок бумаги, а на нем — несколько строк. Она развернула его, там оказались стихи, воспевающие туфельки. Вот эти стихи:

Ах, жаль вас!

За прекрасной госпожой

Повсюду шли вы

и не смели отставать.

Но вот когда на ней

развяжут пояс,

То вас она

положит под кровать.

Барышня прочла их и подумала: «Как хорошо стала писать стихи Чхунун! Расшитые башмачки — это, конечно, она сама, а красавица — должно быть, я. Чхунун здесь говорит о том, что прежде она никогда со мной не разлучалась, а теперь я выхожу замуж, и ей придется со мной расстаться. Весеннее Облачко очень любит меня!» Барышня стала читать дальше и улыбнулась: «Весеннее Облачко мечтает взойти на мое ложе — значит, хочет вместе со мной выйти замуж за одного и того же человека. Да, сердечко у нее сильно забилося!» Боясь, как бы Чхунун не проснулась, она потихоньку выскользнула из комнаты и пошла во внутренние покои повидаться с матушкой. А госпожа Чхве как раз приказывала служанке готовить для Яна ужин.

— С тех пор, как в нашу семью пришел господин Ян, матушке приходится заботиться о его столе и платье, — начала разговор барышня. — Вы должны отдавать распоряжения слугам и тратить свое здоровье. Мне полагалось бы о нем заботиться, вместо того чтобы разбирать его поведение, но я не могу этим заниматься, пока не было свадебной церемонии. Мне кажется, Чхунун уже подросла и может взять на себя многие дела. Давайте пошлем Чхунун в цветочный сад и поручим ей приглядывать за господином Яном, тогда вы, матушка, сможете избавиться от забот.

— Чхунун — девушка незаурядная, — возразила мать, — и ей, пожалуй, это не подойдет. К тому же у отца Чхунун есть заслуги перед нашей семьей, и его дочь не простая служанка. Наш отец все время хочет подыскать для нее хорошую пару, боюсь, Чхунун не пожелает служить тебе всю жизнь.

— Я случайно узнала о желаниях Чхунун, она не хочет со мной расставаться, — ответила ей барышня.

— И прежде случалось, что выходили замуж со своей служанкой, но Чхунун так красива и талантлива, что ее не сравнишь с простой прислугой. Боюсь, с твоей стороны было бы недальновидно брать ее с собой.

— Господин Ян еще шестнадцатилетним юнцом из далекой провинции пробрался с цитрой в дом министра, чтобы провести время с девушкой на женской половине. Неужто с таким характером он до старости будет предан одной жене? Потом, когда он получит пост министра, сколько женщин появится в его покоях?

В это время вошел отец, и госпожа передала ему разговор с дочерью.

— Мне кажется, стоит ли, не продумав все десятки раз, еще до свадьбы посылать наложницу?

— Чхунун и красотой, и талантами под стать нашей дочери, — заметил сановник. — К тому же они так нежно любят друг друга, что им хочется всегда быть вместе. Надо постараться, чтобы они не разлучались. Вот и выдадим их замуж вместе. А коли так, что нам мешает послать сперва Чхунун? Годится ли молодому мужчине, пусть и не ветренику, одному спать в сиротливой комнате да коротать ночи с догорающей свечой? Тем более такому, как Ян! Надо как можно скорее отправить к нему Чхунун, пусть развеет его одиночество. Но послать, не проведя должных церемоний, значит кое-как сделать важный шаг, а проведем церемонию — получится неловкость, не знаю, как и поступить.

— Есть у меня один план, — проговорила барышня, — мне хочется, чтобы Чхунун помогла мне отомстить за обман. И брата Сипсама попрошу помочь.

Выслушав Кёнпхэ, отец рассмеялся:

— План превосходный!

У министра был племянник по имени Сипсам — Тринадцатый. Ловкий и смывленный, он был неистощим на выдумки и всегда готов был принять участие в веселой проделке. Они с Яном пришли друг другу по душе и быстро подружились.

После разговора с отцом барышня вернулась в свои покои и заговорила с Чхунун.

— Чхунун, мы с тобой любим друг друга еще с тех пор, как челки покрывали наши лбы. Тогда мы играли с цветами и щебетали все дни напролет, а теперь я выхожу замуж. Ты, Чхунун, уже не ребенок, и тоже должна подумать о своем будущем. Не знаю, правда, может быть, у тебя есть кто-нибудь на примете?

— У меня до сих пор не было случая отплатить вам за вашу любовь, — отвечала Чхунун. — У меня только одно желание — прислуживать вам и никогда не расставаться.

— Я знаю, что ты хотела бы всегда быть рядом со мной, поэтому я и решила кое-что обсудить с тобой. Яну с его цитрой уда-

лось разыграть девушку на женской половине, и я оскорблена до глубины души. Только ты, Чхунун, можешь избавить меня от этого позора. Слушай! В глубокой долине в горах Чжуннаньшань у нас есть усадьба. Она недалеко от столицы, но там природа такая дивная, будто вовсе и не мир людей. Вот в этом чудном месте мы и зажжем твои свадебные свечи, Чхунун, а брата Чона попросим помочь нам обмануть этого Яна. Уж ты, Чхунун, не откажись потрудиться!

— Разве я осмелюсь не выполнить приказания барышни? — воскликнула Чхунун. — Но с каким лицом мне потом являться господину Яну?

— Неужто обманутым быть лучше, чем обманщиком? — возразила барышня.

Чхунун от души рассмеялась.

— Сделаю все, как велите!

Ян Сою был очень занят на службе во дворце, но когда случались свободные дни, он с друзьями пил вино в винных домах, а иногда отправлялся за город полюбоваться ивами и цветами. Однажды Яна пригласил Чон Сипсам.

— На юге, недалеко от города, есть одно тихое местечко, там удивительно красивые горы и речки. Давайте съездим туда на прогулку.

Они решили вдвоем насладиться природой, отказались от слуг и, взяв с собой чайники с вином, прошли десяток с лишним ли и, расположившись в сосновом лесу возле чистой речки, принялись угощать друг друга вином. Это была пора, когда в весенней дымке цвели в горах цветы и роняли лепестки в речную воду. Поистине здесь был настоящий Улинский персиковый источник⁷⁴! Пейзаж удивительной красоты!

— Эта речка берет начало на вершине гор Цзыгэ. В десяти с лишним ли отсюда есть одно дивное место. Говорят, в ясные лунные ночи, когда расцветают цветы, там можно услышать музыку небожителей. Правда, мне самому не случалось их повидать. Давайте, братец, попробуем вместе туда сходить.

Ян был любителем приключений и, услышав такое предложение, тут же собрался отправиться в путь, как вдруг они заметили, что к ним спешит слуга из семьи молодого Чона.

— С госпожой беда, просила вас скорее вернуться! — крикнул он.

Чон вскочил.

— Мне так хотелось с братцем попасть в обитель небожителей, да вот в доме случилось несчастье, надо вернуться. Видно,

не суждено мне повидать небожителей, — сказал он и быстро ушел.

Ян Сою остался в одиночестве, но жажда приключений в нем не угасла, и он отправился в путь по течению ручья, пока не очутился в ущелье. Все здесь выглядело необычно. Он заметил, что по воде к нему подплыл листок, на котором было что-то написано. Ян велел мальчику-слуге достать его, а на листке были стихи:

*Когда у небожителей собака
За облаками голос подает,
Там знают, господин со знаком «тополь»
Пришел проведать облачный чертог.*

Ян удивился и подумал: «Должно быть, выше на горе кто-то живет. Не простые стихи!». Он решил двинуться дальше, но тут мальчик-слуга принялся его уговаривать:

— Уже поздно, мы ведь в город не сможем вернуться!

Но Ян, не обращая на него внимания, продолжал идти. Он уже прошел с десяток ли, солнце село и все вокруг залил лунный свет, а ему даже переночевать негде. Ян даже забеспокоился, как вдруг заметил девочку в синем платье, лет десяти, которая стирала в речке белье. Увидев его, она вскочила и умчалась с криком:

— Госпожа! Госпожа! Господин пожаловали!

Он удивился и, поднявшись в гору на несколько десятков шагов, оказался возле маленького, аккуратного домика, стоявшего у речки. У цветущего персикового дерева в лунном сиянии стояла какая-то женщина. Увидев Яна, она почтительно поздоровалась и спросила:

— Отчего вы, господин Ян, пришли так поздно?

Ян с изумлением оглядывал женщину. На ней было платье из алой парчи, в прическе — малахитовые шпильки, а пояс украшен подвесками из белого нефрита. В руках она держала веер, сделанный в виде хвоста феникса. Она была прелестна и воздушна. Настоящая фея!

Ян смешался и торопливо ответил на приветствие:

— Я — обыкновенный земной человек, и у меня с вами не была назначена встреча. Почему же вы говорите, что я поздно пришел?

— Зайдите, пожалуйста, в дом, — пригласила красавица и, приведя его в беседку, усадила как гостя.

Тут же девочка-служанка подала вино и закуски, а красавица, вздыхая, промолвила:

— Рассказывать о прошлом — только предаваться печали. Ведь я — служанка феи Сиванму⁷⁵, которая живет у Нефритового пруда, а вы в прежней жизни были бессмертным на небесах. Однажды по приказанию Небесного властителя вы отправились на прием к фее Сиванму и там увидели меня. Я, заигрывая, послала вам чудесный персик. Ванму разгневалась и обо всем доложила Небесному государю. И вот вас отправили в мир людей, а меня сослали в горы. Сегодня как раз истекает срок моей ссылки, и я должна вернуться к Нефритовому пруду, но мне очень хотелось повидать вас, чтобы хоть на мгновение вспыхнуло прежнее чувство. Зная, что вы должны сюда прийти, я умолила небесного стража подождать один день.

Луна поднялась в вышину и склонилась Серебряная река — настала глубокая ночь, и они, прильнув друг к другу, взошли на ложе. Ну, совсем как в той истории про Лю и Юаня⁷⁶, которые на горе Тяньтай повстречались с красавицами! Зачарован он, или все это происходит на самом деле? Они оба никак не могли утолить свое желание и лишь когда птицы запели в горах и на востоке показались лучи солнца, красавица поднялась.

— Сегодня я должна вернуться к Нефритовому пруду, и за мной придут небесные стражи с алебардами. Если вы, господин, не уйдете прежде, случится беда. Не забывайте о наших чувствах — придет день новой встречи!

На шелковом платке она написала стихи о разлуке и подала их Яну. Вот они:

*Мы с вами встретились —
это цветы заполнили чистое небо.
Снова цветы опустились на землю —
это мы с вами расстались.
Миг нашей встречи —
он только во сне был.
Воды Жошуй⁷⁷
нас навеки опять разлучают.*

Ян оторвал лоскут рукава от рубашки и написал в ответ стихотворение:

*Это небесный ветер
в нефритовых пел подвесках,*

*Это разметаны тучи
утром в Ушаньских горах.
Это волшебный дождик
здесь изливался под вечер,
Влагой любви задержаться
в тонких Сян-вана⁷⁸ шелках.*

Красавица трижды напредила, что ему пора уходить, и они расстались, проливая слезы.

Спустившись с горы, Ян оглянулся, но там, где он провел ночь, лишь рассветные облака клубились на горных уступах. Казалось, ему просто приснился сон о Нефритовой террасе⁷⁹.

Вернувшись домой, он подумал: «Эта фея хоть и сказала, что теперь настал срок ее возвращения на небо, но откуда ей знать, что за ней придут именно сегодня? Мне надо было остаться в горах, спрятаться в укромном местечке да подсмотреть, как явятся ее встретить небесные стражи, а потом уж спуститься вниз». Он не мог заснуть всю ночь, а наутро, рано поднялся и, никому не сказав, позвал слугу и отправился к горам Цзыгэ — туда, где встретил фею. Но здесь нашел лишь речку с цветущими персиками да пустой домик — и ни единой души! Весь день Ян бродил одиноко, проливая слезы.

Через несколько дней к Яну зашел Чон.

— Я не нахожу себе места из-за того, что в прошлый раз у меня заболела жена, и мы с тобой не смогли вволю погулять. Сейчас, правда, уже отцвели персики и сливы, но зато к югу от города все еще хороши тенистые ивы. Давай пойдем вместе послушать песни иволги.

Вдвоем они сели на лошадей и выехали за городские ворота, нашли укромное место и, усевшись на траве, принялись за вино. Как вдруг Ян поднял глаза и заметил на холме наполовину разрушенную могилу. На тропинке среди густой зелени кое-где мелькали цветы, да несколько деревьев стояло вокруг. Он вздохнул и проговорил:

— Жизнь человека однажды кончается и оказывается в земле. Как не выпить вина, пока еще жив?

— Ты наверняка ничего не знаешь про эту могилу. Здесь похоронена девушка по имени Чан. О ее красоте говорила вся Поднебесная, ее даже прозвали Чан — Прелестный Цветок. Она умерла в двадцать лет и похоронена здесь. Люди долго ее оплакивали, посадили ивы и цветы, чтобы отличить это место. Давай и мы польем эту могилу вином, утешим душу Чан.

Ян был человеком добросердечным и, подойдя к могиле, вместе с Чоном вылил на нее вино. Совершая древний обряд призвания души, каждый из них сочинил стихи и громко прочел их.

Чон обошел могилу и вдруг на углу, где провалилась земля, обнаружил кусок белого шелка, а на нем были написаны стихи. Чон прочитал их и заметил:

— Какой-то бездельник сочинил стихи и положил их на могилу девушки!

Ян тоже взглянул на них. Это были те самые стихи, которые он написал для феи на лоскуте от своей рубашки! Он испугался и подумал: «Неужели та красавица была духом девицы Чан?» От ужаса он весь покрылся потом, даже волосы на голове встали дыбом. Он принялся себя успокаивать: «Она красива и чувства ее искренни. Ведь случается, что люди связывают свою судьбу с небожителями, так отчего же не завести отношения с духом покойницы? Какая в конце концов разница?» Воспользовавшись моментом, когда Чон отошел в сторону, Ян потихоньку вылил на могилу еще одну чарку вина и произнес заклинание:

— Свет и тьма различны, но чувство наше едино. Я молю твою прекрасную душу внять моей просьбе и сегодня ночью продлить наш союз!

После этого они вместе с Чоном вернулись домой.

Ночью Ян, один в своем саду, прилег на подушки, но мысли о красавице не давали заснуть. Тени деревьев закрывали окно, луна светила тускло, и тут вдруг слышались звуки шагов. Ян открыл окно и выглянул: среди кустов в лунном свете стояла красивая девушка в белом шелковом платье, слегка нахмуренная. Он пригляделся — это была фея с горы Цзыгэ! Полный нескazanной радости, он выскочил за дверь, схватил ее нежную ручку и хотел ввести в комнату, но фея отказалась:

— Вы, господин, теперь знаете, кто я такая. Неужели я вам не противна? Встретившись с вами, я решила рассказать вам всю правду, но побоялась, что вы испугаетесь, и выдала себя за небожительницу. Мне ведь так хотелось услужить вам в постели хотя бы одну ночь! Но моя красота пропала, а высохшие кости не оживут. Нынче вы посетили мое жилище, возлили вино и утешили бесприютную душу. И вот я, не в силах справиться с волнением, решила еще раз прийти к вам и поблагодарить. Но смею ли приблизить к вам свою темную сущность? Однажды я решилась, но разве осмелюсь еще раз быть угодной вам?

В ответ Ян притянул ее к себе за рукав.

— Только дураки и трусы боятся духов. Человек становится духом, а дух превращается в человека, — ответил Ян. — Как тут отличишь одного от другого? У меня есть чувство к тебе, зачем же отворачиваться?

— Вы, господин, видите мои темные брови и румяные щеки, а ведь все это фальшивое и служит для того, чтобы сблизиться с людьми. Если б вы знали мой истинный вид... Просто белые кости, покрытые зеленым мохом. Как же я решусь приблизиться к вашему драгоценному телу?

— Будда говорил, что человеческая плоть творится из таких непостоянных вещей, как земля, вода, огонь и ветер. Что тут настоящее, а что ложное? — возразил Ян и с этими словами повел ее в спальню. После радостей этой ночи они полюбили друг друга еще сильнее.

— Давай теперь встречаться каждую ночь, — предложил Ян.

— У людей и духов разные пути, — ответила она, — но мы любим друг друга и души наши созвучны. Раз ваши чувства искренни, как я могу не довериться вам?

Тут вдруг раздался рассветный колокол, она вскочила, вошла в заросли цветущих кустов и исчезла.

КА ЧХУНУН — «ВЕСЕННЕЕ ОБЛАЧКО» —
ТО ЛИ ФЕЯ, ТО ЛИ БЕС.

ЧОК КЁНХОН — «ИСПУГАННЫЙ ГУСЬ» —
ТО ЛИ ЖЕНЩИНА, ТО ЛИ МУЖЧИНА.

После встречи с феей Ян перестал видеться с друзьями. Он сидел в своем цветочном саду, и ждал только новой встречи. Однажды за воротами его цветочного сада послышались голоса и вошли двое. Впереди шел Чон Сипсам, а за ним следовал незнакомец. Чон провел его в дом и представил Яну:

— Это господин Ту Чинин из Дворца Великого Предела. Он узнаёт судьбу по чертам лица и умеет гадать так же искусно, как знаменитые Юань Тянь-ган⁸⁰ и Ли Чунь-фэн⁸¹. Я привел его, чтобы он погадал тебе по лицу, братец.

Ян почтительно приветствовал Чинина:

— Я много слышал о вашем почтенном имени, но до сих пор не удостоился встречи с вами. Наверняка вы уже предсказали Чону его судьбу, так что же его ожидает?

— Учитель гадал мне и изволил порадовать, — ответил Чон. — Через три года я сдам экзамены и стану правителем восьми областей. Меня бы это вполне устроило, я уверен, что слова учителя сбудутся. А теперь пусть он погадает тебе, братец.

— Говорят, истинный муж не спрашивает о счастье, — сказал Ян, — его заботят грядущие беды. Так пусть наставник поведаст мне всю правду!

Чинин долго вглядывался в него и произнес:

— Брови Яна отличаются совершенством, а глаза, прекрасные, как фениксы, удлинены до волос на висках. Это значит, что вас ожидает пост первого министра. Мочки ваших ушей белы, будто набеленные, и круглы, словно жемчужины свешиваются, — значит, о вашем имени услышит вся Поднебесная. В костях лица чувствуется сила — это говорит о том, что в ваших руках будет военная власть, и ваше могущество потрясет всю страну между четырьмя морями, а сами вы станете владетельным князем обширных земель. Но разве бывают люди без изъянов? Вот и у вас — беда прямо перед глазами! Если бы вы меня не встретили — погибли бы, погибли!

— Счастье и беда, радость и горе — все зависит от самого человека, только в болезнях он не властен. Может быть, на мне есть знаки тяжелого недуга?

— Эта беда необычная, — ответил Чинин. — Чернота пронизывает чело, лоб охватили коварные силы. Может быть, у вас есть какая-нибудь рабыня с темным прошлым?

Ян уже понял, что речь идет о девице Чан, но, скрыв свою догадку, уверенно ответил:

— Таких у меня нет!

— А может быть, вас охватила жалость, когда вы проходили мимо заброшенной могилы, или во сне имели связь с духом покойного? — продолжал Чинин.

— И этого не было! — ответил Ян.

— Учитель Ту никогда не ошибается, — вмешался Чон. — Ты, братец, подумал бы как следует.

Ян промолчал, а Ту Чинин заговорил снова:

— Люди связаны со светлым началом и в нем черпают свои силы. Духи же ищут себе опору в темном, вот почему люди и духи противоположны, как день и ночь, несовместимы, как огонь и вода. Я вижу, что дух какой-то бесовки вселился в ваше тело, пройдет несколько дней, и он проникнет в костный мозг. Боюсь, тогда уже невозможно будет спасти вашу жизнь. Смотрите, я вас предостерег!

«Слова Чинина, конечно, имеют основание, — подумал Ян, — но мы с этой барышней Чан так любим друг друга! Чем же она может мне навредить? Ведь бывало в древности — чуский Сян-ван⁸² встречался с феей и спал с ней на одной циновке, а Ли Чунь-суй⁸³ спутался с бесовкой и даже родил сына. Если были такие примеры в древности, почему же я должен беспокоиться?» — и он заметил Чинину:

— Когда человеку умереть и сколько ему прожить на свете — все устанавливается еще при его рождении, с самого начала. Если в будущем меня ожидает богатство, знатность и пост министра, как мне могут помешать злые духи?

— От вас зависит, много или мало вы проживете, я тут ни при чем, — ответил ему Чинин и, как говорится, в досаде взмахнув рукавом, удалился, а Ян не стал его удерживать.

— Ты, Ян, счастливчик, а таким даже бесы помогают, — начал его утешать Чон. — Чего тебе бояться каких-то покойников? Как часто случается, что человека запугивают лживыми предсказаниями!

Они взяли вино и пили до самого вечера. Ян протрезвел только к ночи, зажег ароматные курения и стал ждать барышню. Наступила глубокая ночь, а благоуханной и следов не было. Ян решил, что она не придет и собрался лечь спать, но тут за окном вдруг послышался голос барышни:

— У вас в волосах спрятан амулет этого коварного предсказателя, — жалобно промолвила она, — как же я могу к вам приблизиться? Знаю, что не вы этого захотели, но наша любовь кончилась. Об одном только прошу вас, господин, берегите себя, а я уйду навсегда.

Ян, разгневанный, вскочил, раздвинул двери и выглянул наружу: никого не было. Только письмо осталось на ступенях. Он развернул его и прочел. Это были стихи барышни:

*Вы к фее приходили
на закате,
Вы холм кропили
жертвенным вином.
Корю ли вас,
что нам пришлось расстаться?
Нет, это все подстроил
хитрый Чон!*

Ян горестно вздохнул и запустил пальцы в волосы: там было что-то спрятано. Оказалось, это был амулет с заклинанием. Ян разозлился:

— Этот хитрец обманул меня! — и в ярости разорвав амулет, выбросил. Он снова перечитал стихи и вдруг догадался:

— Она досадует на Чона. Так значит, это все проделка Сипсама! Он лишил меня счастья, хотя и без злого умысла. Не коварный предсказатель, а Чон! Уж я ему задам!

Ян написал стихи — ответ барышне — спрятал их в карман и вздохнул:

— Стихи написал, а отдать некому!
Вот его стихи:

*Облаком легким
душа улетела под северным ветром.
Здесь, на земле,
только холмик, поросший травой.
Тихо склонились цветы
под полуночным светом,
Помнишь ли ты обо мне еще,
друг дорогой?*

Дождавшись рассвета, Ян отправился домой к Чон Сипсаму, но тот, оказывается, ушел. Три дня он к нему ходил, но все не заставал, и от барышни не было никаких вестей. Может, наве-

даться к домику в горах Цзыгэ? Но небожительница вернулась к себе. Сходить к могиле на южном холме? Так ведь ни голоса не услышишь, ни личика не увидишь! И спросить не у кого. Он ничего не мог придумать и от тоски перестал есть и спать.

Однажды супруги Чон устроили пир и пригласили Яна.

— Ян, у тебя такой вид, будто ты крайне измучен! — заметил сановник Чон.

— Да мы с братцем Сипсамом несколько дней подряд пили, наверное, из-за этого.

Тут вошел молодой Чон, Ян зло взглянул на него и ничего не сказал.

— Ты, братец, наверное, очень озабочен государственными делами, — заговорил Чон, — а может, у тебя на душе беспокойно, все о матушке думаешь? Ты так похудел, уж не занемог ли с перепоя? Отчего духом пал?

«Вот бродяга бездомный!» — подумал Ян, а тут сановник заметил:

— Слуги в доме поговаривают, будто Ян в своем цветочном саду ведет беседы с какой-то красоткой. Верно ли это?

— Мой цветочный сад на отшибе, кто же туда зайдет? — ответил Ян. — Тому, кто сказал вам такое, видно, померещилось!

— Яну везет. Что же ты смутился, как девочка? — снова заговорил Чон. — Братец хорохорился, предсказателя Ту прогнал, но твой вид сам обо всем говорит. Боюсь, у тебя затмение ума и ты сам этого не понимаешь. Потом беды не оберешься, вот я потихоньку и запрятал в твоих волосах амулет Ту Чинина, изгоняющий злых духов, а ты был пьян и ничего не заметил. Сам я этой ночью спрятался среди деревьев в твоём саду и стал подсматривать. Вижу — явилась какая-то бесовка, повела у твоей спальни, а потом перескочила через ограду и исчезла. Это заклинания предсказателя подействовали! Ведь я от души старался, а ты вместо благодарности на меня злишься!

Ян понял, что правду больше скрывать невозможно.

— Ваш зять странный и беспокойный человек. Я должен обо всем поведать своему уважаемому тестю! — и он все без утайки рассказал сановнику.

— Я понимаю, что братец Сипсам меня любит, — добавил Ян. — Он говорит, будто барышня — злой дух, но она так красива и скромна, так сердечна и бесхитростна, что никак не может мне навредить. Я, конечно, утомлен, но ведь я мужчина, не может меня провести какой-то бес! Братец Чон своим амулетом прервал нашу любовь, и я затаил на него обиду!

Сановник рассмеялся:

— Ян, у тебя утонченный вкус, прямо как у Сун Юя⁸⁴, наверняка ты уже написал оду «Божественной деве»! Я не смеюсь над тобой! В молодости я как-то повстречался с необыкновенным человеком, и он научил меня вызывать духов. Так и быть, я постараюсь для своего зятя вызвать духа девицы Чан.

Тут сановник хлопнул по ширме мухоголкой и воскликнул:

— Барышня Чан, где ты?

И вдруг из-за ширмы появилась очаровательная девушка и, сдерживая улыбку, встала позади госпожи. Ян глянул на нее — это была та самая барышня Чан! Он был обескуражен, ничего не мог понять и глядел то на министра, то на молодого Чона.

— Человек это или злой дух? Если дух, то как он осмелился появиться среди бела дня?

Министр с супругой расхохотались, а молодой Чон прямо зашелся от смеха так, что упал ничком и не в силах был подняться.

— А теперь я расскажу нашему мудрому зятю всю правду, — начал министр. — Эта барышня — не дух покойника и не фея, а девушка, воспитанная в моей семье. Фамилия ее Ка, а звать Чхунун. Ты в цветочном саду скучал в одиночестве, вот я и послал тебе в услужение эту красавицу, чтобы скрасить твои дни. Мы, старики, старались от доброго сердца, но тут вмешалась молодежь и затеяла подшутить над тобой да и помучить тоже.

А молодой Чон со смехом добавил:

— Ведь это благодаря мне ты дважды встретился с девушкой, но вместо того, чтобы отблагодарить сваху за любезность, смотришь на меня волком. Ты, братец, неблагодарный человек!

Тут и Ян рассмеялся:

— Тесть посылает ко мне девушку, а ты, братец Чон, разыгрываешь меня. Выходит, ты виновен! За что же я должен тебя благодарить?

— Я на самом деле всего лишь подшутил, — ответил Чон, — и теперь могу с радостью признаться, что следовал чужим указаниям. Почему же вся вина должна пасть на меня одного?

Ян, рассмеявшись, спросил у сановника:

— Что я слышу? Неужели это вы, мой тесть, сыграли такую шутку со своим зятем?

— Нет! Нет! — вскричал сановник. — Мои волосы уже побелели, пристало ли мне заниматься мальчишескими забавами? Ты, Ян, ошибаешься!

Тогда Ян взглянул на Чона.

— Если все это не твоих рук дело, так чьих же?

— Совершенномудрые говорили: «То, что от тебя исходит, к тебе же и возвращается», — ответил Чон. — Пораскинь-ка, братец, мозгами, кто мог такое придумать? Ты-то сам кого позволил себе одурачить? Если мужчина мог стать женщиной, то и человек мог превратиться в небожителя, а небожитель — в злого духа. Что же здесь удивительного?

Тут Ян сообразил и, рассмеявшись, признался госпоже:

— Да! Да! Ведь я виноват перед барышней, и ее гнев, конечно же, не прошел!

Сановник с супругой рассмеялись в ответ, а Ян обратился к Чхунун:

— Ты, Чхунун, умна и проницательна, но, собираясь прислуживать человеку, ты сперва разыграла его. Разве так должна вести себя жена?

— Я выслушала только распоряжения генерала, но, еще не знаю повелений государя! — ответила Чхунун.

Ян вздохнул с сожалением:

— Когда-то фея утром стала облачком, а вечером пролилась дождем, а теперь Чхунун явилась феей утром, вечером же обернулась бесом. В сущности, то же самое! Я слышал, что у сильного генерала не бывает плохих солдат, ну, если уж его младшие командиры таковы, могу себе представить, каков сам генерал!

Все рассмеялись. Принесли еще вина, закусок и пировали до самого вечера. Чхунун, как молодую, посадили на самое последнее место, а когда наступила ночь, она взяла свечу и пошла за Яном в цветочный сад.

Ян Сою решил отправиться во дворец, чтобы испросить отпуск и привезти матушку, госпожу Лю. Но тут в государство пришла беда. В пограничные земли вторглись тибетцы, а в Хэбэе⁸⁵ три правителя объявили себя государями: один — земли Янь, другой — Чжао, а третий — владения Вэй и отказались повиноваться императорскому двору. Государь был сильно обеспокоен этим и, собрав чиновников, стал обсуждать, не смирить ли мятежные владения оружием. Однако у сановников, заполнивших императорский двор, никаких предложений не было. Тогда выступил член императорской академии ученых Ян Сою:

— Думаю, нам лучше послать им грамоту с увещанием, как это сделал некогда ханьский император Вэнь-ди, обуздавший правителя Наньюэ⁸⁶. Если же они не покорятся, направим туда войско.

Государь принял этот план и повелел Ян Сою сочинить грамоту. Изящный слог Яна изливался, словно фонтан бьет, а кисть

неслась, как ветер — в одно мгновение грамота была готова и поднесена государю.

Государь радостно одобрил:

— В твоём послании видна и наша милость, и наше величие. У тебя именно тот стиль, о котором говорят «речь государя нитью обовьет». Мы полагаем, такое послание непременно должно привести мятежников к покорности.

Грамоту разослали по трем владениям. Правители Чжао и Вэй тотчас же покорились, отказались именоваться царями и направили императору послания, где просили прощения за свои преступления. Они послали в дань десять тысяч коней и тысячу кусков шелка. Не захотел покориться лишь один Янь-ван — он полагался на отдаленность своих владений и силу войска. Государь призвал Яна и поздравил:

— Вот уже сто лет, как три владения Хэбэя проявляют непокорность нашему двору. Император Дэ-цзун послал сто тысяч солдат, чтобы покарать их, но до сих пор их строптивый дух не сломлен. Теперь же вы, исписав лишь один листок бумаги, привели к покорности два владения, и вам не понадобилась много-тысячная армия.

Государь пожаловал ему три тысячи кусков шелка и пятьдесят коней, а еще пожелал дать повышение по службе, но Сою с благодарностью отказался:

— Владение Янь все еще не приведено к покорности. Так за какие заслуги вы изволили дать приказ о моем повышении? А теперь я хотел бы взять немного солдат и отправиться в непокорное владение, чтобы смертью воздать своей стране!

Государь одобрил его намерение и стал советоваться с сановниками. Те в один голос ответили:

— Пусть Ян Сою отправится в Янь и растолкует им, что принесет выгоду, а что — вред. Если же и после этого они откажутся повиноваться, тогда уж направим туда армию.

Государь одобрил их план, назначил Ян Сою послом, и тот с жезлом и секирой направился в Янь.

Собираясь в путь, Ян зашел проститься к сановнику Чону.

— Крайние владения издавна ведут себя высокомерно, — сказал ему сановник, — и не повинуются императорскому двору, а ты, Ян, один едешь в далекие, полные опасности земли, и если неожиданно случится беда, это принесет несчастье не только мне, старику. Я уже давно не принимаю участия в государственных делах, но теперь я хочу подать государю прошение, чтобы предостеречь его.

Ян стал его отговаривать:

— Вы, дорогой тесть, напрасно опасаетесь. Окраинные владения учинили мятеж, да еще в политике двора не было порядка, вот они и стали своевольничать. Нынче же при дворе спокойно и государь полон воинственного духа, поэтому два владения Чжао и Вэй покорились. Так что же нам смотреть на это Янь? Я нынче отправляюсь в путь и не опозорю свою страну!

В тот же день Ян собрался в дорогу, а Чхунун схватила его за платье и стала причитать:

— Прежде, когда по утрам вы уходили во дворец, я вставала рано, прибирала в спальне и подавала вам придворное платье, а вы смотрели на меня так, будто вам не вынести разлуку. Теперь вы уезжаете за десять тысяч ли, неужели не скажете мне ни одного словечка?

Ян рассмеялся:

— Когда мужчина занят делами страны, разве он может думать о своих личных чувствах? И ты, Чхунун, не убивайся, не порти свою красоту! Ухаживай пока за барышней и отсчитывай дни, я же тем временем с успехом завершу дела и счастливо вернусь домой, а на поясе у меня будет висеть золотая печать, большая, вроде ковша, вот увидишь! — и с этими словами уехал.

Через несколько дней они прибыли в Лоян. Прошел всего лишь год, когда он, шестнадцатилетним школяром в холщовом платье, проезжал эти места верхом на хромом ослике. И вот теперь он мчится на четверке лошадей, с императорской нефритовой биркой в руках, лоянский правитель едет впереди, очищая перед ним дорогу, а губернатор Хэнани почтительно указывает путь. Вся дорога была озарена блеском этого поезда, а сбежавшийся народ почитал его за небожителя.

Ян Сою первым делом послал мальчика разузнать про Сомволь. Оказалось, ворота ее дома уже давно стояли на запоре, а местные жители рассказали:

— Прошлой весной, у Сомволь провел ночь какой-то господин из дальней стороны. С тех пор она сказалась больной и перестала принимать гостей. Чиновники устраивали пиры, приглашали ее, но безуспешно. Она прикинулась помешанной, надела платье монахини и теперь скитается неведомо где.

Когда мальчик явился с этими вестями, у Яна сразу испортилось настроение, и ночь он провел на постоялом дворе. Правитель послал ему для развлечения десятков певичек, украшенных жемчугом и нефритом, искусно накрашенных. Они старались угодить гостю, среди них были и те, которых он не

когда встречал в винном доме у моста Тяньцзинь, однако Ян даже не взглянул на них. Собираясь в путь, он прямо на стене написал стихи. Вот они:

Дождь прошел над Тяньцзиньским мостом,
снова ива цветет.

Свет и ветер этой весны
мне напомнили прошлый год.

Я вернулся, сжимая в руках
знак отличия — пластинку нефрита,

Только той, что вином здесь поила меня,
не видно!

Написал, отшвырнул кисть и умчался в своей колеснице. Певичкам только и оставалось, что краснеть от стыда. Они бросились переписывать его стихи, чтобы показать их правителю, а правитель, охваченный страхом, узнал у них, кто занял мысли члена императорской академии, а после объявил приказ отыскать Сомволь и велеть ей дожидаться возвращения императорского академика.

Тем временем Ян Сою доехал до княжества Янь. Жители этой дальней стороны никогда не видели могущественных императорских сановников, народ толпился у его колесницы, загораживая дорогу, и каждый был счастлив хоть раз на него взглянуть. Могущество Яна поражало, как удар грома.

Встретившись с правителем Янь, сановный Ян превозносил могущество великой танской империи и разъяснял ему, что для него выгодно, а что принесет вред. Его речь была разумной и слова, как морские волны, плавно катились одно за другим. Правитель Янь унял свой строптивый дух и покорился. Тут же было составлено послание императору, где правитель отказывался от титула «государь» и просил принять его повиновение.

Правитель устроил во дворце пир, а когда Ян Сою собрался в обратный путь, он одарил его золотом и десятью породистыми конями, но Ян Сою не принял даров и, покинув яньские земли, направился на запад.

Через десять с лишним дней он доехал до Ханьдэ, и тут заметил у дороги юношу верхом на коне. Сопровождающий, увидев, что он двинулся следом, велел юноше сойти с коня и постоять у дороги.

— Какой прекрасный конь у этого школяра! — промолвил Ян, глядя на него, а подъехав поближе, заметил, что и сам юноша был красив, как Пань Юэ⁸⁷ или Вэй Цзе⁸⁸.

— Я бывал в двух столицах, но ни разу не встречал такого прекрасного юношу! — подумал Ян. — Хотел бы я знать, так ли он талантлив, как и красив? — И тут же велел сопровождающему пригласить юношу следовать за ним. Когда Ян остановился отдохнуть на почтовой станции, молодой человек был уже там, и Ян послал за ним слугу. Юноша появился тотчас же.

— Мне кажется, будто случайно в пути я встретил знаменитого Паня! — с восторгом произнес Ян. — Вы понравились мне сразу, и я решил пригласить вас, но боялся, что вы даже внимания на меня не обратите. По счастью, вы не пренебрегли моим приглашением, и теперь мы с вами сидим на одной циновке, как старые друзья. Я хотел бы, уважаемый брат, узнать ваше имя.

— Я родом с севера, — ответил молодой человек, — а звать меня Чок Пэнно. Я вырос в бедном краю, и у меня не было ни хорошего наставника, ни добрых друзей, у которых можно было бы поучиться искусству сочинения стихов или владения мечом, поэтому мое маленькое сердце готово умереть за друга! Когда нынче вы проезжали по Хэбэю, меня поразили ваше могущество, подобное грому, и ваши добрые дела, благодатные, как теплая весна. Я понимаю всю свою неразумность, а поэтому только и надеюсь притулиться под вашими воротами и стать для вас, как говорится, существом, вроде поющего петуха или лающей собаки. Вы благосклонно обратили на меня свой взор, и это — незаслуженная честь. Я потрясен до глубины души!

— Говорят, что одинаковые звуки вторят друг другу, а родственные души тянутся одна к другой. Как прекрасно такое согласие в чувствах! — обрадовался Ян.

С этого дня они с юным Чоком ехали вместе, как говорится, узда в узду, вместе делили тяготы дальнего пути.

Так они доехали до Лояна. Когда они проезжали мимо винного дома у моста Тяньцзинь, Ян вспомнил прошлое и не мог сдержать волнение.

Он глянул вдаль и заметил, что там, в павильоне, поднят занавес и какая-то красавица, облокотившись на расписные перила, вглядывается в даль. Ян присмотрелся — да это же Сомволь! От радости он не мог произнести ни слова, а Сомволь уже его ждала на постоялом дворе. То радуясь, то печальась, она поведала Яну все, что случилось с ней после разлуки.

— После того, как вы уехали, меня все время приглашали на пиры правителей провинции и в собрания благородных мужей, не раз я попадала в неприятные положения. Но потом, чтобы избавиться от угроз и принуждения, я обрезала волосы и сказа-

лась больной. Я отказалась от богатых нарядов и, надев платье монахини, ушла из города и нашла приют в долине среди гор. Мне рассказали, что в прошлый раз, когда вы проезжали эти места, вы в стихах вспомнили обо мне. А градоначальник дал мне знать, что вы приходили к моему дому и тосковали о прошлых днях. Теперь же он попросил меня прийти к прежнему месту и ждать. Вот потому я и стою одна в Тяньцзиньском павильоне и высматриваю вас. Почему же людям не говорить, что это судьба Сомволь? Я знаю, что вы получили первое место на экзаменах и стали большим сановником, не знаю только, обзавелись ли вы супругой?

— Я посватался к дочери министра Чона, — ответил Ян, — но брачной церемонии еще не было. Чон славится добродетельностью, так что ты была не далека от истины. Только вот как мне отплатить за услугу доброй свахи?

И теперь их прежняя страсть вспыхнула с новой силой, они не могли расстаться даже днем. Ян все свое время проводил в спальне с барышней Ке и совсем позабыл про юного Чок Пэнно. И вот однажды к нему вдруг подошел слуга и прошептал:

— Молодой Чок, конечно, человек ученый, но я заметил, что он не очень-то добропорядочен, заигрывает с барышней Сомволь прямо на глазах у людей. А сама-то барышня живет у вас, но прежние привычки не оставила. Разве можно так пренебрегать правилами приличия?

— Чок всегда вел себя безукоризненно, да и в барышне Сомволь я не сомневаюсь, — возразил ему Ян. — Ты, должно быть, ошибся!

Слуга, недовольный, ушел, но тут же снова явился:

— Вы, господин, считаете, будто я все придумал, а эти двое до сих пор болтают друг с дружкой. Извольте сами взглянуть, убедитесь, что я сказал правду.

Ян вышел на западную галерею и увидел, что двое стоят, отделенные только маленькой оградкой, и весело болтают, то и дело игриво касаясь друг друга руками. Он захотел подслушать, о чем они говорят, и подошел поближе, но молодой Чок, услышав шлепанье туфель, испугался и сбежал, Сомволь же при виде Яна оробела от смущения.

— Оказывается, барышня Ке знакома с Чоком? — поинтересовался Ян.

— Я дружила не с Чоком, а с его сестрой, — ответила Сомволь, — вот и решила спросить о ее здоровье. Я, конечно, низкая женщина из дома певичек, не привыкла чураться мужчин, но

понимаю, что вызвала у вас подозрения из-за того, что брала его за руку, шутила и шепталась с ним. Я виновата и готова умереть!

— Я тебя не подозреваю, — успокоил ее Ян. — Не огорчайся!

Подумав немного, он добавил:

— Чок — молодой человек и, должно быть, заметил мое недоверие к нему. Надо будет позвать его и успокоить.

Он послал слугу за Чоком, но тот куда-то исчез. Ян огорчился:

— В древние времена чуский князь Чжуан-ван⁸⁹ велел своим подданным оборвать тесемки у шляп, чтобы их успокоить; я же из одного только желания разобраться в темном деле потерял прекрасного собеседника! С кого мне теперь спросить, и где его найти?

Он послал чиновника поискать юношу в городе, а сам провел вечер с Сомволь. Они говорили о своих чувствах, угощали друг друга вином и веселились до полуночи, а потом, погасив лампы, легли в постель.

Он проснулся, едва рассвело, и увидел, что Сомволь подкрашивается перед зеркалом, накладывая на лицо румяна и белила. Любуясь, он задержал на ней взгляд, и вдруг сердце его забилось от страха. Ян пригляделся к ней: темные брови и ясные глаза, волосы темными тучами окаймляют нежное лицо, стан — гибкая ива, белоснежная кожа — все, как у Сомволь, но это была не она! Ян прямо онемел от испуга.

УЧЕНЫЙ МУЖ ИЗ ДВОРЦА «ЗОЛОТОЙ ФЕНИКС» ИГРАЕТ НА НЕФРИТОВОЙ ФЛЕЙТЕ.

ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ ИЗ ДВОРЦА «ОБИТЕЛЬ БЕССМЕРТНЫХ» ПРОСЯТ ИСКУСНЫХ СТРОК.

Он пригляделся к ней и окончательно понял, что это — не Сомволь.

— Кто ты, красавица?

— Я из Бачжоу, — ответила она, — а зовут меня Чок Кёнхон. В ранней юности мы с барышней Сомволь заключили союз и стали сестрами, а вчера ночью Сомволь сказала мне, что ей нездоровится и она не может вам услужить. Сомволь попросила меня прийти к вам вместо нее и уберечь ее от вашего неудовольствия, поэтому я и осмелилась заменить барышню Ке.

Только она кончила говорить, как дверь открылась и вошла Сомволь.

— У вас, господин, новенькая, — заметила она, — осмелюсь поздравить вас! Помните, когда-то я рекомендовала вам хэбэйскую Чок Кёнхон? Разве я была не права?

— Она сама лучше своей репутации, — ответил Ян и снова залюбовался ее красотой. Она была вылитый молодой Чок!

— Как похожа барышня Кёнхон на Чока! — заметил Ян. — Вы, конечно, отличаетесь, как мужчина и женщина, но лицо у вас одно и то же. Может быть, ты приходишься ему сестрой? Вчера я обидел Чока, интересно, куда он подевался?

— У меня нет братьев, — ответила ему Кёнхон. Ян снова пригляделся к ней и вдруг рассмеялся:

— Так, значит, это ты догнала меня на Ханьданьской дороге? А болтала вчера у забора с барышней Ке тоже ты? Не ожидал я, что ты сумеешь меня провести мужским нарядом!

— Разве я посмела бы вас обманывать? — воскликнула Кёнхон. — Внешностью и способностями я, конечно, не отличаюсь от других, но всю жизнь я мечтала служить благородному человеку. Случилось так, что обо мне прослышал правитель Янь и, выкупив меня за меру жемчуга, упрятал в своем дворце. Я вкушала изысканные блюда, одевалась в узорчатые шелка, но мне это было ни к чему! Как птица — сижу в резной клетке, а сердцем мучаюсь в тоске. Наконец яньский правитель пригласил вас на большой пир, а я тайком подсмотрела. Тут я поняла: вы и есть тот человек, которому я готова служить! После того, как

вы покинули Янь, я решила сбежать, но опасаясь, что правитель догадается и бросится в погоню, я выждала после вашего отъезда десять дней, выкрала у него лучшего коня и вот догнала вас в Ханьдане. Хотела сразу вам открыться — и не решилась, а добравшись сюда, воспользовалась давним примером Тан-цзи⁹⁰ и повеселила господина. Теперь мое желание исполнилось — мы оказались вместе с Сомволь. Дождемся, когда вы возьмете себе супругу, и тогда отправимся в столицу, чтобы вас поздравить.

— Барышня Кёнхон придумала так искусно, что даже Хунфу⁹¹ из дома юэсского князя Ян Су, не сумела бы до тебя дотянуться, и я стыжусь только, что нет у меня дарований Вэйского правителя Ли, — проговорил Ян.

Эту ночь Ян провел с ними двумя, а утром, отправляясь в путь, простился:

— Дорога трудная, и нам нельзя ехать вместе, мы с вами снова встретимся, когда я женюсь.

Возвратившись в столицу, Ян Сою доложил государю об исполнении его приказа. Тут же из яньского владения доставили послание и дары — золото, серебро, пестрый шелк и атлас. Государь наградил Ян Сою за труды и пожаловал титул князя, но Ян стал отказываться, тогда государь назначил его на должность министра Палаты церемоний и сделал придворным академиком да еще богато одарил.

Государь очень ценил литературные дарования Ян Сою и постоянно звал его во дворец для беседы о классических сочинениях и исторических трудах. Поэтому Яну часто приходилось оставаться на ночь в императорской Палате ученых. Однажды он допоздна вел разговор с государем и возвратился в свои покои, когда из дворцовых водяных часов уже вытекла вся вода, а над садом поднялась луна. Ян взошел на самый верх павильона и, облокотившись на перила, залюбовался лунным сиянием. Вдруг в легком дуновении ветерка послышались звуки флейты. Ян прислушался. Звуки были еле слышны, трудно было узнать мелодию.

Ян подозревал чиновника из дворцовой охраны и велел ему подать вино, а сам взял свою нефритовую флейту и заиграл. Ее чистые звуки устремились в небесную высь, будто фениксы запели, а из дворцового сада вдруг прилетела пара журавлей и стала танцевать, взмахивая крыльями в такт музыке. Чиновники из дворцовой охраны были поражены:

— Наверняка сам Ванцзы Цзинь⁹² сошел в мир людей!

Вообще-то флейта, которую услышал Ян, была не обычная. В ту пору у государыни-матери было два сына и дочь. Один — государь, другой — владетельный князь Юэ и принцесса Нанян.

Когда Нанян должна была появиться на свет, государыня во сне увидела чудесный цветок и красную жемчужину, и вот принцесса, подрастая, лицом и характером становилась все более похожей на небожительницу, в ее облике не было ни капли обыденности. В литературной одаренности, и вообще — во всех своих делах она превосходила других. И вот, случилось удивительное. Однажды, когда по воле неба на императорском престоле была государыня, из западных земель — из царства Тайцин — привезли бело-нефритовую флейту, но она была так искусно сделана, что никто не мог на ней играть. И вот принцессе как-то приснилось, будто она встретила фею, и та обучила ее одной мелодии, не известной никому из людей. Теперь, когда принцесса начинала играть на той флейте, прилетали журавли и танцевали. Государыня-мать и сам государь, удивленные, вспомнили историю Луньюй⁹³, дочери циньского царя Му-гуна и теперь надеялись получить в зятя такого, как Сяо Ши. Вот почему принцесса выросла, но до сих пор не была замужем.

В эту ночь Нанян при свете луны играла на флейте, и под ее мелодию танцевали журавли. Только она кончила играть, как журавли полетели к императорской Палате ученых и там снова начали танцевать. Люди же во дворце заговорили, будто это Ян так играл на нефритовой флейте, что даже священных журавлей заставил прилететь. Молва дошла до Сына Неба, и он, пораженный, решил, что это и есть судьба принцессы. Утром он сообщил об этом государыне:

— По возрасту Ян Сою — подходящая пара для нашей сестры, к тому же он литературно одарен и красив. Второго такого среди подданных не найти, хоть обыщите всю Поднебесную.

Государыня обрадовалась:

— У нашей Сохва до сих пор не улажены брачные дела, и мое сердце из-за этого дни и ночи в тревоге. А теперь вижу — этот Ян Сою для нее пара, установленная Небом!

Принцессу Нанян называли Сохва, потому что на ее нефритовой флейте было вырезано два иероглифа: «флейта» и «гармония» — Сохва.

— Наш министр Ян, конечно, красив и талантлив, но я, прежде чем принять решение, хотела бы сама взглянуть на него, — сказала государыня.

— Это нетрудно, — ответил государь. — Завтра же велю ему явиться во дворец для беседы о литературе. Вы, матушка, пройдете за занавес и оттуда рассмотрите его как следует.

Государыня охотно согласилась с ним.

И вот Сын Неба, пребывая во дворце Пэнлай, послал евнуха за Ян Сою. Евнух явился в Палату ученых, но чиновник сказал ему, что министр Ян уже изволил уйти. Тогда евнух отправился в дом сановника Чона, но там ему ответили, что Ян Сою еще не возвращался.

А в это время Ян Сою вместе с Чон Сипсамом бражничал в чанъаньском винном павильоне, рядом пели знаменитые певички Чу и Онно. Тут вдруг примчался государев посланец с приказанием явиться во дворец. Чон Сипсам перепугался и сбежал, а Ян глянул на него захмелевшими глазами, с трудом поднялся и, поддерживаемый двумя певичками, велел подать шляпу и пояс. В сопровождении посланца он предстал перед государем. Государь пригласил его сесть и повел беседу о годах мира и смуты, о временах расцвета и упадка поколений государей и владетельных князей. Ян Сою разъяснял четко, ссылаясь на примеры событий древности. Государев лик озарился радостью.

— Искусство сочинения стихов, конечно, занятие не для государей и владетельных князей, но наши предки все же уделяли этому внимание. Их сочинения хорошо известны в Поднебесной и мы хотели бы обсудить с вами литературные творения поэтов прошлого времени и современности. Кто среди государей и владетельных князей был лучшим сочинителем, а кого из подданных стоит назвать первым поэтом?

Ян Сою почтительно ответил:

— Если говорить о поэтических творениях государей и подданных, начнем с государя древности Шуня и его совершенно мудрого министра Гао Яо, но их нет нужды и обсуждать. А вот среди сочинений императоров и владетельных князей лучшие — «Песнь осеннего ветра» ханьского У-ди⁹⁴ и «Луна сияет, звезды редки» вэйского У-ди⁹⁵. Вэйский Цао Цзы-цзянь⁹⁶ да Лу Цзи⁹⁷ из царства Цзинь, а еще Тао Юань-мин⁹⁸, что жил в правление Южных династий и Се Лин-юнь⁹⁹, — те, кто прославил свое имя сочинением стихов. Совершенство литературных творений древности, конечно, не сравнить с нынешними, но среди поросли талантов нашей династии самые лучшие цвели в годы правления под девизами Кай-юань и Тянь-бао¹⁰⁰, и первым был государь Сюань-цзун. Из поэтов же никто в Поднебесной не сравнится с Ли Тай-бо¹⁰¹!

— Вы, поистине, высказали то, что я сам думаю! — воскликнул государь. — Каждый раз, читая творения Тай-бо — «Песнь о мире и процветании» и «Напевы радости», я сетовал, что не живу с ним в одно время, а теперь зачем мне желать Тай-бо, если у меня есть вы?

Во время их беседы слева и справа от государя стояли десять придворных дам.

— Эти женщины ведают во дворце документами, кистями и тушью. Называются они письмоводительницами, и многие из них знают толк в стихах. Им хотелось бы получить прекрасные строфы от нашего почтенного академика, они сохранили бы их как драгоценность. Сочините для них парочку строф, не лишайте их возможности восхититься вами! Да я и сам хотел бы посмотреть, как вы машете кистью.

Государь тотчас же велел придворным дамам принести стеклянный ларец с камнем, на котором растирают тушь, подставку для кистей из белого нефрита и тушечницу в форме нефритовой жабы. Все это расставили перед Ян Сою, а придворные дамы, получив приказание государя просить у Яна стихи, подошли к нему кто с листом бумаги, кто с шелковым платком, а кто с расписным веером. Ян в хмельном вдохновении встряхнет кистью, и вот — будто налетели ветер с дождем, словно облака и туманы закружились в долине. Он то в стиле, как говорится, «оборванных строф» сочинит, то напишет стих на четыре рифмы, то одно стихотворение сочинит, а то — сразу два. Его кисть источала необычайную силу — прямо дракон взревел, или феникс взлетел. В одно мгновение, как говорится, «тень дерева не успела передвинуться», стихи были готовы, и придворные дамы по очереди стали почтительно подавать их государю. Государь прочел и о каждом отозвался с похвалой.

— Наш ученый муж изрядно потрудился, — обратился он к дамам, — пусть каждая из вас поднесет ему по чарке вина.

Все тут же подали ему по чаше из раковины «попугай». Ян выпил более десяти чаш, его лицо покраснело от вина, а сам он начал клониться на бок, как говорят, «гора нефрита собралась обвалиться», но тут государь велел перестать его поить и заметил:

— Одна строка нашего ученого стоит тысячу золотых, поистине, это бесценные творения! Помните, что сказано в «Книге песен»?

*Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный,
Яшмой прекрасною был мой подарок обратный.*

А вы чем его вознаградите?

Придворные дамы бросились к нему, кто со своей золотой шпилькой, кто с нефритовой подвеской или перстнем, а иные сняли золотые браслеты — в одно мгновение перед ним выросла гора драгоценностей. Государь приказал евнуху собрать все тушечницы и кисти, которыми пользовался Ян, драгоценные подарки придворных дам и отдать Яну.

Ян Сою простился, а евнух, поддерживая его, вывел за ворота и усадил на коня — настолько он опьянел. Ян добрался до цветочного сада в доме Чона, тут его встретила Чхунун и, снимая с него платье, спросила:

— Где это вы, господин, изволили так напиться?

Ян не ответил, а выложил все подаренные ему кисти, тушечницы и шпильки с браслетами.

— Все это государь дарит барышне Чхун, — пробормотал Ян. — Чем мой доход хуже богатств Дунфан Шо¹⁰²?

Чхунун собралась его порасспросить, но Ян уже заснул, и нос его зарокотал раскатами грома.

На другой день Ян поднялся за полдень и только успел умыться, как примчался слуга:

— Владетельный князь Юэ прибыли!

Ян перепугался и подумал:

— Владетельный князь пожаловали, значит, на то есть причина!

Он поспешно вышел его встретить. Владетельному князю было немногим более двадцати лет, а внешностью он напоминал небожителя.

— Великий владетельный князь удостоил посещением эту презренную землю, должно быть, он хочет дать мне наставление, — проговорил Ян.

— Я всегда восхищался вашими совершенными достоинствами, — сказал ему в ответ князь, — но мне еще ни разу не довелось с вами встретиться, а ныне я пришел сюда по велению государя. Сын Неба ценит ваши таланты и достоинства, а потому хочет женить вас на своей сестре. Я пришел, чтобы объявить вам об этом, а двор вскоре издаст указ.

Ян, услышав такое, перепугался:

— Государь одарил меня своими милостями, и я, нищий школяр подлого звания смиренно принимаю их, но, к несчастью, я уже послал свадебные подарки дочери сановника Чона и теперь уповаю на то, что вы доложите об этом государю.

— Я доложу об этом государю, — ответил князь, — жаль, однако, что государь обманулся в своей любви к таланту!

— Я вынужден нарушить установленные правила отношений между людьми, и потому я должен повиниться перед государем в преступлении!

Владетельный князь, простившись, удалился, а Ян поспешил к сановнику, чтобы рассказать ему о беседе с князем. Чхунун уже обо всем поведала на женской половине, и весь дом пришел в волнение. Никто не мог придумать, как тут поступить.

— Пусть уважаемый тесть не тревожится, — промолвил Ян. — Сын Неба совершенномудр, он чтит установленные нормы отношений и не станет принуждать подданного нарушить нравственный долг. Я, конечно, человек недостойный, но ведь я совершил такое же ненаказуемое преступление, как Сун Хун¹⁰³ — он ведь тоже отказался вступить в брак с сестрой императора!

Как раз в то время, когда государь во дворце Пэнлай вел беседу с Ян Сою, туда пришла государыня и, разглядев Яна, преисполнилась радости.

— Он поистине пара для нашей Нанян, — сказала она государю. — Я его хорошо разглядела, теперь и обсуждать больше нечего!

Вот тогда они и решили сперва послать владетельного князя Юэ.

А государь, пребывая в своих покоях, вдруг вспомнил искусность кисти в сочинениях Ян Сою и захотел еще раз на них взглянуть. Он послал евнуха взять стихи у придворных дам и принести ему. Женщины уже успели положить их поглубже в свои шкатулки, только одна, вернувшись в спальню, спрятала расписной веер со стихами у себя на груди. Целый день она печально вздыхала, забыла о сне и не притрагивалась к еде. Эта дама и была та самая Чин Чхэбон — дочь ревизора Чина из Хуачжоу. Ее отец умер, а она сама попала в дворцовые покои и стала служанкой. Во дворце пошла молва о необыкновенной красоте Чин, и государь, обратив на нее внимание, хотел пожаловать ей титул фрейлины, но государыня-мать, хоть и отнеслась к Чхэбон благосклонно, но считала, что опасно слишком увлекаться ее красотой:

— Барышня Чин конечно красива и талантлива, — говорила она государю, — но вы, государь, казнили ее отца, и, боюсь, было бы не очень дальновидно сближаться с его дочерью. Мудрые государи прошлого не приближали родственников казненных.

Государь внял ее наставлениям и призвал Чин:

— Ты знаешь грамоту?

— Немного учила, — ответила она.

Тогда государь назначил ее ведать дворцовыми сочинениями, определил быть при государыне-матери и составлять компанию принцессе Нанян в чтении книг и упражнениях в письме. Принцессе полюбились красота и удивительные способности Чин, она относилась к ней как к близкой родственнице и ни на минуту не могла с ней расстаться.

В тот день, когда государь беседовал с Ян Сою, барышня Чин была при государыне-матери и вместе с ней последовала во дворец Пэнлай, а там по приказанию государя вместе с другими подошла к Яну с просьбой написать стихи. Когда-то красота Яна затронула сердце Чхэбон. Разве могла она его не узнать? А Ян Сою даже в голову не приходило, что барышня Чин здесь, возле него, сама же Чин в присутствии государя глаз не смела поднимать. Ей только оставалось горевать о том, что они не могут дать знать друг другу о себе, сокрушаться о том, что невозможно вернуть прошлое. Чхэбон взяла веер и стала перечитывать стихи. А в стихотворении было сказано:

*Белого веера круг
прекрасен, как в небе луна.
Но им владеющих нежных рук
ослепительней белизна.
Как пятияструнной лютни
волнующий теплый ветер,
Он ходит, рукам послушен,
остановиться не смеет.*

А в другом стихотворении написано:

*Белого веера круг,
как в небе луна, одинок.
Он остановится вдруг
и скроет ее лицо.
Нежно-весенний лик
сиять красотой перестанет,
Что веера шелк за собой таит —
никто из людей не узнает.*

Барышня Чин сначала прочла первое стихотворение и вздохнула:

— Ян ничего не знает обо мне, а я во дворце разве думаю о том, чтобы снискать расположения государя?

Прочла второе и снова вздохнула:

— Чужому, конечно, не видно лица, но Ян меня не забыл. Вот и в стихах об этом говорится. И на самом деле, его мысли — будто за тысячу ли отсюда.

Думы ее унеслись в те времена, когда она жила у себя дома и обменялась с Яном стихами про иву. Невольно она взяла кисть и приписала на веере к стихам Яна свои и прочитала их.

Вдруг, слышит, пришел евнух с приказом от государя собрать стихи. В ужасе она прошептала:

— Теперь мне смерть!

СЛУЖАНКА-НАЛОЖНИЦА, ВЫПОЛНЯЯ ДОЛГ,
ОТКАЗЫВАЕТ СВОЕМУ ХОЗЯИНУ.

ОТВАЖНАЯ ЖЕНЩИНА С КИНЖАЛОМ В РУКАВЕ
ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЗА СВАДЕБНЫМИ СВЕЧАМИ.

— Государь изволили пожелать еще раз взглянуть на стихи министра Яна, — обратился евнух к Чин Чхэбон, — и я пришел взять их у вас.

Чин расплакалась:

— Человека с несчастной судьбой всегда подстерегает смерть! Сама не знаю почему, я написала на веере ответ на стихи господина Яна. Я совершила преступление и теперь должна умереть. Если государь это увидит, не избежать мне наказания, уж лучше мне самой убить себя! А вас, евнух, прошу зарыть мое тело в землю.

— Зачем вы, госпожа, так говорите? — ответил ей евнух. — Милости нашего государя необъятны, может быть, он решит, что вы не так уж виновны, ну а если он изволит разгневаться, я изо всех сил постараюсь вам помочь. Пойдемте со мной!

Чин, всхлипывая на каждом шагу, пошла за ним. У дверей государевых покоев он ее оставил, а сам вошел, чтобы передать государю стихи.

Государь одно за другим медленно просматривал их, а когда дошел до веера Чин, заметил, что под стихами Яна кто-то еще приписал стихи. Государь с удивлением спросил у евнуха, а тот ответил:

— Это госпожа Чин. Она не ожидала, что государь изволит приказать собрать стихотворения, и приписала свои невежественные слова. Она так испугалась, что даже решила убить себя, но я остановил ее и привел сюда.

Государь прочел ее стихи, а в них говорилось:

Белого веера круг,
как месяц осенний, печален.
Я им скрывала свой легкий испуг,
когда мы с вами встречались.

Сегодня мы вновь оказались рядом,
а вы меня не узнали,

Мне стыдно за то, что я первая вам
об этом напоминаю.

— Наша Чин наверняка скрывает свои чувства, — заметил государь. — Она не знала, что кого-то где-то увидит, — вот о чем ее стихотворение.

Государь снова пробежал глазами стихотворение.

— Да, у барышни Чин несомненный талант! — И он велел евнуху привести барышню. Чин пала ниц перед государем и стала просить о смерти.

— Мы простим твою вину, — ответил ей государь, — но скажи, к кому у тебя такое чувство?

Барышня Чин опустила голову и промолвила:

— Разве осмелюсь я промолчать? В те времена, когда еще не была разорена наша семья, господин Ян ехал мимо нашего дома по дороге на экзамены, и мы с ним встретились. Он сочинил стихи про иву, а я в ответ послала к нему кормилицу, чтобы предложить ему брачный союз. И вот теперь я вижу его во дворце Пэнлай! Господин Ян меня не заметил, и я, вспоминая прежнюю любовь, в утешение себе написала эти пустые стихи, и совершенномудрый государь их увидел! За мое преступление и тысячи смертей мало!

Государь, жалея ее, спросил:

— Ты говоришь, что стихи про иву соединили вас брачными узами, а могла бы ты их сейчас написать?

Чин попросила бумагу и кисть, быстро написала и подала государю.

— Твое преступление, конечно, велико, но талант у тебя такой, что можно пощадить, — заметил государь и добавил. — К тому же наша сестра тебя очень любит. Поэтому мы тебя прощаем, а ты помни о милости государя и от всего сердца служи нашей сестре.

С этими словами государь вернул ей веер. Чин, склонив голову, поблагодарила за милости и удалилась.

В этот же день, когда государь был в покоях государыни-матери, туда вошел вернувшийся от Ян Сою владетельный князь Юэ и сообщил, что Ян уже послал свадебные подарки другой.

Государыня недовольно заметила:

— Ян стал министром и должен был бы заботиться об интересах двора. Отчего же он так строптив?

— Пусть Сою вручил свадебные подарки, но ведь это еще не брачная церемония, и если я его уговорю, он должен послушаться! — добавил государь.

На следующий день он велел министру церемоний Ян Сою явиться во дворец.

Когда Ян предстал перед ним, государь начал речь:

— У нас есть сестра, которая умом превосходит многих, но до сих пор мы не могли найти ей пару. Я послал к вам князя Юэ сообщить о наших желаниях, но услышал, что вы уже вручили свадебные подарки. Вы поступили необдуманно. В прежние времена, когда государь выбирал себе зятя, бывало, он повелевал изгнать прежнюю жену. Вспомните, как Ван Сянь-чжи всю жизнь пришлось сожалеть о своей супруге, один лишь Сун Хун не подчинился государю. Мы стали родителем тех, кто живет в Поднебесной и потому должны наставлять народ. Откажетесь от брака с семьей Чона, а дочь Чона сможет выйти замуж в другой дом. У вас нет жены, которая, как говорится, делила с вами нужду и бедствия никто не обвинит в том, что вы оставили жену, которая делила с вами невзгоды. Какое же это нарушение нравственных правил?

Ян, склонив голову, ответил:

— Вы, государь, не сочли меня преступником и даже одарили меня своими наставлениями, милости ваши беспредельны. Но ведь мои чувства и разум не схожи с другими людьми! Я приехал в столицу бедным школяром из провинции, и нашел опору в доме сановника Чона. Меня не только поселили в семье, но и с сановником у меня установились такие отношения, как у тестя и зятя. А, как говорится, близкая встреча не произошла, так это потому, что из-за многих государственных дел я не смог привезти свою матушку, вот и пришлось перенести. Если я теперь подчинюсь вашему приказу, дочь Чона не сможет выйти замуж в другую семью, а если женщина не получает своего места, разве не нарушаются устои государства?

— Вы говорили о своих чувствах и разуме, — ответил государь, — но уж если говорить о великом принципе, то у вас с дочерью Чона не было супружеских отношений, отчего же она не может выйти замуж за другого? Мы хотим заключить с вами брак не только потому, что ценим вас и хотим сделать своим братом, но и потому, что государыня, услышав про ваши таланты и достоинства, требует этого, и если вы решительно откажетесь, государыня непременно разгневется. А уж тогда я ничего не смогу сделать.

Ян Сою склонил голову и отказался еще более решительно.

— Брак — это важное дело, — произнес государь, — невозможно решить все сразу. Подождем до завтра, а пока поиграем-ка с вами лучше в шашки, чтобы скоротать длинный день! — И он приказал евнуху принести доску.

Они играли полдня, а когда окончили, и Ян возвратился, его встретил опечаленный сановник Чон.

— Государыня повелела нам вернуть твои свадебные подарки, — проговорил он со слезами, — я отдал их Чхунун, чтобы она отнесла их в цветочный сад. Я все думаю о своей дочери. Что же теперь будет? Моя старая жена заболела от горя и никого не хочет видеть.

Ян, услышав это, словно разум потерял.

— Как такое может быть! — заявил он наконец. — Я подам государю прошение и буду бороться. Неужто при дворе нет справедливости?

Сановник принялся его отговаривать:

— Ты дважды ослушался государя, а если теперь еще и прошение подашь, боюсь, попадешь в особо злостные преступники. Ничего не остается, как подчиниться приказу. И еще я хотел сказать вот о чем. Ты живешь у меня в доме, а это небезопасно. Жаль, конечно, но лучше нам расстаться, тебе надо переехать в другое место. Поистине, это будет правильное всего!

Ян ничего не ответил и побрел к цветочному саду, а здесь Чхунун подала ему свадебные подарки.

— Вот уже год, как я служу вам по приказанию нашей барышни и жду ее появления после свадьбы. Теперь же у нее вон как получилось. Я должна разлучиться с вами и уйти снова к барышне.

— Я подам государю прошение и твердо откажусь! — заявил Ян Сою. — По закону он должен меня выслушать. А если даже и не захочет слушать, все равно, женщина после замужества должна следовать за мужем. Как же ты, Чхунун, можешь меня оставить?

— Конечно, женщина должна следовать за мужем, но у меня все сложилось иначе, — возразила ему Чхунун. — Когда я еще прислуживала барышне, мы поклялись и в смерти, и в жизни всегда быть вместе. Я всегда при барышне, как лицо и его отражение в зеркале. Лицо ушло, так как же его отражение может остаться?

— Хорошо, но ведь ты, Чхунун, и твоя барышня — не одно и то же, — заметил Ян, — Барышня может выйти замуж на востоке или на западе, на юге или на севере, и это не нарушит устои, а если ты, Чхунун, вслед за барышней станешь служить другому мужчине, то как быть с принципом женской преданности?

— По вашим речам, господин, видно, что вы совсем не знаете мою барышню, — ответила ему Чхунун. — Она твердо решила

остаться при батюшке и матушке, а через много-много лет она обрежет волосы и очистится, чтобы верить учению Будды. Она поведает Будде о своем желании никогда, никогда больше не родиться женщиной, а Чхунун пойдет по ее стопам и поступит так, как она. Если вы, господин, захотите снова меня увидеть, — подождем, когда свадебные подарки снова вернутся в покои барышни, — тогда и переменим наше решение. А если этого не случится, мы с вами сегодня расстанемся навсегда. Миновал уже год с тех пор, как Чхунун была удостоена вашей любви, у меня не было случая отблагодарить вас за милости. Я могу лишь надеяться в будущей жизни стать вашей короной или лошадью, чтобы преданно служить своему хозяину. Берегите себя!

Она заплакала и ушла на женскую половину.

Ян остался в смятении, не мог спать и есть, а на следующий день подал государю прошение. Выказался он в нем весьма решительно.

Государыня пришла в великий гнев и велела бросить Яна в темницу. Сановники двора пробовали увещевать государя, но он ответил:

— Мы и сами понимаем, что за такой проступок наказание слишком жестоко, но государыня изволили разгневаться, и я не смею его простить!

Государыня решила наказать Ян Сою и не допускать его до государственных дел. Так прошло несколько лун. Сановник Чон в страхе запер ворота и никого не принимал.

А в это время тибетцы подняли огромное войско и напали на пограничные владения, их передовые отряды дошли даже до моста Вэйцзяо¹⁰⁴. Столица была в страхе, а государь собрал сановников на совет.

— В столице не наберется и десяти тысяч солдат, — заявили они, — а войска окраинных земель не успеют на помощь. Вы, государь, должны на время покинуть столицу и отправиться в Гуаньдун, а там собрать солдат и коней со всей страны. Только так может быть восстановлен порядок.

Государь колебался и никак не мог принять решение.

— Из всех вас один только Ян Сою умел с необыкновенной легкостью во всем разобраться, и я его ценю высоко. Ведь покорение трех владений — его заслуга!

После утреннего приема он отправился к государыне просить помилования для Ян Сою, и она повелела освободить его. Ян тут же призвали на совет и спросили, что делать. Он выдвинул план:

— В столице находятся усыпальницы предков и государев дворец. Если оставить ее, народ Поднебесной охватит страх, и мы не сможем с этим справиться. В правление государя Дай-цзун¹⁰⁵ Танской династии объединенные силы тибетцев и уйгуров обратили в бегство наши войска и вторглись в столицу. В те времена государево войско было гораздо слабее, чем сейчас, но Фэньянский правитель Го Цзы-и¹⁰⁶ со своей конницей изгнал их. Я не обладаю способностями Цзы-и, но если мне дадут несколько тысяч солдат, я прогоню разбойников!

Государь ценил таланты Ян Сою и тут же назначил его главнокомандующим. Он дал ему под начало столичный гарнизон в тридцать тысяч солдат и приказал остановить врагов. Ян, командуя тремя отрядами, направился к мосту Вэйцзяо и, сразившись с передовым отрядом варваров, убил их предводителя. Армия врагов тут же бросилась бежать, а Ян, преследуя их, трижды вступал в бой. Обезглавив тридцать тысяч вражеских солдат, он захватил в плен восемь тысяч боевых коней и направил в столицу победную реляцию.

Государь был рад и повелел, после того как войско вернется из похода, обсудить заслуги военачальников, но Ян из войска послал государю доклад.

«Хоть враг и потерпел поражение, но голов срубили, как говорится, даже меньше, чем у одной части из десяти. Нынче наше войско стоит лагерем у столицы и хочет напасть. Я хотел бы двинуть солдат и конницу и, действуя с умом, захватить их вожда и разгромить их царство — тем самым избавить наших потомков от тревог!»

Ознакомившись с донесением, государь отозвался о нем с похвалой, а Ян Сою повысил в должности, назначив главным цензором и одновременно министром военной палаты, одарив титулом великого главнокомандующего — карателя запада. Яну были преподнесены драгоценный меч, красная стрела государя, государев пояс и желтая секира с белым бунчуком. Государь также повелел собрать боевых коней из Шофана, Хэдуна, Шаньнана и Лунси¹⁰⁷.

Ян Сою собрал армию в сто тысяч солдат и, совершив у военного знамени жертвоприношение, выступил в поход. Его искусство ведения войны отвечало правилам «Шести тактик», а построение войск соответствовало восьми боевым порядкам¹⁰⁸. Армия выглядела внушительно, команды были строгими, поэтому врагов разгромить им ничего не стоило, все равно, что сломать бамбук. За несколько месяцев они снова вернули более пя-

тидесяти оставленных ранее крепостей, и вскоре армия подошла к горам Цзишишань и стала там лагерем.

Неожиданно перед конем Яна закрутился смерч, а над лагерьем с криком пролетели ворон и сорока. Ян, не сходя с коня, стал гадать. Вышло, что некто из вражеского царства вторгнется в наш лагерь, но, в конце концов, случится радостное событие. И он повелел:

— Разбейте лагерь под горой, окружите его со всех сторон оленьими рогами и колючим терновником, три отряда поставьте в охранение и не спите. Стерегите строго!

Ян, уединившись в шатре, зажег свечу и стал просматривать книги по военному искусству. Дозор объявил третью стражу. Внезапно порывом ледяного ветра задуло свечу, Яна пронзило холодом, и вдруг в шатре появилась женщина. В руках у нее был длинный меч, отсвечивающий холодным блеском инея и снега. Ян понял, что это — убийца, и не переменявшись в лице, спросил:

— Кто ты такая и зачем ночью явилась в лагерь? Что ты задумала?

— По приказу вождя тибетцев я пришла за вашей головой, — ответила женщина.

Ян рассмеялся:

— Ты, что же, решила, что доблестный муж испугается смерти? Так убивай же скорее!

Тут женщина отбросила меч и встала перед Яном на колени, склонив голову.

— Не тревожьтесь, разве я посмею вам грозить?

Ян подошел к ней и велел подняться:

— Ты с мечом пробралась в военный лагерь, почему же ты не хочешь причинить мне вред?

— Мне надо вам все рассказать, — ответила женщина, — боюсь только, что не сумею.

Ян предложил ей циновку и спросил:

— Кто ты на самом деле? Ты пришла, чтобы увидеть Ян Сою, зачем?

ЯН В ОЗЕРЕ БАЙЛУН ОДЕРЖИВАЕТ ПОБЕДУ

НАД ВОЙСКОМ ТЬМЫ.

ДРАКОН ОЗЕРА ДУНТИН ДАЕТ ПИР СВОЕМУ ЗЯТЮ

Он стал разглядывать женщину. Ее волосы, темные, как тучи, были завязаны высоким узлом и заколоты золотыми шпильками. На ней был военный халат с узкими рукавами, разрисованный гвоздиками, на ногах — туфли под названием «хвост феникса», а на поясе висел меч. Она была прелестна, как роза, покрытая росой, настоящая Му-лань¹⁰⁹, которая некогда пошла служить в армию! Поистине — это Хун-сянь¹¹⁰ явилась украсть ларец!

— Зачем ты пришла? — спросил Ян.

— Я родом из Янчжоу, — начала она свой рассказ, — мои предки — из народа Танского государства. Я рано потеряла родителей, и меня воспитала даосская монахиня. Эта монахиня превосходно владела волшебными умениями даосов и трех своих учениц — Чин Хэволь, Ким Чхэхон и Сим Ёён — научила искусству владения мечом. Я и есть Ёён. Только через три года мы окончательно научились многим умениям — могли оседлать ветер, лететь вслед за молнией и в одно мгновение перенестись за тысячи ли. Мечом владели мы все одинаково, но когда наставнице надо было отомстить врагу или убить дурного человека, она всегда посылала Чхэхон или Хэволь, но не меня. Как-то раз я у нее спросила: «Мы ведь втроем служим вам, втроем учимся у вас, и лишь я одна еще не отблагодарила вас за ваши милости. Должно быть, я не такая искусная, поэтому не достойна служить вам и исполнять ваши приказания?» А наставница мне на это ответила: «Ты не такая, как мы. Тебя ждет истинный путь, и ты на нем преуспеешь. Если же станешь с двумя другими губить человеческие жизни, это навредит твоему будущему. Вот почему я тебя не посылаю!» Тогда я снова спросила: «Если так, то зачем же я учусь владеть мечом?» А наставница мне отвечает: «Твоя судьба — в Танском государстве и суженый твой — благородный муж! Но ты родилась в другом царстве, и вы не можете с ним встретиться. Вот я и научила тебя владеть мечом, а теперь расскажу, как, используя это умение, встретить благородного человека. В будущем ты найдешь прекрасную судьбу в огромной армии, среди пик и мечей». А нынче весной наставница мне говорит: «Сын Неба Великого танского государства послал полководца покорить тибетцев. Вождь тибетцев на всех

четырёх воротах столицы велел развесить грамоты, где сказано, что за тысячу золотых наймет убийцу, который покончит с танским военачальником. Срочно отправляйся в страну тибетцев и там в состязании одолей других убийц. Тогда, с одной стороны, ты спасёшь танского военачальника, с другой — встретишь свою судьбу!» Я отправилась в страну тибетцев, там сняла с городских ворот грамоту и пошла к вождю. Он велел мне состязаться с десятком убийц в искусстве владения мечом. Всем десяти я тут же испортила причёску, вождь пришел в восторг и послал меня убить полководца, а если успешно выполню, посулил титул придворной дамы. И вот я встретила вас, как и говорила мне наставница. Хочу стать вашей рабыней, чтобы всегда служить вам!

— Вы спасли мою жизнь и теперь хотите служить мне, — обрадовался Ян. — Как мне отблагодарить вас за такую милость? Только лишь желанием прожить с вами сто лет и вместе состариться!

Эту ночь Ян провел на ложе вместе с Ёён, и блеск пики с мечом заменил им свет свадебных свечей, а вместо лютни и цитры гремели удары в армейские котлы. В лагере полководца Усморяющего Волны¹¹¹ все было залито лунным светом, а за пределами заставы Юймэнь¹¹² все озарилось весенним сиянием! Их краткое радостное чувство было ничуть не хуже, чем за шелковым пологом в глубине покоев. Ян Сою весь отдавался любви — и на рассвете, и в сумерках. Целых три дня не видел ни солдат, ни командиров. Наконец Ёён ему заметила:

— Не годится женщине так долго оставаться в армии. Нам надо проститься.

— Разве можешь ты, Ёён, сравниться с обычными женщинами! Я надеюсь получить от тебя какой-нибудь мудрый совет. Отчего же ты хочешь покинуть меня?

— У вас такое прекрасное войско, что разгромить врага для вас все равно, что сломать гнилое дерево, — ответила ему Ёён, — и сомневаться не надо. А я ведь пришла сюда по велению наставницы и не могу ее покинуть. Мне нужно вернуться к ней, я подожду, когда вы возвратитесь с армией домой, и тогда последую за вами.

— Все это хорошо, — заметил Ян. — А что, если после твоего ухода появится другой убийца?

— Таких, кто может убить, много, — ответила Ёён, — но они мне не соперники. Узнают, что я вам покорилась, и не посмеют прийти!

Она достала спрятанную за поясом чудесную жемчужину Дивная Редкость и подала ему.

— Эта жемчужина украшала причёску вождя. Пошлите ее к нему обратно, и он поймет, что я не вернусь!

— Нет ли у тебя еще какого-нибудь совета? — попросил Ян.

— Когда вы двинетесь дальше, — сказала Ёён, — непременно попадете в Долину Свернувшейся Змеи. Дорога там узкая и чистой воды нет. Идите осторожно и прикажите вырыть колодцы, только тогда напоите солдат!

Когда она кончила говорить, Ян хотел было у нее спросить еще, но Ёён поднялась и исчезла.

Тогда Ян собрал своих воинов и рассказал им про Ёён.

— Счастье ваше необъятно, как небо, и к вам на помощь приходят удивительные люди! — воскликнули все в один голос.

Ян отправил тибетскому вождю жемчужину Дивная Редкость, а сам отправился в поход и привел войско к высоким горам. Дорога в ущелье была такая узкая, что по ней едва-едва могла пройти одна лошадь. Так они прошли несколько сотен ли, и вот наконец, едва выбравшись на более или менее широкое место, разбили лагерь, дали отдых воинам. Все устали и, заметив под горой чистую воду, наперебой бросились пить, но тут же с ног до головы позеленели и упали замертво. Ян перепугался и сам направился к берегу взглянуть на озеро. Оно было таким глубоким, что не измеришь его синюю пучину, от ледяного дыхания бросало в дрожь. Тут только он понял: должно быть, это и есть та самая Долина Свернувшейся Змеи, о которой говорила Сим Ёён, и повелел солдатам рыть колодцы. Солдаты выкопали глубокие колодцы, но нигде не оказалось воды. Ян, раздосадованный, решил снять лагерь и перенести его в другое место, как вдруг в горах раздался барабанный бой, эхом отозвались скалы и долины, и земля содрогнулась, будто от удара грома. Это войско варваров воспользовалось их безвыходным положением и отрезало им путь к возвращению. Бежать было некуда, и Ян Сою в лагере принялся обдумывать, как разгромить врагов. Ему ничего не приходило в голову, и ночью он, облокотившись о столик, внезапно задремал. И вот все вокруг наполнилось необычным ароматом, появились две девушки дивного облика:

— Наша хозяйка приглашает вас ненадолго!

— А кто ваша хозяйка? — спросил Ян.

— Наша госпожа — младшая дочь дракона озера Дунтин. Недавно ей пришлось покинуть дворец отца и поселиться в этих местах.

— Драконы живут в глубине вод, а я — человек. Как же я туда попаду? — спросил Ян.

— Снаружи вас ожидает конь, — ответили девы. — На нем вы и попадете в подводные владения!

Ян отправился вслед за девами и увидел: стоит чудесный конь под золотым седлом и свита, несколько десятков человек, в роскошных одеждах. Ян сел на коня, мгновение — и он уже в подводных владениях.

Они остановились у больших ворот. Вокруг высились роскошные дворцы, похожие на императорские, у ворот стояли стражи с рыбьими головами и рачьими усами — на людей несколько не похожи. Несколько девушек раскрыли ворота и проводили Яна в дворцовый зал, где стояло кресло из белого нефрита, повернутое к югу. Служанки пригласили его сесть в это кресло и, разложив покрытые шелком циновки, удалились во внутренние покои. Вскоре десять служанок ввели женщину, которая, пройдя по левой, как говорится, лунной галерее, остановилась перед входом в зал. Красотой лица она была похожа на фею, а великолепие наряда — невиданное в мире. Одна из служанок вышла вперед и обратилась к Яну:

— Дочь дракона озера Дунтин просит позволения предстать перед полководцем Яном!

Ян перепугался и хотел было сбежать, но две служанки держали его слева и справа. Дочь дракона четыре раза поклонилась ему — раздался звон нефритовых подвесок. Тогда Ян пригласил ее подняться в зал, но она в смущении отказывалась, но потом села на маленькую циновку.

— Я заурядный человек из пыльного мира, а вы, госпожа, — богиня, — обратился к ней Ян Сою. — Я не понимаю, отчего вы так почтительны ко мне?

— Я младшая дочь дракона озера Дунтин, — начала речь дочь дракона. — Когда я появилась на свет, батюшка отправился на прием к небесному государю и там спросил о моей судьбе у предсказателя Чжана. Чжан сказал: «Барышня в прошлой жизни была изгнана из обители небожителей и в этой жизни стала божеством-драконом. Ей предопределено обрести человеческий облик и пойти в наложницы к знатному человеку из мира людей. Там она, насладившись богатством, почестями и славой, в конце концов вернется в мир Будды». Мы, драконы, считаемся властелинами подводного мира, но нам очень лестно становиться людьми, а достичь состояния будды или небожителя — особенно почетно.

Моя старшая сестра сначала вышла замуж за дракона реки Цзиншуй, а потом второй раз вышла за Лю И¹¹³. Но родня-то чтит другое и, когда отец, вернувшись, передал предсказание о моей будущей знатности, которая возвысит меня над старшей сестрой, все бросились поздравлять. А тут Охён, сын дракона Южного моря, услышал молву о моей красоте, явился к батюшке с брачным предложением. Наше озеро Дунтин — вассальное владение Южного моря, и батюшка, опасаясь беды, если откажет, сам отправился в Южное море, чтобы доложить о предсказании Чжана. Но государь Южного моря ради своего взбалмошного сынка заявил батюшке, что его, мол, ввела в заблуждение пустая болтовня предсказателя, и потребовал как можно скорее провести брачную церемонию. Тогда я поняла: останусь под родительским кровом — меня непременно опозорят, и я, оставив родителей, скрылась в землях варваров, как говорится, раздвинула терновник и залезла в пещеру. А родители только и говорили: «Наша дочь не хочет замуж, убежала в дальние края и решила остаться там до конца своих дней». Тогда этот юнец решил воспользоваться моим одиночеством и напасть на меня целым войском. Мое горе так потрясло небо и землю, что вода в озере вдруг стала ледяной и темной, чужое войско не может сюда войти, вот почему я смогла сохранить свою жизнь. По счастью, я наконец встретила вас и пригласила в это недостойное место, но не для того, чтобы изливать вам душу. У вашей армии нет воды, рыть колодцы — хоть на большую глубину выроете — воды все равно не добудете. Это озеро некогда называлось Чистая Вода, и вода в нем была очень хорошей, но с тех пор как здесь поселилась я, она стала другой, и люди, что здесь живут, не могут ее пить, и прозвали озером Байлун — Белого Дракона.

Теперь же здесь появились вы, наконец-то у меня есть на кого опереться, кончились мои мучения. Как говорится, солнечная весна пришла в мрачную долину! Теперь вкус воды будет таким же, как в прежние времена и вашим воинам она не принесет вреда. А те, кто пил ее прежде и заболел, смогут исцелиться.

— Из вашего рассказа, госпожа, выходит, что небо уже давно определило нашу судьбу, а теперь, может, погадаем о счастливом дне?

— Я, никчемная, давно готова служить вам, — ответила дочь дракона, — но сейчас это невозможно по трем причинам. Прежде всего, у нас нет согласия родителей. Я смогу вам служить только после того, как избавлюсь от своего нечеловеческого вида. Теперь же я не смею обременять ложе господина из-за моей ры-

бьей чешуи и плавников — и это второе. А в-третьих, сын дракона Южного моря все время шлет сюда свои дозоры, они тайно следят за мной, я боюсь вызвать его гнев и навлечь на вас беду. Вам лучше вернуться в свой лагерь. Постройте войско и уничтожьте врага, а когда одержите победу и с победными песнями возвратитесь в столицу, я, как говорится, подберу подол юбки и переправлюсь через реку Чжэньшуй.

— Ваши речи прекрасны, но я думаю иначе, — возразил Ян. — Ведь вы укрылись в этих местах не только по своей воле, но и потому, что ваш батюшка хотел послать вас прислуживать Ян Сою. А раз так, то разве теперь мы встречаемся не по велению родителей? Кроме того, вы, барышня, внучка божества неба и земли, значит, и сами обладаете божественной природой. Неужто не способны перейти от божества к человеку и наоборот? Так зачем же стыдиться этой чешуи? У меня нет особых талантов, но я по приказанию государя команду многими героями-воинами, и мне помогают божества ветра и моря, а этот щенок с Южного моря для меня все равно, что комар или муравей. Если же он вздумает нагло мне угрожать, отведает моего меча и погибнет! А нынче луна светла и ветерок так свеж, зачем же попусту терять время в такую чудную ночь?

С этими словами он увлек ее на ложе и чувства их слились.

Еще не рассвело, как вдруг хрустальный дворец словно встряхнуло от удара грома.

— Беда пришла! — закричали служанки. — Наследник из Южного моря привел огромное войско, он стал лагерем перед горой и вызывает маршала Яна померяться с ним силами!

Дочь дракона разбудила Яна:

— Я давеча уговаривала господина не оставаться, а теперь вот какая беда стряслась!

Ян пришел в великий гнев:

— Сумасбродный щенок! Как он посмел?

Ян вскочил на коня и вышел из воды. Войско Южного моря уже окружило озеро Байлун. Ян, командуя армией, расположился на позиции против наследника, а тот выступил вперед на коне и завопил:

— Ты кто такой? По какому праву ты забрал себе чужую жену? Клянусь, не жить нам обоим под одним небом!

Ян громко расхохотался:

— Дочери дракона озера Дунтин судьбой назначено быть вместе с Ян Сою. Это записано в небесной палате, и я следую указанию Неба!

Наследник разбушевался и велел изгнать разбойников, а Яна схватить. Полчища водяного народа под командованием генерала Карпа и полководца Черепахи полезли на него. Ян поднял плеть с рукояткой из белого нефрита — и его храбрые воины бросились топтать гадов. Через мгновение лишь поломанная чешуя да разбитые панцири, словно снег, покрыли землю. Самого наследника изрядно поколотили и, еле живого, взяли в плен, связали и привели к Ян Сою. Ян обрадовался и велел ударить в гонг, чтобы собрать солдат, а наследника связанного привели в лагерь. Тут примчался часовой с докладом:

— Прибыла хозяйка озера Байлун, она желает поздравить маршала, а воинам пожаловать награды.

Ян обрадовался и приказал ее встретить. Дочь дракона поздравила его с победой, а воинов одарила вином и множеством голов скота. Солдаты, довольные, распевали песни, голоса их гремели как гром. Ян, сидел рядом с дочерью дракона и тут к нему подтащили наследника дракона Южного моря. Он не смел голову поднять и взглянуть, а Ян принялся ему выговаривать строгим голосом:

— Я получил повеление Неба привести к покорности всех варваров, и ни один злой дух не решился мне помешать. Ты же, щенок, самонадеянно пренебрег велениями Неба, осмелился напасть на великую армию! За это тебя следует убить! У меня на поясе драгоценный меч — тот самый, которым министр Вэй Чжэнь¹¹⁴ некогда срубил голову дракону реки Цзинхэ. Отсежь бы и твою башку, да прославить свое войско, но твой отец умиротворяет Южное море и дарует милости народу, поэтому я тебя прощаю. Отправляйся к себе, впредь следуй указаниям Неба и не своевольничай!

У солдат взяли целительную мазь и, смазав наследнику раны, отпустили. Наследник опустил голову и как мышь юркнул в стору.

Вдруг видят: на юго-востоке над землей разлилось чудесное сияние — знак благих вестей. Заклубился алый туман, с вышины спустились знамена, бунчуки и секиры — и вот к Яну уже спешит посланник.

— Дракон озера Дунтин получил весть о том, что маршал Ян разгромил войско наследника Южного моря и спас принцессу. Дракон сам хотел сюда прибыть, чтобы поблагодарить вас, но не может покинуть границы владений, которые охраняет. Поэтому он устраивает пир в своем дворце Застывшей Лазури и

просит удостоить его вашим посещением, а к тому же возвратить во дворец принцессу!

— Враги отступили, но их укрепления еще целы, — ответил Ян. — До озера Дунтин отсюда многие тысячи ли, и чтобы съездить туда, надо потратить несколько месяцев. Разве может командир так надолго покинуть свою армию?

— Вас ждет колесница, запряженная восемью драконами, — объявил посланник. — Поездка займет у вас всего полдня!

МАРШАЛ НА ДОСУГЕ СТУЧИТСЯ В ВОРОТА БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ.

ПЕРЕОДЕТАЯ ПРИНЦЕССА НАВЕЩАЕТ ДЕВИЦ В ЖЕНСКИХ ПОКОЯХ

И вот Ян вместе с дочерью дракона уселся в колесницу, чудесный ветер засвистел в колесах, и она взмыла в воздух. Трудно было понять, на сколько тысяч ли они отделились от людей, только и видно было, как белые облака покрывают весь мир. Постепенно колесница спустилась вниз и оказалась в озере Дунтин. Сам дракон встретил Яна, как хозяин гостя, и принял его тепло, как тестя зятя. Государь-дракон собрал родню и, устроив пир, стал благодарить за победу в сражении и возвращение дочери. Яна потчевали вином, услаждали музыкой — все было не так, как принято у людей, и Ян принялся осматривать. Вот перед дворцом слева и справа шагают под барабанный бой тысяча богатырей с мечами и алебардами, а шесть рядов красавиц в платьях из пестрого шелка кружатся в танце. Зрелище поистине величественное, великолепное!

— Я никогда не видел таких танцев у людей, — обратился Ян к государю-дракону. — А под какую музыку они танцуют?

— Прежде в наших водяных владениях такой музыки не было, — стал объяснять дракон. — Но вот моя старшая дочь вышла замуж за сына правителя реки Цзинхэ и вскоре мы узнали, что ее там оскорбляют. Тогда мой младший брат, правитель реки Цяньтан, сразился с владетельным князем Цзинхэ и, разгромив его войско, привел мою дочь обратно. По этому случаю были сочинены музыкальные пьесы, одну назвали «Владелец Цяньтана разбивает войско», другую — «Благородная принцесса возвращается во дворец». Ее тогда же сыграли на пиру во дворце. Нынче вы победили сына дракона Южного моря и дали возможность отцу увидиться с дочерью. Все это напомнило нам прежнюю историю, поэтому и пьесу назвали теперь «Военачальник разбивает войско».

Ян обрадовался.

— А где сейчас господин Лю? — спросил он. — Мне бы хотелось с ним повидаться.

— Лю стал бессмертным на горе Инчжоу¹¹⁵, там он и живет. Как же с ним повстречаешься?

Когда вином стали обносить девятый раз, Ян стал прощаться:

— Мне очень жаль, но в армии у меня много дел, и я не могу здесь больше оставаться.

С дочерью дракона они пообещали друг другу помнить о договоре.

Государь-дракон пошел проводить его за ворота дворца, и тут Ян вдруг увидел перед собой высокую гору. Пять ее пиков величаво взметнулись ввышину и терялись где-то в облаках. Ян залюбовался видом.

— Как называется эта гора? — спросил он у дракона. — Я объехал всю Поднебесную, только эту да гору Хуашань не видел.

— Вы не знаете, что это за гора? Это Наньюэ, или Хэншань. Она поистине удивительна! — ответил дракон.

— Можно ли на нее подняться? — спросил Ян.

— Свет солнца еще не померк. Полюбуйтесь немного и возвратимся в лагерь, — предложил дракон, и они с Яном, взойдя на колесницу, через мгновение были уже у подножия горы.

Опираясь на бамбуковый посох, Ян шел по каменной тропинке. Здесь тысячи скал состязались вышиной, десятки тысяч пропастей соперничали глубиной, и не видно было им конца.

Ян со вздохом проговорил:

— Когда-нибудь я добьюсь успеха в самоусовершенствовании, удалюсь от мира и стану человеком, пребывающим вне вещей!

Вдруг из глубины леса донесся звук каменного гонга.

— Должно быть, где-то недалеко монастырь, — заметил Ян и поднялся вверх. Там действительно был монастырь с очень красивыми строениями. В главном зале сидел старый наставник и толковал закон. У него были длинные темные брови, а глаза светлые и сложен прекрасно — не этого мира человек! Вместе с монахами он спустился из зала, чтобы встретить Яна.

— Живя в горном захолустье, я стал глухим и недогадливым, не сообразил, что нас посетит великий полководец, и не сумел встретить вас у ворот монастыря, — сказал он. — Простите великодушно! Пока еще не настал для вас срок прийти сюда насовсем, потому поднимитесь в зал и почтите Будду!

Ян воскурил благовония и совершил церемонию поклонения, но выходя из зала, вдруг, оступившись, упал и от испуга проснулся. Оказалось, он сидит в своем шатре, опершись на столик, а на востоке уже посветлело. Ян, удивленный, спросил у своих военачальников:

— А вы тоже спали?

— Мы все заснули вместе с вами, — ответили те. — И во сне сражались с войском нечисти, разбили его и взяли в плен самого главаря, а потом отпустили. Наверняка это счастливый знак!

Ян, обрадовался и, обсудив со своими командирами, кто что видел во сне, отправился с ними к озеру Байлун. А там вся земля была усеяна ломаной чешуей, текли реки крови. Ян велел подать чашу и, зачерпнув воды, сперва попробовал сам, а потом напоил больных солдат, и они тут же исцелились. Так излечили всю армию и боевых коней. Крики радости раскатами грома огласили все вокруг. Враги, услышав ликование, перепугались и решили прийти с повинной. Так Ян, одержав победу, вместе с войском отправился в обратный путь, а государю направил победную реляцию.

Государь обрадовался и однажды на утреннем приеме принялся расхваливать перед государыней-матерью успехи Ян Сою:

— По заслугам наш Ян Сою первый после Го из Фэнъяна¹¹⁶. Когда он вернется из похода, в награду за его заслуги пожалуем ему должность первого министра. Только вот как быть с браком нашей сестрицы? Хорошо бы он передумал и подчинился нашему приказу. А если он будет упорствовать... Ведь не покараешь заслуженного подданного! Как здесь поступить — просто покоя не нахожу!

— Я слышала, что дочь Чона и в самом деле очень красива, — промолвила государыня, — к тому же они уже видели друг друга. Конечно, он никогда не согласится ее оставить! А что, если воспользоваться отъездом Яна и приказать Чону выдать дочь за другого? Ничего другого не придумаешь.

Государь долго ничего не отвечал, так в молчании и вышел. Тут заговорила принцесса Нанян, которая сидела возле матери:

— Ваши речи, матушка, нарушают устои. Как может государев двор указывать подданному, отдавать дочь замуж в другой дом или не отдавать?

— Это дело очень важно для тебя, — возразила ей мать, — и мне хотелось бы поговорить об этом с тобой. Ян и внешне, и умом не сравнится с другими сановниками двора, а кроме того, знаком вашей с ним судьбы была его игра на флейте! Ты не можешь отказаться от Яна и выйти замуж за другого. Но и у Сою отношения с семьей Чона не случайные, их дружеские чувства очень важны, и они не могут так просто расстаться. В этом деле все необыкновенно сложно! Может быть, когда Ян вернется из похода, мы сперва проведем твою брачную церемонию, а потом женим его на дочери Чона? Ян, пожалуй, не станет возражать, но, может быть, ты так не хочешь?

— Мне не знакомо чувство ревности, — ответила принцесса. — Я не испытываю к Чон неприязни, но Ян уже послал ей свадебный подарок и после этого сделать ее наложницей —

значит нарушить этикет. К тому же в семье Чон во многих поколениях были первые министры. Это очень знатный род, и, думаю, они не захотят отдать дочь в наложницы. Это просто невозможно!

— Если это не годится, как же, по твоему мнению, нужно поступить? — спросила государыня.

— По этикету владетельные князья могут иметь трех жен. У Яна большие заслуги и, вернувшись в столицу, он сможет получить высокий титул вана или, в крайнем случае, пониже — хоу. Тогда разве не положено ему иметь двух жен? Вот и позвольте ему жениться на дочери Чона. Разве не так?

— Это не годится! — возразила государыня. — Женщины могут стать женами одного человека, если они равны по своему положению. Но ведь ты — любимая дочь покойного государя и любимая сестра нынешнего. Разве можешь ты быть ровней, как говорится, девчонке из переулка?

— Я и сама понимаю, что занимаю высокое положение, — ответила принцесса, — но в древности совершенномудрые государи и прозорливые князья ценили мудрость и почитали ученость. Они считали важным не положение человека, а его достоинства, поэтому приближали даже простолюдинов. Я слышала, что дочь Чона и внешностью, и манерами не хуже прославленных женщин древности. Если это и на самом деле так, я почти за счастье быть рядом с ней, но слухи могут быть и неверными. Здесь нам трудно решить, где правда, а где ложь, поэтому я сама хотела бы на нее взглянуть. Если она и в самом деле так незаурядна, я почтительно склонюсь перед ней, ну, а если слухи преувеличены, ваша воля сделать ее наложницей или даже рабыней!

— Женщинам так свойственно завидовать чужим достоинствам, — вздохнула государыня, — а моя дочь радуется талантам других, как своим собственным, поистине, в этом она не уступает женщинам древности. Мне тоже интересно посмотреть на барышню Чон, завтра же и велю ей прийти!

— Если вы прикажете ей, она непременно притворится больной и не придет, — возразила принцесса. По-моему, надо тайно повелеть буддийским и даосским обителям сообщить нам, когда дочь сановника Чона придет возжечь благовония. Думаю, нам удастся взглянуть на нее хоть разок.

Государыня согласилась и послала евнуха обойти все храмы. В одном из них монахиня ему рассказала:

— С давних пор из семьи сановника Чона приходят в наш храм, чтобы провести буддийские обряды, но их барышня ни-

когда здесь не бывает. Вот три дня назад по приказанию барышни к нам пожаловала Ка Чхунун, наложница господина Яна, исполнила буддийские обряды и удалилась, но она оставила послание, написанное барышней. Возьмите его и выполните приказание государыни.

Евнух, возвратившись, так все и доложил.

— Пожалуй, увидеть дочь Чона будет довольно трудно, — заметила государыня и вместе с принцессой принялась читать послание барышни. Вот оно:

«Ваша послушница Кёнпхэ из семьи Чон через свою служанку Чхунун с низким поклоном обращается ко всем буддам и бодхисаттвам.

Ваша неразумная послушница Кёнпхэ, наверное, провинилась в прошлой жизни. Вот потому я и родилась женщиной, и нет у меня ни братьев, ни сестер. Я получила свадебный подарок Яна и собралась отдать себя ему. Хотела взять на себя заботы о семье, но доблестного мужа забрали в зятя государю. Веление двора сурово, и, конечно, воля Неба не подвластна людям. В мире по-разному судят о нравственности, но это противно моему пониманию долга. Вот почему я решила не покидать родителей, остаться с ними до конца их дней. А когда окончится назначенный им срок, настанут для меня дни праздности. И вот, от всей души молю я Будду, склоняясь до земли, о милости прошу. Родителям моим, батюшке и матушке, даруй сто лет жизни, а мне, послушнице, дай избавление от бед и страданий. Я ведь должна резвиться птенчиком в детском платице, чтобы всегда веселить и радовать родителей. А когда моих родных не станет, я клянусь прийти к «вратам пустоты». Я буду возжигать курения и читать сутры — стараться воздать Будде за его милости. А еще, есть у меня служанка, ее зовут Чхунун — «Весеннее облачко». Мы неразлучны с раннего детства, у нас с ней одна судьба. Считают нас служанкой и хозяйкой, а на самом деле мы с ней близкие подруги. Я, как хозяйка, велела ей стать наложницей прежде жены. Но всё ополчилось против нас, пришлось ей покинуть супруга и вернуться ко мне. Мы поклялись всегда быть вместе — умереть и жить, горевать и радоваться. И теперь покорнейше просим всех будд — проявите милосердие к нам обоим! И после многих, многих перерождений не дайте нам снова стать женщинами! А меня очистите от дурных помыслов и одарите мудростью и добротой. Дайте родиться в хорошей земле, чтобы странствовать мне безмятежно в радости и веселии».

Принцесса с грустью проговорила:

— Из-за одного испорчена жизнь двоих. Боюсь, не принесло бы это беды!

Государыня ничего на это не ответила.

Барышня Чон тем временем все дни проводила с родителями. На ее лице не было и тени печали, она всегда появлялась веселой, а госпожа Чхве, глядя на нее, горевала. Чхунун, как могла, развлекала свою барышню — то разными поделками, то стихами, как говорится, действовала кистью и тушью, а сама день ото дня все чахла и под конец совсем расхворалась. Барышня заботилась о родителях, тревожилась за Чхунун, и сердцу ее не было покоя. Заботясь о матушке, барышня велела слугам разыскивать хороших музыкантов или искусно сделанные вещи, а как найдут, тотчас же ее извещать.

И вот однажды пришла какая-то девушка продать два свитка вышивки. Чхунун взяла их и стала разглядывать. На одном был павлин среди цветов, на другом — две перепелки в бамбуковой роще. Вышито было с необыкновенным искусством, будто не человек творил. Чхунун задержала девушку и, взяв вышивки, понесла показать их барышне.

— Барышня, — сказала Чхунун, — вы всегда расхваливаете мое вышивание, а вот взгляните-ка на эти свитки! Если это сотворено не руками небожительницы, то уж наверняка сделано каким-нибудь божеством!

Барышня расстелила вышивки перед матерью и с удивлением проговорила:

— Да, похоже, эта искусная работа сделана не в наше время! Но краска на нитях совсем новая. Удивительно, у кого же такой талант?

Она велела Чхунун спросить у девушки, и та рассказала.

— Это вышила барышня из нашей семьи. Она живет одна в доме для приезжих, у нее совсем не осталось денег, и она велела мне как можно скорее их достать.

— А из какой семьи твоя барышня? — спросила Чхунун. — Почему она одна живет в доме для приезжих?

— Моя барышня — младшая сестра Ли — чиновника, ведающего делами окраинных земель. Господин Ли с супругой отправились в Чжэдун, куда он был назначен на службу, а барышня заболела и не смогла поехать вместе с ними. Она поселилась на время в доме своего дядюшки Чана, который служит в императорской кацелярии, но неожиданно случилось так, что она должна была уехать оттуда. И вот теперь она живет в доме госпожи Са, той, что продает румяна и белила, и ждет, когда за ней приедут из Чжэдуна.

Чхунун все это пересказала барышне, и та щедро оплатила вышивки своими шпильками, браслетами и украшениями для волос. Вышивки повесили в центральном зале и целыми днями любовались ими, не переставая расхваливать мастерицу.

Девушка, служанка из дома Ли, с тех пор стала ходить к ним в дом и подружилась со слугами.

— Если барышня Ли такая искусница, — как-то заметила барышня Чон, — наверняка она человек не обычный. Я хотела бы подослать к ней служанку, пусть она пойдет вслед за девушкой и попробует разузнать, кто она такая, эта Ли.

Выбрали бойкую служанку, и та пришла к маленькому деревенскому домику. Он не был даже разделен на женскую и мужскую половины. Барышня Ли, узнав, что пришла служанка из семьи Чон, угостила ее вином и закусками. Возвратившись домой, та рассказала:

— Госпожа Ли изящна и красива, под стать нашей барышне! Чхунун не поверила:

— Ее искусство мы все видели — она и в самом деле не глупа. А зачем же говорить то, чего не может быть? Не думаю, чтобы сейчас нашелся кто-нибудь, похожий на нашу барышню!

— Вы, госпожа, не верите мне! — воскликнула служанка. — Пошлите другую, может быть, тогда поверите, что я вам не наврала!

Чхунун решила послать еще одну служанку, и та рассказала:

— Просто удивительно! Эта Ли будто небесная фея! Вчера вам сказали истинную правду, и если вы, госпожа, сомневаетесь, сходите к ней сами!

— Вы обе преувеличиваете! У вас, что ли, глаз нет?

Все вокруг рассмеялись, а через несколько дней в дом Чона явилась сама госпожа Са — та, которая торгует румянами и белилами. Она пришла навестить госпожу Чхве.

— В моем доме живет барышня из семьи Ли, — начала она. — Барышня красива и талантлива, я, старуха, впервые такую встретила. Она просто благоговеет перед именем вашей дочери и хотела бы хоть раз повидать ее, послушать ее наставления, но не смеет прийти сама. Она узнала, что я знакома с вами, госпожа, и просила меня передать вам ее просьбу.

Госпожа Чхве позвала дочь и передала ей просьбу Ли.

— Я не такая, как другие, — ответила барышня. — Я никому не показываюсь и ни с кем не встречаюсь. Но все вокруг твердят, будто сама барышня Ли под стать своим искусным вышивкам, и мне тоже захотелось ее повидать.

Са, обрадованная, помчалась домой.

На следующий день Ли послала служанку предупредить о своем приходе, а затем прибыла сама в носилках с занавесками. Ее сопровождали служанки. Барышня Чон пригласила ее в свои покои, и гостя с хозяйкой уселись друг против друга — одна с восточной стороны, другая — с западной. Казалось, Небесная Ткачиха явилась гостьей в Лунный дворец или сама Сиванму устраивает утренний прием у Нефритового пруда. Они прямо ослепляли друг друга сиянием и блеском, весь зал словно залило светом. Девушки и сами были поражены.

— Я узнала от служанок, — начала разговор барышня Чон, — что вы изволили поселиться неподалеку и выразили желание посетить нас, но несчастные лишены внимания людей, а вы, барышня, изволили нынче зайти ко мне. Я так растрогана, что не в силах выразить свою благодарность.

— Я — человек из захолустья, — ответила ей барышня Ли. — Мой батюшка скончался давно, а матушка так любила меня, что жалела учить, так я ничего и не умею. Я вот все время думаю: мужчина разъезжает по всему свету, заводит добрых друзей, он может посоветоваться с ними, получить наставления. А женщина? Кого она видит, кроме слуг в доме? Кто поможет ей избежать ошибок, кто разрешит ее сомнения? Порою так бывает досадно, что я всего лишь женщина! Я слышала, у вас, барышня, литературный дар Бань Чжао¹¹⁷ и добродетели Мэн Гуан¹¹⁸, вы сами не выходите за ворота, а ваше имя знают даже при дворе. И я, забыв о своей ограниченности, захотела увидеть сияние ваших совершенных достоинств. Вы не отказали мне, и я на всю жизнь останусь вам благодарной!

— Ваши, барышня, наставления останутся в моем сердце, — ответила ей Чон. — Ведь я живу на женской половине и нигде не бываю, мои глаза и уши всегда закрыты, и я, как говорится, не знаю, как выглядит вода в синем море, и что за облака на горе Ушань. Думаю, что и нефрит с горы Цзиншань, и жемчуг в синем море естественно скрывают свой блеск и не показываются людям. А такие девушки как я, скромны, как же осмелюсь я принять ваши восхваления?

Служанка подала им чай и плоды, они продолжали весело беседовать, и тут барышня Ли спросила:

— Я слышала, у вас в доме есть девушка из семьи Ка, нельзя ли ее повидать?

— Она тоже хочет вам представиться, но не осмеливается, — ответила барышня и позвала Чхунун. Чхунун вошла, поклонилась, и барышня Ли ответила на ее приветствие. Чхунун взгля-

нула на нее и с удивлением подумала: «И правда, прямо небожительница! Небо породило нашу барышню и эту девушку — тоже. Вот так сразу явились миру две несравненных красавицы древности — Фэй-янь и Юй-хуань¹¹⁹!»

И барышня Ли тоже подумала: «Я много слышала, что дочь Ка очень известна, но теперь вижу, сама она превзошла свою славу! Конечно, наш министр Ян ее очень любит. Она под стать моей Чин Чхэбон! Вон какими оказались служанка с хозяйкой, разве Ян Сою оставит их?»

Барышня Ли с Чхунун вели учтивую беседу, наконец барышня Ли встала и начала прощаться.

— Солнце уже заходит, — заметила она, — как жаль, что я не могу еще с вами поговорить, но мой дом совсем недалеко от вас, и я надеюсь, мы выберем время, чтобы еще раз повидаться.

— Как прекрасно с вашей стороны зайти ко мне в гости! — промолвила барышня Чон. — Я должна бы выйти проводить вас, но я не такая, как другие, и не выхожу за ворота. Вы уж простите меня!

Они с грустью простились друг с другом, а когда Ли удалилась, барышня заметила Чхунун:

— Как странно! Ведь драгоценный меч в темницу схорони, а он все равно будет сверкать, как звезды Небесного Ковша или Пастуха; старая раковина прячется на дне моря, но ее дыхание рождает миражи — дворцы и террасы. А барышня Ли живет с нами в одном городе, мы же никогда о ней не слыхали! Действительно, очень странно!

— Я кое-что подозреваю, — промолвила Чхунун. — Ян мне рассказывал, что в Хуачжоу он встретил дочь ревизора Чина и заключил с ней брачный союз. Она так хороша, что он до сих пор тоскует. Я читала ее стихотворение про иву, она талантливая женщина! Не знаю, жива она или нет, но мне кажется, наша гостя назвалась другим именем. Наверное, она хочет подружиться с нами, чтобы вернуться к прежнему союзу.

— Я о госпоже Чин слышала другое, — сказала барышня. — Действительно, как будто похоже, но ее семья попала в беду, и она оказалась во дворце. Как же она могла здесь появиться?

Барышня принялась рассказывать госпоже про Ли и все время расхваливала ее.

— И я бы хотела на нее посмотреть, — промолвила мать.

Через несколько дней госпожа послала приглашение барышне Ли. Ли с радостью приняла его и тут же пришла к Чонам. Госпожа вышла встретить ее в зал, а Ли представилась ей, буд-

то племянница встречает тетушку. Госпожа угостила ее вином и закусками, она отнеслась к ней как к родной дочери. А барышня Ли поблагодарила ее в ответ.

— Я восхищаюсь достоинствами барышни. Я боялась, что она откажется встретиться со мной, но барышня приняла меня, как сестра, а теперь и вы, госпожа, одарили меня своей любовью. Я хотела бы до конца своих дней ходить в ваш дом и ухаживать за вами, как за родной матушкой.

Госпожа ответила, что не смеет принять такое. Все вместе они полдня провели в разговорах, а потом барышня увела Ли в свои покои, и они вместе с Чхунун болтали, смеялись и от души веселились. Обе барышни привязались друг к другу, они говорили о поэзии, обсуждали женские достоинства и даже не заметили, что день подошел к концу. Жалели только, что так поздно встретились.

ДВЕ КРАСАВИЦЫ РУКА ОБ РУКУ САДЯТСЯ В ОДНИ НОСИЛКИ.

ВО ДВОРЦЕ ЧАНСИНЬ ПРОБУЮТ СОЧИНИТЬ СТИХИ ЗА СЕМЬ ШАГОВ

Когда барышня Ли ушла, госпожа Чхве с удивлением заметила дочери и Чхунун:

— В семьях Чон и Чхве полным-полно родни, несколько тысяч человек, и мне с детства довелось повидать многих красавиц, но всем им далеко до барышни Ли! Поистине, между вами нет никакой разницы. Вот славно было бы вам стать сестрами, старшей и младшей!

А барышня рассказала матери все, что узнала от Чхунун о девушке по имени Чин.

— У Чхунун, конечно, есть основания для таких подозрений, но я заметила и другое. Барышня Ли не только хороша собой, но у нее еще и характер прекрасный, а ее манеры полны достоинства, и она очень отличается даже от девушек из знатных домов. У Чин Чхэбон, конечно, много ценных качеств, но сомневаюсь, чтоб она могла сравниться с Ли. Мне говорили, что у принцессы Нанян облик под стать ее душе, а таланты — добродетелям. Мне кажется, наша барышня Ли внешностью и характером больше напоминает принцессу Нанян.

— Я никогда не видела принцессу и ничего не могу сказать, — заметила мать. — У нее, конечно, высокое положение и знаменитое имя, но почему обязательно с ней надо сравнивать барышню Ли?

— Сомневаюсь, что барышня Ли та, за кого себя выдает. Я как-нибудь пошлю Чхунун, пусть присмотрится к ней.

На другой день только Чон заговорила об этом с Чхунун, как примчалась служанка от Ли.

— Барышне удалось найти лодку, которая плывет в Чжэдун, завтра она уезжает и хочет сегодня зайти к вам проститься!

Вскоре появилась Ли. Обе барышни сокрушались о предстоящей разлуке, они глядели друг на друга с чувством глубокой привязанности. Наконец барышня Ли поднялась и, дважды поклонившись, почтительно промолвила:

— С тех пор как я разлучилась с матушкой и рассталась с братцем, прошло время, и в сердце у меня будто стрела застряла. Но вот я познала милостивую заботу госпожи и с барышней подру-

жилась. Есть у меня к вам, барышня, одна просьба, но боюсь, что вы мне откажете. Я, пожалуй, расскажу сначала госпоже.

— Какая же у вас, барышня, просьба? — спросила госпожа.

— Я вышла для покойного батюшки облик Великой Наставницы с Южного моря¹²⁰, работа уже закончена, только нет словословия, написанного поэтом. Вот мне и хотелось бы получить от барышни хотя бы одну строфу, написанную ее кистью. Мой свиток с вышивкой широкий, его трудно разворачивать и я не могу принести его сюда, боюсь испортить. Поэтому хотела бы ненадолго пригласить барышню... Хочу выполнить свой долг перед родителем и утешить себя после разлуки, но я не знаю, что скажет на это барышня.

— Ты привязана к родительскому дому, — начала уговаривать дочь госпожа Чхве, — и никогда не выходишь за ворота, но просьба этой барышни особого рода, к тому же и дом ее неподалеку. Думаю, никакой опасности для тебя нет!

Чон сперва колебалась, но после решила: «Я все сомневаюсь, кто такая эта Ли, вот и воспользуюсь случаем, сама все раз узнаю!» — подумала она и сказала вслух:

— Если бы госпожа Ли пригласила меня ради пустого дела, я бы не пошла, но у всех есть родители, разве можно пренебречь такой просьбой? Подождем только, когда начнет смеркаться, тогда и пойдем.

Обрадованная Ли принялась благодарить, но заметила:

— Когда начнет темнеть, трудно будет работать кистью. Если же вас беспокоит дорога, сядем в мои носилки, в них поместятся двое, а вечером вернетесь домой.

— Вот и прекрасно, — ответила Чон, а барышня Ли стала прощаться с госпожой и, расставшись с Чхунун, села с Чон в одни носилки. Следом отправилось несколько служанок из дома Чон.

Когда они прибыли в дом Ли, барышня принялась осматривать ее покои. Вещей было немного, но все сделаны весьма искусно, и угощение оказалось довольно изысканным. А Ли молчала и не заговаривала о стихах к картине.

— Где же вышитый портрет Кваным? — спросила Чон наконец. — Я бы хотела провести перед ним церемонию поклонения.

— Сейчас его увидите, — только успела ответить Ли, как вдруг за воротами раздался топот коней и грохот повозок, вокруг дома замелькали зеленые и красные флаги. К Чон бросились перепуганные служанки:

— Солдаты окружили дом!

Но Чон уже обо всем догадалась и даже в лице не переменилась.

— Не пугайтесь, — обратилась к ней Ли. — Я никто иная, как принцесса Нанян. Я пригласила вас сюда по приказанию государыни.

Барышня Чон поднялась с места и ответила:

— Я живу в захолустье и невежественна, но поняла, что вы не обычный человек. Благородная принцесса изволила снизойти ко мне — о таком я не смела мечтать даже во сне, а я вела себя так бесцеремонно. Простите мне мою вину!

Не успела принцесса ответить, как появилась служанка:

— Государыня изволила прислать придворных дам Ван, Сок и Хва справиться о вашем здоровье!

— Оставайтесь пока здесь, — обратилась принцесса к Чон, а сама вышла в зал. К ней по очереди подошли три придворных дамы и после церемонии приветствия заговорили:

— Прошло несколько дней, как вы расстались с государевыми покоями, и государыня думает о вас неотступно. Нынче государь император, многие ему лета, и государыня-матушка изволили послать своих служанок справиться о вашем здоровье. Настал день вашего возвращения во дворец, кони с колесницей и караул уже прибыли. Государь велел охранять вас евнухам Чо и Ви.

А придворная дама Ван добавила:

— Еще государыня повелели барышне Чон прибыть во дворец в придворном экипаже вместе с вами.

Принцесса велела придворным дамам подождать снаружи, а сама вернулась в дом к Чон.

— Мы с вами должны о многом поговорить, а сейчас надо спешить. Государыня желают вас видеть и ждут вас в своих покоях. Я вместе с вами поеду во дворец, чтобы представить вас государыне.

Барышня Чон поняла, что не поехать она не может.

— Я вижу, что пришлась по душе благородной принцессе. Девушка из простой семьи даже надеяться не смела когда-нибудь предстать перед государыней. Боюсь ошибиться в церемонии!

— Вы, барышня, не сомневайтесь. Неужто вы думаете, что государыня не так сердечна, как я?

— Я получила наставления и теперь, после того, как вы, принцесса, уедете, я должна возвратиться домой и рассказать там все от начала до конца, а после приеду!

— Государыня уже изволила повелеть мне сесть в экипаж вместе с вами, — возразила принцесса, — а раз так было сказано, вы не можете отказаться!

— Ведь я ваша подданная, маленький человек, как же мне осмелиться сесть с вами в государев экипаж?

— Люй Шан¹²¹ был простым рыбаком, а сел в одну колесницу с Вэнь-ваном, — ответила принцесса. — Хоу Ин¹²² был привратником, а правитель усадил его в свою колесницу и сам управлял конями. Вы, барышня, — из славного рода владетельных князей, дочь большого сановника! Так почему же вы отказываетесь ехать вместе со мной?

Принцесса взяла ее за руку, и они вместе сели в государев экипаж. Тем временем Чон послала одну из служанок домой обо всем рассказать матушке, а другая поехала с ней во дворец.

Принцесса с барышней проехали через ворота Дунхуа, миновали еще девять рядов ворот и только тогда вышли из экипажа. Принцесса велела придворной даме Ван подождать здесь вместе с Чон.

— Государыня повелела приготовить покои для барышни Чон, — сообщила придворная.

Сперва государыня не питала добрых чувств к Чон, но вот принцесса, переодевшись простой женщиной, поселилась недалеко от дома Чон и, воспользовавшись свитками с вышивками, подружилась с барышней.

Сердце принцессы было покорено разумностью и добродетельностью Чон. Она поняла, что Ян никогда ее не оставит, вот тогда она и решила по взаимной любви и согласию стать с Чон сестрами, а потом вместе выйти замуж и служить одному человеку. Принцесса изо всех сил уговаривала государыню переменить свое решение, и государыня, наконец, разрешила принцессе и Чон стать двумя женами Ян Сою, но непременно хотела сперва сама посмотреть, как выглядит эта Чон. Вот потому принцесса обманом и привела Чон во дворец.

Только успела барышня Чон присесть в своих покоях, как придворные дамы принесли ей коробку с платьем и передали повеление государыни:

— «Барышня Чон — дочь сановника, к тому же она получила свадебные подарки первого министра, а носит девичье платье. Негоже в таком виде являться ко двору, потому мы подносим ей платье жены чиновника второго ранга».

В ответ Чон дважды поклонилась и сказала:

— Я — девушка, как же я могу надеть платье замужней женщины? Мой наряд прост, но в нем я ухаживаю за батюшкой и матушкой, а наша государыня ведь родительница всего народа, прошу позволить мне явиться к ней на прием в моем платье.

Придворные дамы все передали государыне. Та порадовалась такому ответу и повелела привести Чон. Когда девушка в сопровождении придворной дамы появилась перед залом, все вокруг озарилось сиянием ее красоты, а приближенные, уставясь на нее, зашептали:

— Мы-то считали, что нет никого прекраснее нашей принцессы. Не думали, что на свете есть такая красавица, как барышня Чон!

Барышня окончила церемонию поклонов, и тогда придворные дамы подвели ее к залу, где восседала государыня. Государыня усадила ее и заговорила:

— Ради брака нашей дочери мы повелели вашей семье, вернуть свадебные подарки обратно в дом Яна, и это соответствует древним установлениям нашего государства, и не мы положили этому начало. Однако наша дочь стала нас увещевать: «Повелеть отказаться от прежнего союза ради нового — это не тот путь, которым должен идти государь!» И вот принцесса пожелала объединиться с тобой, чтобы вместе служить Сою. Мы обсудили это с государем и согласились с прекрасной идеей нашей дочери. Когда Ян Сою вернется в столицу, он снова пошлет тебе свадебные подарки, и ты станешь его женой вместе с принцессой. Такого не бывало и в древние времена! Теперь мы оповещаем тебя о нашей милости.

— Поистине, государева милость — за пределами моих мечтаний, — почтительно промолвила барышня, — а я, сколько бы ни старалась — пусть даже в порошок сотрусь, все равно не смогу отплатить сполна. Ведь я всего лишь дочь вашего подданного, как же мне осмелиться стать рядом с принцессой, сравниться с ней положением? Даже если я подчинюсь вашему приказанию, мои родители скорее умрут, чем разрешат мне согласиться на такое!

— Твои речи скромны, — заметила ей государыня, — но Чоны во многих поколениях были владетельными князьями, а твой отец — старый сановник покойного государя. Ты ведь не служанка, зачем же принижать свое имя?

— Подданный служит своему государю, все в мире следует указаниям Неба. Так же и я — пусть по вашему указанию стану наложницей или рабыней — ни одна моя волосинка не выкажет досады. Конечно, разве не счастье для деревенской девушки прислуживать жене владетельного князя? Но здесь есть одна трудность: сделать жену наложницей... — на этот счет еще Конфуций в «Веснах и осени»¹²³ предостерегал. К тому же, боюсь, что и Ян Сою не обрадуется.

— То, что ты говоришь — превосходно, — заметила государыня. — Конечно, нельзя жену сделать наложницей. Остается только нашу дочь выдать замуж в другую семью, но ведь ее союз с Ян Сою предопределен Небом, он загадан мелодией флейты!

— Меня другое беспокоит, — сказала в ответ барышня. — У моих родителей нет сына, а у меня — братьев и сестер. Вот я и хочу, следуя велению Неба, всю жизнь ухаживать за родителями. Разве это не по-человечески?

— Ты искренне предана своим родителям, можно сказать, в совершенстве выполняешь свой долг, но разве может вещь остаться без места? — стала возражать ей государыня. — К тому же ты — совершенная красавица, в тебе ведь не найти ни одного изъяна, и Ян Сою никогда не согласится от тебя отказаться. Мы неправильно разделяли твою судьбу и брачные дела нашей дочери. Ведь прежде у меня были две дочери, но старшая сестра Нанян скончалась десяти лет от роду, и я все время сожалею о том, что Нанян одинока. А теперь я вижу, что ты своей красотой и талантливостью не уступаешь Нанян, и мне кажется, будто передо мной моя покойная дочь. Я хочу сделать тебя своей приемной дочерью и уже договорилась об этом с государем. Когда мы возведем тебя в звание принцессы, все увидят, что ты — моя любимая дочь, исполнится желание Нанян приблизить тебя, и, наконец, вас вместе с Нанян мы выдадим замуж за Ян Сою. Так мы разрешили все наши трудности. А что ты об этом думаешь?

Барышня Чон промолвила с низким поклоном:

— Государыня так изволили распорядиться, что я боюсь умереть от счастья. Только и надеюсь сохранить себя вашими заботами!

— Мы уже все обговорили с государем, не упорствуй! — уговаривала ее государыня.

Позвали принцессу, и та в расшитом платье торжественно села против барышни Чон. Государыня улыбнулась:

— Ты хотела быть сестрой барышне, вот вы и стали сестрами. Ты довольна?

Барышню Чон сделали приемной дочерью. Принцесса, обрадованная, встала и поблагодарила мать:

— Как замечательно вы распорядились. Что может быть лучше?!

Государыня, оказывая милостивое внимание барышне Чон, тут же предложила обсудить литературные творения, исторические труды и классические сочинения.

— От Нанян я слышала о твоих литературных дарованиях. Сейчас, весенней порой, у нас во дворце нет особых дел, вот и, как говорится, подними узорную кисть и порадуй наше сердце! Говорят, в древности был такой человек, что умел сочинить стихотворение, пока пройдет семь шагов. А ты могла бы так?

— Государыня изволили мне повелеть, так посмею ли я отказать нарисовать ворона, если это может вызвать хоть одну вашу улыбку?

Государыня рассмеялась и выбрала придворных дам с самыми маленькими ножками, самыми тонкими талиями и самой изящной походкой. Она велела им встать перед дворцовым залом и собралась уже дать барышне Чон тему стихов, как вмешалась принцесса:

— Не годится одной Чон сочинять стихи, дайте и мне попробовать!

— Ты хорошо придумала, — обрадовалась государыня, — нужно только найти хорошую тему!

Была пора поздней весны, и за оградой пышно цвели персики. Вдруг откуда-то прилетела сорока и с криком уселась на ветку. Государыня радостно указала на нее.

— Я уладила ваши брачные дела, и теперь сорока с кончика ветки вещает вам счастье. Это — доброе знамение. Вот вам и тема: сорока стрекочет среди персиковых цветов. Каждая из вас сочинит стихотворение в жанре «Оборванных строк», по семи знаков в каждой строке, и пусть там непременно будет что-нибудь сказано о браке!

Придворные дамы расставили, как говорится, «четырех друзей поэта», и обе девушки взяли по кисти. Дамы сделали шаг и со страхом подумали, а вдруг те две не успеют написать? Краешком глаза они глянули, как у девушек работает кисть, и немного замедлили шаги. А у барышень кисть носилась вихрем, и слова падали как ливень. Едва успели женщины сделать пять шагов, как все было написано. Государыня сперва взяла стихи Чон. Вот они:

Весною в Запретном саду

распускается персик.

О чем благовестница птица

стрекочет на ветках его?

О том, как певица на башне

новые песни слагает —

Все на мотив «Пышны цветы»

и «Сорочье гнездо»!

А стихи принцессы были вот о чем:

В дворцовом саду —
сто весенних прекрасных цветов,
Волшебная птица
на ветках цветущих стрекошет:
О, вот наконец
будет выстроен мостик сорочий —
И по нему тотчас сойдут
обе Небесные внуки!

— Обе мои дочери прямо Цинлянец и Цзы-цзянь¹²⁴ среди женщин! — воскликнула государыня. — Если бы государев двор вздумал устроить для женщин экзамен на чин, то обе вы оказались бы на первом месте! — И она подала принцессе и барышне Чон прочесть стихи друг друга. Каждая похвалила стихи подруги, и принцесса заметила государыне:

— Мне, конечно, удалось написать стихотворение, но выразить мысль так, как это сделала я, сумел бы каждый. В сочинении Чон весьма искусно сплетены мотивы. У меня так не получается.

— Стихи нашей дочери и в самом деле мудры и прозорливы. Они достойны особой похвалы, — согласилась государыня.

Тут заговорила старая придворная дама еще прежнего, покойного государя:

— Я вообще-то глупа, в молодости учила разные стихи, но особого смысла в них не понимаю. Очень надеюсь, что государыня растолкует мне содержание этих двух стихотворений, а мы все послушаем.

Государыня рассмеялась и принялась объяснять.

— Смысл этих двух стихотворений в последних строчках. В стихотворении барышни из дома Чон принцесса Нанян сравнивается с персиком, а с сорокой — она сама. Так вот, в «Книге песен»¹²⁵ в разделе под названием «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него» есть песня, рассказывающая о неравном браке царской дочери, и красота невесты сравнивается с цветущими персиками и сливами. А в песне о невесте князя говорится о сороке, свившей себе гнездо. Эти две песни дают образец поэзии, и в них, естественно, речь идет о свадьбе двух девушек. В древней песне сказано, что девушка во дворце поет новую мелодию в Сорочьем павильоне, а в стихотворении барышни Чон заимствована третья строфа этой песни, но опущен иерог-

лиф «сорока». Рифмы искусно сплетены так, чтобы показать ее добродетельность. Поистине достойно восхищения. В стихотворении Нанян сороки изо всех сил стараются построить мост через Серебряную реку. В древности через него шла лишь одна Ткачиха, а теперь переправятся две. Принцесса слово «свадьба» иносказательно назвала «сорочьим мостом» — это обычное дело, а вот сказать, что я дочку Чона сделала своей приемной дочерью, никак не получалось. Поэтому трудно было, сославшись на «Книгу песен», уложить в строфу выражение «дочь князя», и тогда Нанян в стихах ее и себя просто назвала «небесными внуками». Поистине, она поняла мои мысли, умно и незаурядно!

Старая придворная дама осталась довольна и вместе со всеми поздравила барышень.

МИНИСТРУ ЯНУ СНИТСЯ, БУДТО ОН В ИНОМ МИРЕ.

ГОСПОЖА КА ОБМАНЫВАЕТ, БУДТО ПЕРЕДАЕТ
ПРЕДСМЕРТНОЕ НАПУТСТВИЕ.

Как раз в это время государь пожелал навестить государыню-мать, и она, отослав Нанян и Чон в соседнюю комнату, встретила сына словами:

— Ради брака Нанян я велела вернуть Яну свадебные подарки обратно и тем самым нарушила наши обычаи. Тогда я решила: пусть Нанян выходит замуж за Яна вместе с Чон. Но это не годится для семьи Чон, сделать их дочь наложницей — это было бы насилием! И вот сегодня я повидала барышню Чон. Она так красива и талантлива, что вполне может стать сестрой Нанян, а мне — приемной дочерью, тогда мы их двоих отправим в семью Яна. Что вы, государь, об этом думаете?

Государь радостно поздравил ее:

— Какая прекрасная мысль! В ней — широта небес и земли! Такой глубины человеколюбия и щедрости в милостях не знали даже древние!

Государыня призвала Чон и представила ее государю. Государь велел ей подняться в зал и удивленно спросил у матери:

— Дочь Чона теперь наша сестра, почему же она в простом платье?

— Не было еще вашего повеления, потому она и отказалась от парадного одеяния, — ответила государыня.

— Принеси свиток алой шелковой бумаги с узором луаня и феникса! — приказал государь письмоводительнице.

Чин Чхэбон почтительно подала ему свиток, и государь, взяв кисть, хотел было уже написать указ, но вдруг вспомнил:

— Чон пожаловали титул принцессы, значит, ее надо одарить и фамилией нашей семьи, — обратился он к государыне.

— Я тоже об этом думала, — ответила государыня, — но супругам Чон уже много лет, и у них нет других детей. Нельзя же допустить, чтобы не оставалось никого, кто носил бы их фамилию, и мне кажется, ей надо оставить фамилию ее семьи.

Тогда государь начертал своей кистью:

«В соответствии со священной волей государыни, ее приемную дочь Чон жалую титулом принцессы Ённан».

Он приложил печать двух дворов — государя и вдовствующей государыни — и пожаловал эту бумагу барышне Чон, а придворным дамам тут же велели принести платье принцессы и одеть

Чон. Она поднялась, чтобы почтительно поблагодарить. Тогда государь велел установить, кто из них будет старшей сестрой. Оказалось, что Чон старше Нанян на год, но она не посмела занять место старшей.

— Ты, Ённан, теперь наша дочь, — заметила ей государыня. — Старшая сестра всегда выше, а младшая ниже, таков порядок. Почему же ты отказываешься?

Барышня низко поклонилась ей:

— Ведь порядок старшинства, который мы установим ныне, рассчитан и на будущее, так можно ли с самого начала поступать необдуманно?

— Некогда, во времена «Весен и Осеней»¹²⁶, супруга Чжао Цуя¹²⁷ была дочерью Вэнь-гуна — правителя удела Цзинь, но она отказалась от места главной жены, уступив его прежней супруге. Ты ведь моя старшая сестра, какие могут быть сомнения? — уговаривала ее Нанян.

Чон продолжала отказываться, тогда государыня повелела ей занять место старшей сестры, а все во дворце стали величать ее принцессой Ённан.

После этого государыня-мать решила показать государю стихи обеих сестер. Государю они очень понравились:

— Оба стихотворения написаны искусно, но в сочинении Ённан мы улавливаем мысли песен из «Ши цзина», в нем идет речь о нравственных принципах государевой супруги. Кроме того, и форма его совершенна.

— Вы оценили стихи по справедливости, — согласилась с ним государыня.

— Как вы полюбили Ённан! — воскликнул государь. — Поистине, в нашем царстве еще не бывало такого! А у меня к вам есть одна просьба. — И он рассказал государыне о письмоводительнице Чин.

— По-моему, к такой любви надо отнестись с сочувствием. Хотя ее отец был казнен за преступление, но все их предки были верными подданными нашего царствующего дома, и мне хотелось бы воздать ей за ее любовь. Я думаю сделать ее наложницей и выдать замуж вместе с моей сестрой. А что вы об этом думаете?

Государыня вопросительно взглянула на двух принцесс.

— Чин мне уже рассказывала свою историю, — сказала Нанян. — Мы полюбили друг друга, и я не хотела бы с ней расставаться.

Тогда государыня призвала Чин Чхэбон:

— Наша дочь хочет всегда быть с тобой вместе, а поэтому мы решили сделать тебя наложницей министра Яна. Исполнилось твое желание, и ты должна сердечно отблагодарить принцессу за ее милости.

Чин, проливая дожди слез, принялась с поклонами благодарить принцессу.

— Только мы обсудили брачные дела наших обеих дочерей, как прилетела сорока с вестью о счастье, — обратилась к ней государыня. — Я велела дочерям сочинить стихи о сороке, а теперь ты тоже выходишь замуж и радуешься вместе с ними, так опиши это в стихах!

Чин тут же написала и подала государыне. Вот ее стихи:

*Благовестница птица
хлопочет в весеннем дворце,
Теплый ветер в саду
над волшебными веет цветами,
Птица больше на юг не летит,
остается в гнезде,
И с востока ей
дальние звезды мерцают.*

Государыня прочла их вместе с государем и порадовалась:

— Тут и сама Се Дао-юнь¹²⁸ раскрыла бы глаза от удивления. Это стихотворение написано в том же духе, что и песни в «Ши цзине». Как прекрасен в нем намек на разницу между женой и наложницами!

— Стихов о сороке вообще-то мало написано, — добавила Нанян, — Мы с Ён-ян уже написали. Только стихи Цао Мэндэ¹²⁹ и помогли сороке, но в них ни слова нет о счастье. Но Чин сумела искусно сплести свое стихотворение из строк Мэндэ и Ду Фу, да еще строфу из песен «Ши цзина» добавила, и звучит оно у нее так непосредственно и гармонично. И образы из стихов этих поэтов у нее выглядят так, будто они созданы только сегодня самой госпожой Чин!

— И в древности бывали женщины, способные сочинять стихи, — заметила государыня. — Таких, как Бань Цзеюй и Цай Вэнь-цзи, Чжо Вэнь-цзюнь и Се Дао-юнь¹³⁰, вполне хватило на все времена, а нынче у нас собрались сразу трое таких талантливых! Восхитительно!

— У Ён-ян есть служанка Чхунун, она тоже прекрасно сочиняет стихи, — промолвила Нанян.

— Хотела бы я взглянуть на эту девушку, — промолвила государыня, но час был уже поздний, и обе принцессы удалились в свои покои. Назавтра едва занялся день, как Чон вошла к государыне и попросила отпустить ее домой.

— В доме, наверное, перепугались, когда меня забрали во дворец. Мне бы хотелось повидаться с родителями и рассказать им о ваших милостях и о своей радости.

— Разве можно так просто покидать государевы покои? — возразила государыня. — Но мне тоже надо поговорить с госпожой Чхве. — И она послала в дом Чона повеление госпоже Чхве прибыть ко двору.

Тем временем супруги Чон, все узнав от служанки, тайно посланной к ним дочерью, перестали тревожиться и были от души благодарны государыне. Получив государево повеление, госпожа Чхве поспешила во дворец. Государыня встретила ее словами:

— Мы приказали привести вашу дочь к себе не только из желания посмотреть на нее, но и ради брачных дел Нанян. Однако, увидев такую красавицу, мы сразу ее полюбили и сделали своей приемной дочерью, старшей сестрой Нанян. Нам даже кажется, будто наша покойная дочь вновь рождена вами, госпожа! Ей полагалось бы пожаловать и нашу фамилию, но мы подумали о том, что у вас, госпожа, тогда не останется детей, и решили ничего не менять. Теперь вы, госпожа, знаете нашу волю.

А госпожа Чхве только и могла, что трепетать от благодарности.

— Ён-ян теперь стала нашей дочерью, и вы не можете забрать ее к себе! — добавила государыня.

— Разве я посмела бы вернуть ее домой? Но теперь наша дочь остается у вас, а нам уже много лет и мы будем очень тосковать без нее! — ответила госпожа.

— Так ведь это лишь до свадебной церемонии! — улыбнулась государыня. — А после свадьбы и Нанян тоже будет о вас заботиться.

Она тут же позвала Нанян, чтобы они снова могли повидать друг друга, а госпожа Чхве стала извиняться перед принцессой за прежнюю вольность в обращении.

— Говорили, будто у вас есть девушка по имени Ка Чхунун. Нельзя ли ее повидать? — обратилась к ней государыня.

Госпожа Чхве тотчас велела прислать Чхунун. Та прибыла во дворец и, склонив голову, встала у нижних ступеней зала.

— От Нанян мы слышали, будто ты умеешь сочинять стихи, — обратилась к ней государыня. — Сможешь ли ты сочинить сейчас?

— Позвольте услышать вашу тему!

Государыня дала ей стихи трех барышень и сказала:

— А ты смогла бы сочинить так же?

Чхунун спросила кисть и тушечницу, написала, как говорится, одним взмахом и подала государыне.

Вот ее стихи:

Эта благая весть

кому как не мне известна?

Вместе с подругой феникса

влетела я в царский дворец!

Здесь на цветущих деревьях

так много свободных веток —

Трижды я сад облетела,

неужто мне некуда сесть?

Государыня прочитала и показала двум принцессам со словами:

— Я слышала, что у барышни Ка есть талант, но никак не ожидала, что такой!..

— В своих стихах она себя сравнивает с сорокой, а нас двоих с фениксами, это означает, что она тактична, — заметила Нанян. — Но в последней строчке опасается, что я буду к ней нетерпима, сама же хочет найти приют на одной с нами ветке. Она припомнила стихи старых мастеров, позаимствовала мотивы поэтов и весьма искусно соткала свое стихотворение. В старину говорили: «Если вольная птица доверится человеку, человек ее приголубит!» Вот уж не зря у барышни фамилия Ка — «Умеющая торговать»!

После этого Чхунун познакомили с Чин.

— Это дочь Чина из Хуайня. Тебе, Чхун, с ней вместе жить до старости, — сказала Нанян.

— Вы не та ли барышня Чин, которая написала стихи про иву? — спросила Чхунун.

— Кто вы, барышня? Откуда вы знаете про мои стихи?

— Господин Ян всегда, вспоминая вас, читал эти стихи. И я тоже слушала.

— Значит, господин Ян не забыл меня, — растроганно промолвила Чин.

— Как вы могли такое сказать? Господин Ян ваши стихи на сердце прячет. Как посмотрит на них — льет слезы, прочтет и все вздыхает. Вы, барышня, значит, не поняли его чувств!

— Если господин сохранил ко мне любовь, то пусть я никогда его не увижу — но теперь могу умереть без печали! — и Чин рассказала о стихотворении, написанном на шелковом веере.

— Те браслеты, шпильки и кольца, что я ношу, он получил в тот день, — засмеялась Чхунун.

Тут вошла служанка и сообщила, что супруга сановника Чона собирается домой. Обе принцессы остались при государыне.

— Вскоре возвратится Ян Сою и поднесет вам брачные подарки, — обратилась государыня к госпоже Чхве, — но нельзя же снова посылать те самые подарки, которые прежде были возвращены. Кроме того, Ёнян теперь наша дочь! Мы хотели бы провести брачную церемонию обеих дочерей в один день. Разрешите ли вы это, госпожа?

— Как вы прикажете, государыня, так и сделаем!

Государыня засмеялась:

— Наш Ян Сою ради Ёнян трижды не подчинился приказу двора, и мне хотелось бы теперь его обмануть. Как говорится, несчастье обернулось счастьем! Вот вы и скажите Яну, когда он вернется, что барышня Чон, к сожалению, заболела и умерла. Ян говорит, что они с барышней Чон видели друг друга, вот мы и посмотрим, узнает ли Ян ее в день бракосочетания или нет?

— Сделаем, как вы велите! — ответила госпожа Чхве и, простившись, отправилась домой, а дочь с поклоном проводила ее за ворота государевых покоев. Потом она позвала Чхунун, и они с ней принялись обсуждать, как лучше обмануть Яна.

Тем временем министр Ян напоил водой из озера Байлун военачальников и солдат. Воины воспряли духом и рвались в бой, тогда Ян начертал план действий, и они выступили под грохот барабанов.

Тибетский же правитель, получив жемчужину, посланную Сим Ёён, сразу понял, что танское войско уже прошло Долину Свернувшейся Змеи. Перепуганный, он велел всех собрать и обсудить, не сдаться ли им в плен, но военачальники Тибета сами связали его и доставили в китайский лагерь.

Ян Сою построил своих воинов в боевом порядке и вступил в тибетскую столицу. Он умиротворил народ, а потом поднялся на гору Куньлунь и установил там камень с надписью, прославляющей могущество великой танской империи. Наконец вся армия с победными песнями двинулась в столицу. Когда они

дошли до Чжэньчжоу, наступила середина осени. В горах и на реках дули ледяные ветры, и грустно становилось от тоскливых криков гусей.

Ян заехал переночевать на постоянный двор. Всю ночь он думал о родных краях и не мог заснуть.

«Вот уж три года миновало с тех пор, как я покинул дом. А как там моя старая матушка? Я все время занят государственными делами и даже не успел обзавестись женой. Какая судьба ждет мое желание вступить в брак с семьей Чон? Я завоевал земли в пять тысяч ли, умиротворил врагов, имевших армию в тридцать тысяч колесниц. Заслуги у меня немалые. Сын Неба непременно пожалует мне титул владетельного князя. А что, если я откажусь от службы и почтительнейше попрошу разрешить мне брак с барышней Чон? Неужто государь откажется выслушать меня?»

Понемногу эти мысли успокоили его, Ян прилег на подушку, и вот ему явился сон. Он поднялся в небеса и очутился перед дворцом, украшенным семью драгоценностями и окутанным радужными облаками. К Яну подходят две служанки и говорят:

— Вас приглашает барышня Чон!

Ян идет за служанками и входит в просторный двор, где пышно цветут удивительные цветы, а наверху павильона из белого нефрита сидят рядом три небожительницы, наряженные, как царицы, с темными бровями и ясными глазами. Небрежно прислонившись к перилам, они играют в мяч со служанкой. Увидев Яна, небожительницы встают ему навстречу и предлагают сесть.

— Как вы здоровались после того, как мы с вами расстались? — спрашивает одна из них.

Ян приглядывается к ней — в самом деле, та самая барышня Чон, с которой в былые времена они беседовали о музыке! Испуганный и обрадованный, он хочет ей ответить, но не может вымолвить ни слова. А барышня продолжает:

— Теперь я рассталась с миром людей и поднялась в небесные чертоги, а как подумаю о прошлом, оно, словно ручей Жошуй¹³¹, протекло. Вы, господин, увидите моих родителей, но обо мне уж не услышите вестей.

Она показывает на двух небожительниц, сидящих рядом с ней:

— Вот — Ткачиха, а это — Нефритовая дева. Это ваши суженые, а обо мне перестаньте думать. Вступите в счастливый союз с этими барышнями — и я успокоюсь.

Ян приглядывается к этим феям: их лица и глаза кажутся ему знакомыми, но он их не узнает. Тут вдруг раздается бой армейского барабана и пение рожка. Он тут же проснулся. Размышляя об увиденном, Ян Сою решил, что оно — к несчастью, и на душе у него стало тревожно.

Прошло немного времени, и передовые отряды подошли к столице. Сын Неба сам встретил их у моста Вэйцзяо. Ян ехал на ферганском коне, способном промчаться тысячу ли, в шлеме червонного золота с изображением фениксов и в золотой кольчуге. Впереди и позади него несли желтые секиры с белыми бунчуками, а справа и слева — знамена, расшитые драконами и фениксами.

Тибетского правителя везли в клетке, а за ним тридцать шесть тибетских вождей несли драгоценные дары. Армия являла собой небывалое могущество, и толпы людей, глядевших на это великолепие, растянулись на сотни ли. В Чанъани в этот день не осталось ни одного человека.

Император поблагодарил маршала Яна за великие труды для блага отечества и государевых дел и, обсудив его заслуги, решил пожаловать ему титул владетельного князя — так же, как в свое время был возвеличен Фэньянский Го¹³², но Ян, низко склонив голову, решительно отказался. Тогда император, восхищенный его силой воли, издал указ, назначив Ян Сою первым министром, пожаловал ему титул Вэйского князя и тридцать тысяч домов и кормление. А еще — множество золота, шелка и тысячу отборных коней, а вдобавок самых разных драгоценностей — всего и описать невозможно!

Ян с поклонами благодарил за милости, а государь повелел устроить великий пир, какие дают по случаю особых государственных праздников, и радовался вместе со всеми сановниками. Велели нарисовать портрет Яна для галереи Линянь.

Когда Ян покинул дворец, он первым долгом отправился в дом сановника Чона.

Вся семья собралась в зале и встретила его поздравлениями и подарками. Ян справился о здоровье министра и его супруги, и Чон Сипсам ответил ему:

— Дядюшка с тетужкой едва живы. Так неожиданно похоронили сестрицу... Они заболели от скорби и совсем пали духом, даже не смогли выйти в зал вас встретить. Ждут, что вы со мной вместе зайдете к ним во внутренние покои.

Ян, услышав эту весть, словно рассудка лишился и долго не мог вымолвить ни слова.

— Ты про кого сказал... кто неожиданно скончался? — пробормотал он наконец.

— У дядюшки нет сыновей, только одна дочь, — заговорил Чон Сипсам. — И вот теперь случилось... Такое горе! Смотри, Ян, не вздумай разговаривать жалостливым тоном!

А у Яна невольно полились слезы. Он так горевал, что Сипсам принялся его утешать.

— Конечно, твое с сестрицей брачное соглашение прошло не простой путь, но раз уж так получилось, ты помни о правилах приличия и не веди себя так!

Ян поблагодарил Чона и, сдерживая слезы, вместе с Сипсамом вошел к супругам Чон. Те только поздравили его с успехом и — ни слова не сказали о барышне.

— Наш императорский двор одарил меня великими милостями, мне пожаловали высокий титул и большую должность, и теперь я хотел было попросить, чтобы разрешили мне довести до конца прежде заключенное соглашение, но вон как обернулось дело! Невозможно пережить такое потрясение!

— Все дела решаются Небом, что тут может быть по силам человеку? А у вас, господин министр, сегодня счастливый день, и давайте оставим эти разговоры!

Чон Сипсам все время взглядами предостерегал Яна, и тот оборвал разговор. Они вышли в сад, а там их встретила Чхунун. Ян взглянул на нее, и его снова охватила такая печаль, что слезы полились из глаз.

— О, господин, господин! Сегодня у вас такой горестный день! — принялась его утешать Чхунун. — Сдержите слезы и послушайте меня! Ведь наша барышня — небесная фея. Она только на краткий миг сошла вниз, на землю, и в тот день, когда она поднялась обратно на небо, она мне сказала: «Ты рассталась с Яном и вернулась ко мне, но я покидаю этот пыльный мир, ты же вернись к Яну и усердно ему служи. Когда Ян вернется, он, конечно, будет горевать, а ты передай ему мою волю. После того, как моя семья вернула ему свадебные подарки, он теперь ничем не связан, тем более что я все еще стыжусь того дня, когда слушала его игру на цитре. Если же он будет слишком много страдать, окажется нарушителем императорского указа, да к тому же это вредит усопшему. А все время приносить жертвы на могиле и рыдать — ведь так обращаются только с беспутными женщинами, и я тогда не смогу успокоиться! Когда господин возвратится из похода, государь непременно опять заговорит с ним о браке с принцессой, а я слышала, будто принцесса скромна и

добронравна, она будет ему хорошей парой. Передай ему, пусть подчинится государеву приказу!»

Ян выслушал ее и затосковал еще сильнее.

— Барышня оставила мне свой наказ, но разве я могу не горевать? Она умирала, а заботилась обо мне! Пусть я хоть десять раз умру, но никогда не воздать мне сполна за все ее добрые дела!

Он рассказал Чхунун про свой сон на постоялом дворе. Чхунун заплакала:

— Барышня теперь, конечно, живет на Небесах, Все устроится, не надо горевать!

— А что еще говорила барышня?

— Говорила, конечно, но, боюсь, я не сумею толком рассказать.

— Расскажи, как умеешь, — попросил Ян.

— Еще барышня хотела вам сказать: «Мы с Чхунун едины, и если господин меня не забыл, то не бросайте барышню Чхун».

Ян, полный горя, воскликнул:

— Разве я тебя когда-нибудь брошу? Тем более что барышня оставила мне такой наказ. Клянусь, никогда тебя не забуду, даже если женюсь на самой Небесной Ткачихе или моей женой станет сама Мифэй¹³³!

НА СВАДЕБНОМ ПИРУ ЦВЕТЫ И ПАРЧА
ОСЛЕПЛЯЮТ ДРУГ ДРУГА БЛЕСКОМ.

НА ПИРУ ПО СЛУЧАЮ ПОЖЕЛАНИЯ ДОЛГОЛЕТИЯ
ХОН И ВОЛЬ ЗАВЛАДЕЛИ ВНИМАНИЕМ

На следующий день Сын Неба призвал к себе Ян Сою и сказал:

— Пролый раз из-за вашего отказа государыня изволила строго вас наказать, и нас это беспокоило. А теперь мы услышали, что дочь Чона умерла, и хотим вновь вернуться к брачным делам нашей сестры. Конечно, ваши мысли заняты дочерью Чона, но вы молодые, и за вашей матушкой надо ухаживать. В доме первого министра должна быть жена. К тому же, кто у Вэйского князя будет подносить вторую чашу с вином во время жертвоприношений? Я уже велел в одном и том же месте построить вам дом и палаты для принцессы. Так что же? И теперь не хотите жениться на нашей сестре?

Ян с поклоном ответил:

— На мне лежит вина отказа, и за это я был наказан, а теперь вы, государь, милостиво наставляете меня, и я так растроган, что готов умереть. Прелже я противился вашему повелению из-за того, что не мог с легкостью отринуть нравственные обязательства, а теперь барышни Чон уже нет, разве найдется у меня, что сказать? Но дом мой низок, а способности у меня ничтожные, и я боюсь, что высокое положение государева зятя — не для меня!

Государь обрадовался и повелел астрологу выбрать счастливый день, он пришелся на осень — пятнадцатый день девятой луны. До срока оставалось всего несколько десятков дней, и государь объявил Яну:

— Прелже наши брачные дела не были еще определены, и мы не сказали, что у нас есть две сестры. Обе они разумны и добродетельны. И мы решили дать вам в жены обеих сестер.

Ян тут же припомнил свой сон, который приснился на постоем дворе, и очень удивился.

— Когда я был избран царским зятем, для меня это было такой неожиданностью, а теперь вы желаете двух принцесс отдать в жены одному человеку! Такого не случалось даже при дворах древних государей. Как же я осмелюсь взять это на себя?

— Вы так много сделали для государства и нашего двора, что мы не знаем, чем вам воздать за это. Обе наши сестры так любят друг друга, что не хотят разлучаться никогда. Вот государыня

и придумала такое, так что, пожалуйста, не отказывайтесь. А еще у нас есть во дворце барышня Чин. Она из славной семьи, благородного рода, красивая и талантливая. Наши сестры очень ее любят. Поэтому она тоже выйдет замуж и станет вашей наложницей. Я хочу, чтоб вы об этом знали!

Яну только и оставалось, что склонить голову и поблагодарить.

Между тем, принцесса Ёнян уже несколько месяцев жила во дворце и служила государыне с искренней дочерней почти-тельностью. Чон, Нанян и Чин — все трое одинаково привязались друг к другу, и государыня тоже полюбила их всем сердцем.

День свадьбы в девятой осенней луне был уже близко, и вот однажды Чон обратилась к государыне с такими словами:

— Когда вы установили нам с принцессой Нанян порядок старшинства, для меня это оказалось совершенной неожиданностью, мне кажется, ваша приемная дочь не достойна такой милости, и это не соответствует моим подлинным желаниям. Теперь мы должны войти в дом Яна, и если Нанян откажется от первого места, это будет событие, какого не случалось и в древности. Я уповаю на то, что государыня и совершенномудрый государь установят правильно.

— Ведь прелже мы уже решили эту задачу, взяв пример с жены Чжао¹³⁴. Ты по своим достоинствам и одаренности годишься мне в наставницы, — вмешалась Нанян. — Пусть ты из семьи Чонов, но я по примеру жены Чжао уступила тебе место и мы уже стали старшей и младшей сестрами. Прелчем тут благородное и низкое положение? Ведь если я даже и буду второй женой, быть императорской дочерью я не перестану, а если я займу высшее положение, то мысль государыни взять тебя к себе в воспитанницы потеряет смысл. Если же ты будешь упорствовать, то я откажусь выйти замуж за Яна!

Тогда государыня спросила, что думает об этом государь.

— Наша сестра говорит от чистого сердца, — ответил государь. — Я не слышал, чтоб так поступали в древности благородные дочери из семей императоров и владетельных князей. Вы, государыня, наградите ее за скромность и доведите до конца ее прекрасную мысль.

— Вот и государь это одобрил, — заметила государыня и пожаловала принцессе Ёнян титул левой супруги Вэйского владетельного князя, а принцессе Нанян — правой. Дочери же сановника Чина был пожалован титул «благородной супруги».

В прежние времена церемонию бракосочетания принцессы никогда не совершали во дворце, но на этот раз государыня повелела все устроить в дворцовых покоях.

И вот настал счастливый день. Ян Сою, одетый в платье, расшитое цилингами, подпоясанный поясом, украшенным нефритами, совершил церемонию бракосочетания с двумя принцессами. Величественность церемонии можно сравнить лишь с горой, и проходила она так величаво, будто река текла. Невозможно все это описать словами! Окончив церемонию, они взопли на сидения. Госпожа Чин тоже предстала перед министром. Она прислуживала принцессам, и Ян одарил ее сидением. В этот день, будто три небесные феи собрались вместе! Покои сверкали, повсюду разлилось пятицветное сияние. Ян был ослеплен и так взволнован, что ему казалось, будто все это происходит во сне.

Он провел ночь с принцессой Ёнян и, поднявшись рано утром, отправился с визитом к государыне. Государыня устроила пир, на который прибыли государь с супругой и почтительно ухаживали за государыней. Они веселились до самого вечера, а ночью Ян взошел на ложе к принцессе Нанян. И снова пировали весь день. На третью ночь он отправился в покои «благородной супруги» Чин. Ян опустил парчовый занавес, поставил серебряную лампу, а Чин вдруг расплакалась.

— Ты горяешь в такой счастливый день, нет ли у тебя какой-нибудь тайной печали? — испуганно спросил Ян.

— Вы не признали меня, значит, позабыли! — промолвила Чин.

Ян пригляделся к ней и, вдруг догадавшись, схватил ее за руки.

— Уж не барышня ли ты Чин из Хуайня?

А Чхэбон только всхлипывала и не могла вымолвить ни слова. Тогда Ян достал из кармана стихи про иву и положил перед ней, Чхэбон тоже вынула стихи Яна. Оба загрустили и долго сидели в растерянности. Наконец Чхэбон промолвила:

— Вы знаете только стихи про иву, которыми был заключен наш прежний союз, но вам не известны стихи на шелковом веере, ведь это он помог связать наши судьбы, — и она раскрыла маленькую шкатулку, достала оттуда расписной веер и протянула его Яну.

— Нашим счастьем мы обязаны милостям государыни, государя и принцессы!

— Когда я снова вернулся на постоянный двор из гор Ланьтянь, где скрывался от солдат, — стал рассказывать Ян, — одни мне говорили, будто тебя забрали в женские покои дворца, другие — что тебя отправили рабыней в дальние земли, а иные рассказывали, будто ты не могла уберечься от злой судьбы. Я не знал правды, но надежд у меня не оставалось никаких, пришлось сделать брачное предложение в другом доме. Но каждый раз, когда я бывал неподалеку от горы Хуашань и реки Вэйшуй, в мои глаза будто колючки вонзались, и вот только теперь Небо исполнило наше желание, но мне стыдно, что ты всего лишь у меня «маленькая звездочка»¹³⁵!

— Я невезучая и понимаю это, но в тот раз, когда я посылала кормилицу на постоянный двор, я решила, что стану наложницей, если вы уже успели жениться. А теперь я на втором месте при благородных принцессах, как я смею роптать!

Конечно, прежняя любовь и свежие чувства придали этой ночи несравненно больше сердечности, чем двум прежним!

На следующий день Ян вместе с Нанян отправились в покои Ёнян. Они сидели рядом и передавали друг другу чашу с вином, тут вдруг Ёнян тихонько велела служанке пригласить Чин. Ян услышал ее голос, и сердце его вздрогнуло. В самом деле, как у барышни Чон, — голос, который он услышал в тот день, когда явился в дом Чона с цитрой. Он взглянул на ее лицо — как похожа! «Случаются, конечно, в мире похожие люди, — подумал он. — Ведь когда я вступал в брак с барышней Чон, я в душе мечтал прожить с ней всю жизнь, теперь вот радуюсь со своими женами... а где же одинокая могила барышни?»

От этих дум его охватила печаль. Чон была сообразительной, она сразу поняла, о чем затосковал Ян, и, прикрыв ворот платья, обратилась к нему:

— Я слышала, что, если государь обеспокоился, подданные тоже беспокоятся, женщина служит мужу, как подданный своему государю. Вы отведали вина и опечалились. Осмеливаюсь спросить о причине.

Ян хотел было солгать, но не смог и ответил прямо:

— Я не хочу скрывать от высокородной принцессы. Еще прежде я посватался в семью Чон и увидел их дочь. Голосом и внешностью вы, благородная принцесса, очень напоминаете мне барышню Чон. Я вспомнил о прошлом, и невольно опечалился, сожалею, что дал вам повод для беспокойства. Пожалуйста, не тревожьтесь!

Ёнян вспыхнула, быстро встала и ушла в свои покои. Она долго не появлялась, и за ней послали служанку, но и та исчезла.

— Сестрицу очень любит государыня, поэтому у нее характер строптивый, не такой покладистый, как у меня, — пояснила Нанян. — Ей пришлось не по нраву ваше сравнение с Чон.

Тогда Ян послал к ней Чин — попросить прощения за свою неучтивость.

— Скажи: Сою, мол, напился пьяным и беспутничает. Пусть принцесса только вернется обратно, тогда я велю, как цзиньский Вэнь-гун¹³⁶, арестовать самого себя.

Чин долго не возвращалась, а когда наконец появилась, не промолвила ни слова.

— Что сказала принцесса? — спросил Ян.

— Принцесса гневается, — ответила Чин, — и такого говорила, что я и пересказать не смею.

— Ведь это не ты говорила, перескажи подробнее!

— Принцесса Ёнян сказала: «Я, мол, хоть и плохая, но зато любимая дочь государыни, а барышня Чон слывет красавицей, а сама-то из низкой деревенской семьи. В «Записях о нормах поведения» говорится: «Увидишь коня, на котором едет государь, поклонись!» Но ведь не коня же следует почитать, а государя! Ну, а если господин министр уважительно относится к царскому двору, то с какой стати он сравнивает меня с дочкой Чона? Тем более что дочка Чона пренебрегла однажды недопустимостью общения мужчины и женщины и, бахвалась красотой лица, болтала с вами. Вот ведь до чего непристойно ее поведение! А потом она разозлилась из-за несостоявшейся свадьбы, заболела какой-то странной болезнью и умерла молодой. Как ей не повезло! Я, хоть и заурядна, но все-таки имею чувство стыда. Вспомните историю, как некогда Цюху¹³⁷ из княжества Лу золотом завлекал девушку, собиравшую тутовые листья, так его жена из-за этого утопилась в реке. Мне стыдно быть парой человеку, который не умеет себя вести. Тем более, раз вы уже знали голос и лицо дочки Чона, все это сильно напоминает мне игру на цитре при дочери Чжо¹³⁸, или историю с воровством благовоний в доме Цзя¹³⁹! Но я не стану бросаться в воду, как те, в древности. Я до конца жизни не выйду за пределы женских покоев, так и состарюсь! Нанян у нас покладистая, не то что я. Вот я вам и желаю состариться вместе с ней!»

«Сыщешь ли в Поднебесной еще такую уверенную в своей силе женщину, как Ёнян? До чего трудно быть зятем государя!» — разозлился Ян и обратился к Нанян:

— Это все из-за того, что мы с дочерью Чона виделись друг с другом! Теперь Ёнян укоряет меня в непристойном поведении, но дело не в этом. Она поносит покойную — вот что прискорбно!

— Пойду, попробую ее вразумить, — сказала Нанян и ушла.

Начало смеркаться, но никто из них больше не показывался. В комнатах зажгли лампы, и тут вошла служанка Нанян.

— «Я старалась вразумить сестрицу, как могла, но она осталась непреклонной, — передала служанка слова Нанян. — Давно уже мы с сестрой договорились не расставаться до самой смерти, вместе переживать и горе, и радость, а чтоб это не оставалось пустыми словами, мы поклялись божествам Неба и Земли. Так вот, раз сестра решила состариться в дворцовых покоях, то и я с ней останусь там, сестра не приблизится к вам — и я не подойду! Пусть господин проведет нынешнюю ночь в покоях нашей «благородной супруги»!»

Ян разозлился, но сдержал свой гнев. Холодная ширма и пустой полог выглядели довольно тоскливо, он прилег на постель и тут заметил Чин, которая со свечой в руке вошла в спальню, чтобы проводить Яна ко сну. Она зажгла благовония в золотой курильнице и, расстелив парчовое одеяло на кровати из слоновой кости, приветливо заговорила с ним:

— Я, конечно, не ученая, но слышала про «Книгу ритуалов», а там сказано: «Когда жены нет дома, наложница не смеет служить ночью». Желаю вам, господин, спокойной ночи, а сама я должна уйти, — и она вышла.

Ян не стал ее удерживать, но вид у него был довольно унылый. «Эта компания разыгрывает своего мужа, а он должен все им прощать! Когда я жил в цветочном саду у Чона, я днем бражничал с Сипсамом в винном павильоне, а по ночам сидел со своей Чхунун у свечи и попивал вино. Мне было так спокойно, все меня радовало. А теперь на третий день, как я стал государевым зятем, меня уже стали обуздывать».

Удрученный, он раздвинул затянутое шелком окно и выглянул. Шелком струилась Серебряная река, двор был залит лунным сиянием. Он надел туфли и, поднявшись по нефритовым ступеням, прошел к покоям Ёнян. В затянутом шелком окне горел свет.

«Уже глубокая ночь, а во дворце не спят. Может Ёнян меня обманула, а сама вернулась сюда?» — подумал Ян и осторожно, на цыпочках, чтобы не поднимать шума, подкрался к окну. А там веселились принцессы, слышались шутки и стук костей. Он потихоньку припик к щели в оконной раме и заглянул. Чин с

какой-то женщиной сидела напротив принцесс, и все они играли в кости, попеременно выкрикивая то «красные», то «белые». Вдруг женщина повернулась, чтобы взять свечу. Это была Чхунун!

Чхунун пришла во дворец, чтобы посмотреть на церемонию бракосочетания принцесс, и вот уже несколько дней жила здесь, но она пряталась от Яна, и он не знал, что она во дворце.

— Как попала сюда Чхунун? — удивился он. — Это, наверное, принцесса ее пригласила.

Тут Чин переменяла ход и поставила коня.

— Без ставок играть неинтересно! — заявила она. — Чхунун, давай играть на что-нибудь!

— Чхунун — бедная, — пожаловалась та. — Для меня получить немного закуски к вину — и то счастье! «Благородная супруга» давно состоит при особе принцессы, и у нее узорчатой парчи больше, чем простых холстов, а изысканная еда идет вроде гороховой ботвы у бедняка. А Чхунун? Она-то что может поставить?

— Если я проиграю, то отдам тебе благовония, которые ношу на себе, или украшения для волос, — предложила Чхэбон. — Ну, а если ты проиграешь, отдашь то, что я попрошу. Конечно, это будет сущая безделица!

— А что бы ты хотела получить? — поинтересовалась Чхунун.

— Я как-то слышала от принцесс, будто ты, барышня, дурчила нашего господина то как фея, то как злой дух, но подробностей не знаю. Если ты проиграешь, то вместо какой-нибудь вещи одаришь меня рассказом про эту историю.

Чхунун отбросила кости и укоризненно заметила Ённань:

— Ах, барышня, барышня! Вы всегда твердили, будто любите Чхунун, так зачем же вы ради забавы рассказали эту историю принцессе? Теперь и «благородная супруга» ее знает, а скоро о ней услышат во дворце все, кто имеет уши. Как я буду людям на глаза показываться?

— Чхунун, ты почему называешь барышней нашу принцессу? — воскликнула Чхэбон. — Ённань — супруга первого министра и Вэйская княгиня. Возраст у нее еще очень юный, но зато положение высокое. Какая она тебе барышня?

— Трудно устаю за одно утро отвыкнуть от того, к чему привыкла десять лет. Словно вчера мы с ней кидались цветами. Так что вашу госпожу принцессу я не боюсь!

Нанян рассмеялась и спросила у супруги Чон:

— Чхунун рассказала самый конец, а я ни разу не слышала этой истории. Разве Чхунун и в самом деле одурачила нашего министра?

— Отчего же не одурачить? — ответила Ённань. — Мы хотели только посмотреть, как он выглядит испуганным, но не знали, сильна ли у него неприязнь к злым духам. Как говорили в древности, «тот, кто без ума от красоток, по своей воле терзается духом вожделения», и это — истинная правда! А разве станет дух бояться духа? — и они громко расхохотались.

Тут Ян понял, что принцесса Ённань — не кто иная, как барышня Чон. Он будто с того света ее встретил и, обрадованный, собрался уже войти, но остановился. «Они хотели меня обмануть, теперь обману их я!» — решил он и, войдя в спальню Чин, залез под одеяло и улегся спать.

Наутро пришла Чин и спросила у служанки:

— Что, господин уже встал?

— Еще нет, — ответила та.

Чин долго простояла у порога. Утреннее солнце заливало светом окно, а Ян все не вставал. Вдруг он застонал, Чин подбежала к нему:

— Господин, вы нездоровы, у вас на душе неспокойно?

Ян закатил глаза и будто никого не узнавал, он говорил что-то непонятное.

— Что это вы бормочете, господин? — спросила Чин. А Ян, словно чем-то обеспокоенный, долго молчал и вдруг, глядя на Чин, проговорил:

— Всю ночь во сне я разговаривал с духом, разве я могу оставаться спокойным?

Чин хотела, чтобы он объяснил ей, что случилось, но Ян не ответил и отвернулся. Чин перепугалась и послала служанку доложить принцессам, что господин заболел, пусть быстрее придут навестить его.

Ённань не поверила:

— Вчера был здоровым, а сегодня вдруг заболел! Ему просто хочется нас позвать!

Но тут вбежала перепуганная Чин.

— Наш господин тронулся разумом, смотрит на человека и не узнает. Он будто в забытии, все время бормочет какие-то странные слова. Может, государю доложить, лекарю его показать?

Государыня, услышав их разговор, позвала принцессу Нанян и стала строго ей выговаривать:

— Вы все дурачитесь да шутите. Я слышала, он тяжело заболел, а вы даже не выйдете взглянуть на него! Что это такое? Немедленно ступайте к нему, узнайте, чем он болен. Если недуг тяжелый, тут же зовите лекаря, весьма искусного в своем деле. Пусть он его исцелит!

Пришлось Чон вместе с Нанян отправиться в спальню к Ян Сою. Чон осталась в зале, а Нанян с Чин вошли к нему. Ян долго приглядывался к принцессе, узнал ее и, глубоко вздохнув, проговорил:

— Моя жизнь кончается, и мы скоро расстанемся. А где Ён-ян?

— Вы, господин не больны, зачем же так говорить? — испугалась Нанян.

— Прошлой ночью, то ли во сне, то ли наяву, ко мне явилась Чон и спросила: «Господин, почему вы нарушили обещание?» и в гневе стала корить меня, а потом протянула мне пригоршню чистого жемчуга, и я его проглотил. Конечно, это к несчастью! Теперь стоит мне закрыть глаза, передо мной появляется Чон. Мне уж недолго осталось жить, хотел бы повидать Ён-ян.

Только он это проговорил, как снова, будто в забытии, повернулся лицом к стене и опять что-то забормотал. Нанян стояла и смотрела на него, но он не шевелился. Тогда в испуге она выбежала к Ён-яну:

— Боюсь, что господин очень плох, и никто, кроме тебя, его не излечит, — и она рассказала ей, о чем говорил Ян.

Ён-ян то верила, то снова сомневалась, она мялась в нерешительности и не входила. Тут Нанян схватила ее за руку и втащила в комнату. Ян продолжал бредить, и все разговаривал с Чон.

— Господин, а господин! Ён-ян пришла! — громко позвала его Нанян. — Откройте глаза, взгляните на нее!

Ян поднял руки, как будто хотел подняться, и Чин бросилась поддержать его и усадила.

— Сою удостоился милости, породнился с двумя благородными принцессами, — начал он разговор, — надеялся вместе с ними прожить жизнь, вместе сойти в могилу. Но вот некто хочет увести меня отсюда, вот потому я и не могу здесь оставаться.

— Господин, ведь вы разумный человек! — возразила ему Чон. — К чему произносить такие странные речи? Пусть даже и существует злая душа Чон, но как она может проникнуть во дворец? Ведь во дворце девять ворот и сотни духов его охраняют!

— Она рядом со мной, — ответил Ян. — Зачем говорить, будто ее нет?

— Когда-то в древности один человек, увидев в чаше с вином тень лука,¹⁴⁰ принял ее за змею и заболел, — напомнила Нанян. — Может быть, и с вами случилось то же самое? Твердите, что видите духа барышни Чон, а что если появится живая Чон?

Ян в ответ только покачал головой, а Чон сказала:

— Господин, взгляните на живую Чон! Ведь я и есть Чон Кён-пхэ!

— Как это может быть? — удивился Ян.

— Наша матушка государыня сделала Чон своей приемной дочерью и пожаловала ей титул принцессы Ён-ян, — начала объяснять Нанян. — А теперь мы вместе с ней стали вам служить. Ён-ян и есть та самая барышня Чон, которая слушала вашу игру на цитре. Если бы это было не так, то почему же моя сестра ни на волосинку не отличается от Чон?

Ян ничего не ответил, а потом проговорил:

— Когда я жил в семье Чона, при мне была Чхунун, служанка барышни Чон. Мне хотелось кое о чем спросить у нее. Где сейчас Чхунун? Я хочу ее видеть!

— Чхунун как раз пришла повидаться с моей сестрицей, — ответила Нанян.

Чхунун ожидала за дверью и тут же вошла.

— Как ваше здоровье, господин?

— Пусть останется одна Чхунун, а вы идите, — распорядился Ян.

Принцессы вышли за дверь и стали ждать, а Ян Сою встал, умылся и причесался, затем, надев парадное платье и шапку, велел Чхунун позвать их. Чхунун вышла и, с трудом сдерживая смех, обратилась к принцессам:

— Господин приглашает вас!

Принцессы вошли и увидели, что Ян сидит, опершись на подушки, в шляпе ученого, одетый в парадное придворное платье и с жезлом из белого нефрита в руках. Он выглядел свежим, как весенний ветер, и разум его был ясен, как осенняя вода, — нисколько не похож на человека, только что поднявшегося с одра болезни.

Чон сразу поняла, что ее провели, и чуть не рассмеялась. Она поклонилась ему, а Нанян поинтересовалась:

— Как вы себя чувствуете, господин?

Ян принял строгий вид.

— Теперь я не болен. но в последнее время нравы очень испортились. Жены, объединившись, стали обманывать своих мужей, вот из-за этого и случилась моя болезнь.

Нанян и Чин еле удержались, чтобы не рассмеяться, но ответить не решились, а Чон промолвила:

— Все это не мы придумали, и если наш господин хочет исцелиться до конца, пусть спросит у государыни!

Ян перестал притворяться и громко рассмеялся.

— А я уж принялся гадать, как бы нам встретиться в будущей жизни! Неужто это не сон?

— Все так случилось только благодаря милости государыни-матюшки и государя, а еще спасибо принцессе Нанян, — ответила Чон и рассказала, как она вместе с принцессой появилась во дворце и как отказывалась стать старшей сестрой.

Тут и Ян принялся благодарить принцессу:

— Ваши совершенные добродетели, принцесса, не уступают древним героям, и я не нахожу пути, как отблагодарить вас, хочу только до седых волос прожить с вами вместе!

— Это редкие достоинства сестрицы растрогали Небо, а я тут ни при чем, — ответила ему Нанян.

Тем временем государыня призвала придворных, чтобы справиться о здоровье Яна. Узнав, отчего он заболел, государыня посмеялась:

— Я так и знала!

Усадив возле себя Яна и принцесс, государыня начала беседу:

— Я слышала, что наш министр вновь счастлив в прерванном было союзе с покойной дочерью Чона. Это радостное событие!

Ян низко поклонился государыне:

— Ваши милости, государыня, столь велики, что, пусть я пожертвую собой без остатка, отдам свою жизнь, всю до капли, все равно я сумею оплатить лишь малую долю ваших благодеяний!

— Ведь это была всего лишь забава, о какой милости ты толкуешь? — воскликнула государыня. — А вообще, если ты, министр, не покинешь меня, вот и отплатишь старухе!

В тот день государь как раз принимал подданных во дворце для утренних приемов. Подданные, склонившись перед ним, говорили:

— Нынче взошла счастливая звезда и выпали сладкие росы, стали чистыми воды Желтой реки и высоко поднялись хлеба. Правители трех владений теперь являются к вам на утренние приемы, а тибетцы и насильники ху переменили свои сердца и покорились. И все это благодаря вашей духовной силе!

Государь скромно отказывался от своих заслуг, хваля достоинства подданных, а те почтительно продолжали:

— Наш министр Ян Сою вроде балованного наследника наигрывает на своей нефритовой флейте и наслаждается супружеским счастьем. Давненько не появлялся он в Нефритовом зале, и дела там пришли в запустение.

Государь рассмеялся:

— Это матушка-государыня изволят весь день держать его у себя, а он не смеет уйти. Теперь государыня отпустят его.

На следующий день Ян был призван во дворец — вершить государственные дела. Он тут же обратился к государю с прошением разрешить ему привезти свою матушку. Государь дал разрешение и велел быстрее вернуться обратно.

Шестнадцатилетним юнцом Ян Сою покинул дом, а через 3–4 года возвратился на родину могущественным первым министром и с печатью Вэйского владетельного князя. Таким он предстал перед матушкой, и матушка, радуясь, пролиwała слезы от счастья. И вот министр стал собирать госпожу в дорогу. Все чиновники, правители уездов, служащие в провинциальной управе, наперебой старались выразить ей свое почтение. Блеск, которым она была окружена, выглядел не хуже, чем в древности.

Ян Сою, проезжая Лоян, справился о Сомволь и Кёнхон, но слуга ответил, что они уже давно отправились в столицу. Ян, огорченный неудачей, отправился в путь и через несколько дней прибыв ко двору, почтительно поклонился государю. Государь и государыня-матушка приняли его с госпожой Лю и одарили золотом, серебром, узорной парчой, пожаловали десять колесниц и пожелали госпоже Лю долголетия.

Ян, выбрав день, ввел матушку в пожалованный ей новый дом, а супруги Чон и принцесса Нанян вместе с госпожой Чин получили подарки для новобрачных. Тут же совершили церемонию их представления госпоже Лю. Все это провели с необыкновенной торжественностью, не описать словами, как радовалась госпожа Лю.

На полученные от государя и государыни-матюшки золото и серебро Ян устроил трехдневный пир с пожеланиями долголетия, сам государь пожаловал музыку, и гости слушали ее с благоговением. Ян, наряженный в богатые одежды, вместе с принцессами взяли чаши из белого нефрита и поднесли их матушке, госпоже Лю, с пожеланиями долголетия. А матушка радовалась и всех благодарила.

Тут появился привратник и объявил:

— У ворот две женщины, Сомволь и Кёнхон! Они справляют о здоровье госпожи Лю и обеих супругов!

— Это пожаловали Хон и Воль! — воскликнул Ян и, рассказав о них госпоже Лю, велел им войти.

Обе женщины, встав у ступеней зала, низко склонили головы. Их пригласили войти и певички в поклоне остановились у ступеней зала.

— Лоянская Ке Сомволь и хэбэйская Чок Кёнхон давно пользуются славой, — заговорили гости. — Они поистине обольстительны, и не будь у нашего министра Ян Сою таких редкостных дарований, они бы никогда ему не достались!

Ян велел певичкам показать свое искусство. Хон и Воль тут же поднялись в зал, и туфельками, расшитыми жемчугом, ступили на шелковые циновки. Взмахнув длинными рукавами, они начали танец под мелодию «Юбка из радуги, кофта из перьев». Одна кружится, как опадающие лепестки цветов, другая летит мотыльком, подхваченным весенним ветром, а вот словно тень облачка скользнула в зале. Прямо Фэй-янь из Ханьского дворца¹⁴¹ снова явилась миру, будто вовсе не умерла Люйчжу из Циньгу!

Госпожа Лю и обе принцессы одарили их парчой и шелком. Госпожа Чин была знакома с Сомволь, они разговорились и, вспоминая былое, то веселились, то грустили, а Чон наполнила чашу вином и предложила Сомволь выпить за ее любезное сватовство. Но тут госпожа Лю заметила Яну:

— Вы благодарите Сомволь, а мою двоюродную сестру забыли! Вот уж про вас не скажешь, что вы помните благоденствия!

Тотчас же послали слугу за настоятельницей в храм Цзыцин, но ему сказали, что настоятельница Ту ушла из храма и теперь вот уж три года, как скитается вроде плывущего облака, и с тех пор не возвращалась. Это известие опечалило госпожу Лю.

В УГОДЬЯХ «НАСЛАЖДЕНИЕ ПРОГУЛКОЙ» СОБРАЛИСЬ ДЛЯ ОХОТЫ И СОСТЯЗАНИЙ В ВЕСЕННИХ ЗАБАВАХ.

ПРИБЫВШИЕ В КОЛЯСКЕ С ЦВЕТНЫМИ ШТОРАМИ СВОБОДНО ВЛАДЕЮТ ДРЕВНИМ МАСТЕРСТВОМ.

С приходом Хон и Воль семейство Яна выросло, и он всех наделил домами. Главный назывался Зал Радости и Счастья, в нем поселилась мать Яна, госпожа Лю. Перед ним высился дом Радости Ласточки, где жила Ён-ян — левая супруга. Для правой супруги, принцессы Нан-ян, был отведен дворец Флейты Феникса, он стоял к западу от дома госпожи Лю. Перед Радостью Ласточки расположились покои самого Ян Сою, они назывались дворец Благовоний и павильон Чистоты и Покоя. Там Ян устраивал пиры, а в залах Великого Астролога и Церемониальном принимал гостей и занимался государственными делами. К югу от дворца Нан-ян в обители Вдохновения жила Чин Чхэбон; Ка Чхунун поселилась в тереме Встреча Весны — к востоку от дома Ён-ян. Рядом с покоями Ян Сою, с востока и запада, разместились маленькие павильончики, пестревшие красными перилами и зелеными окнами, а к ним пристроили галереи, так чтобы можно было пройти и в покои Ян Сою, и к домику Чхунун. В них поселились две певички: Ке Сомволь — в павильоне Горные Цветы, что на востоке, а Чок Кёнхон — на западе, в павильоне Обретенная Луна.

Во дворце Ян Сою было восемь сотен музыкантов и певиц, которые по всей Поднебесной славилась красотой и талантами. Разделив их на две группы, в каждой по четыре сотни человек, в левой, восточной, поставили главной Ке Сомволь, а правой, западной, стала управлять Чок Кёнхон. Женщин учили петь и танцевать, играть на духовых и струнных музыкальных инструментах. Трижды в месяц в павильоне Чистоты и Покоя устраивались состязания, и Ян Сою с госпожой Лю и двумя принцессами награждали или журили их. Победительницам подносили три чашки вина, их головы украшали яркими цветами и прославляли, проигравшим же давали чашку холодной воды и на лбу тушью ставили точку — чтоб устыдить. Вот так они отбирали самых искусных певиц и танцовщиц. Некогда музыканты из Вэйского и Юэского дворцов считались самыми лучшими в Поднебесной, даже тем, кто состоял при императорской музыкальной палате «Грушевый сад»¹⁴², было далеко до них.

Однажды, когда принцессы и наложницы сидели в гостях у госпожи Лю, появился Ян с письмом в руках.

— Это письмо от владетельного князя Юэ, — сказал он, протягивая его принцессе Нанян.

Нанян развернула и стала читать, а в письме было сказано:

«Последнее время в стране произошло много важных событий, и мы были крайне заняты государственными делами, поэтому нынче в парке Ляю — угодьях «Наслаждение прогулками» и на озере Куньмин не видно людей, а там, где прежде пели и плясали, все заросло бурьяном. Теперь благодаря усилиям совершенномудрого императора и нашего первого министра Поднебесная пребывает в великом спокойствии, а народ — в мире и радости. Настало время возродить славные дела годов Тянь-бао, пока еще не потускнели весенние краски, а ивы и цветы радуют красотой. Я хотел бы вместе с вами поохотиться в угодьях Ляю и поддержать дух великого спокойствия. Если вы согласны, известите меня об этом».

Принцесса рассмеялась и спросила Яна:

— Вы поняли смысл письма Юэского князя?

— Разве здесь говорится о чем-нибудь еще, кроме приглашения полюбоваться цветами и ивами? Обычное занятие знатного мужчины!

— Вы не все поняли, — возразила принцесса. — Мой братец — большой любитель красоток и развлечений, в его дворце полным-полно хорошеньких женщин, а недавно мне говорили, будто он заполучил в наложницы знаменитую Огён — певичку из Учана. Я ее, правда, не видела, но говорят, по красоте и талантам у нее нет равных в Поднебесной. И вот братец, прослышав, что у вас во дворце много красавиц, решил сравнить их со своими, как это делали в свое время Ван Кай¹⁴³ и Ши Чун.

Ян рассмеялся:

— А мне и в голову это не пришло! Вы же сумели разобраться в его замыслах!

— Конечно, это всего лишь забава, но незачем уступать другим, — добавила Чон и, взглянув на Хон и Воль, сказала:

— Как говорится, солдат тренируют десять лет только для того, чтобы использовать в деле всего лишь одно утро. Вот и наш успех теперь целиком в ваших руках, вы уж не пожалейте сил!

— Я боюсь, что не могу соответствовать, — промолвила Сомволь. — Музыканты из дворца Юэского канязя славятся на всю

Поднебесную, а имя учанской Огён кто же не знает? Боюсь, что люди посмеются надо мной, и мы опозорим дом Вэй!

— Когда я в первый раз в Лояне встретился с барышней Сом, — заметил Ян, — она рассказала мне, что в «зеленых термах» есть три знаменитые красавицы, и Огён была названа среди них. Наверное, это она и есть. Но ведь первых-то красавиц всего три, а если две, как говорится, — Притаившийся дракон и Птенец феникса — уже получены, так стоит ли бояться одного Фань Цзэна, которого имеет Сян Юй¹⁴⁴?

— Среди наложниц брата много красавиц, не одна Огён, — промолвила принцесса.

— Мы и на самом деле с ними не справимся, — заволновалась Сомволь. — Спросите у Хон, а у меня желчный пузырь слаб, дырочка маленькая-маленькая, и от страха даже голос пропадает. Боюсь, что не смогу пропеть ни одной песни!

Кёнхон возмутилась:

— Госпожа Сом, что это ты болтаешь? Ведь мы с тобой объездили все семьдесят уездов Гуаньдуна, слышали знаменитых певиц и музыкантов, видели прославленных красавиц, кто только на нас не смотрел! Почему же мы должны уступить лишь одной Огён? Я понимаю, куда явилась бы госпожа Ли¹⁴⁵ — та, про которую сказано «красотой губила города и царства», или фея, что становилась то облаком, то дождем, — тогда я могла бы хоть капельку чувствовать свои недостатки. А раз их нет, еето чего мне бояться?

— Хон, разве можно так легко бросаться словами? В Гуаньдуне мы бывали на пирах, которые устраивали, ну, самое большее — правители областей или провинций, мы не встречали достойных противниц! Дворцы князя Юэ высятся до небес, они как горы, глазами не охватишь! А Огён так славится своим голосом, разве можно считать это пустяком? А наша Чок Кёнхон вообще-то очень самонадеянна, — повернулась она к Ян Сою. — Я вам сейчас расскажу о ней. Чок так не терпелось броситься вслед за вами, что она даже коня украла у Яньского князя и на Ханьданьской дороге вас надула, назвавшись парнем из Хэбэя. А ведь если бы она и на самом деле была красива и изящна, разве бы вы приняли ее за мужчину? А потом, в ту ночь, когда вы одарили ее своей милостью, ведь она, пользуясь темнотой, выдала себя за меня! А теперь сидит тут против меня и еще смеет бахвалиться! Смешно, право!

Кёнхон рассмеялась:

— Вот и верь человеческому сердцу! Пока я еще вам не служила, она превозносила меня, как Хэнгэ из Лунного дворца, а теперь поносит, будто я и одной монетки не стою! Наша госпожа Сом не может завоевать любовь господина, вот и ревнует.

Сомволь и все остальные дружно рассмеялись.

— Прелесть нашей госпожи Чок ни у кого не вызывает сомнений, — вмешалась в разговор Ёнтян. — Просто глаза у первого министра не совсем хорошо видят. Ну, а цену имени Кёнхон мы все прекрасно знаем, что же ее снижать? Однако госпожа Сомволь, по-моему, справедливо заметила: переодеваться в мужской наряд и обманывать людей — конечно, не женская манера! А если мужчина надевает женское платье и обманывает других — это ведь тоже говорит о недостатках в его характере, отчего ему и приходится хитрить.

Ян расхохотался:

— Как вы меня разыграли! Но и у вас, как погляжу, зрение слабовато! Госпожа давеча, глядя на мое лицо, просто не разобрала, слабое ли оно, ну а про мой портрет в Линьяньгэ уж наверняка знает!

Все весело рассмеялись.

— Встретиться с сильным противником — разве это просто игра? — снова начала разговор Сомволь. — Можно ли в таком деле полагаться только на нас двоих? А не привлечь ли и госпожу Ка? Ведь Юэский князь не посторонний человек. Отчего бы и вам не пойти, госпожа Чин?

— Послушайте-ка, Хон и Воль! Если бы Чин надо было пойти сдать экзамен, мы бы отправились все вместе и уж один-то цветок¹⁴⁶ на всех получили, — ответила им Чин, — а что мне делать там, где поют и танцуют?

Чхунун ее поддержала:

— Я не умею ни петь, ни танцевать, и люди просто поднимут меня на смех, а это будет не только мой позор. Многие ведь захотят посмотреть на такое блестящее собрание, и если я там появлюсь, чужие люди станут насмехаться над господином, и принцессам доставлю беспокойство. Нет, лучше уж я не пойду!

— Не понимаю, почему будут насмехаться над нашим господином, если ты пойдешь? — рассмеялась принцесса. — А мне от этого какая печаль?

— Когда расстелют цветную парчу и поставят белооблачный шатер, люди скажут: «А вон появилась госпожа Ка — любимая наложница первого министра Яна!» Они удивятся растрепанным

волосам и бледному лицу. Начнут говорить, что у министра Яна болезнь Дэнтү-цзы¹⁴⁷, который не замечал, что его жена уродина! Разве не так? Ну а Юэский князь — небожитель, он никогда в жизни не видел дурнушек, его просто стошнит! Разве это не принесет огорчения принцессам?

— Ты, Чхунун, скромничаешь. Прежде ты прикидывалась духом усопшей, а теперь из Сиши¹⁴⁸ хочешь превратиться в Уянь¹⁴⁹. Право, тебе не стоит верить! — возразила ей принцесса и обратилась к министру:

— Ответьте князю письмом, когда вы думаете с ним встретиться.

— Завтра утром и встретимся!

— Надо ведь было заранее приказать, чтобы площадку для пения и танцев приготовили! — переполошились Хон и Воль.

Восемь сотен певичек из Вэйского дома, услышав приказание, тут же начали приводить в порядок свои лица, добиваться изящества в движениях и настраивать музыкальные инструменты. Они подбирали разные юбки для своих талий, чтобы выглядеть не хуже других.

Наутро Ян поднялся рано, надел военный наряд и, прицепив слева и справа лук и колчан со стрелами, сел на белоснежного коня из Суншаньских гор. Он двинулся на юг от города в сопровождении отряда из трех тысяч охотников. Следом ехали Кёнхон и Сомволь, они как небожительницы восседали на быстрых конях, вдев в серебряные стремяна расписные башмачки, а их нефритовые ручки играли поводьями, украшенными жемчугом. За ними двигались восемь сотен певичек, нарумяненных и разряженных. Все они выехали на главную дорогу встречать Юэского князя.

Великолепие мундиров юэского воинства и блеск нарядов его певичек невозможно описать словами.

Юэский князь и первый министр Ян поехали рядом и повели беседу.

— Какой породы ваш конь? — спросил князь у Яна.

— Мой конь из Ферганы, — ответил Ян, — а ваш, кажется, из тех же земель?

— Да. Его зовут Летящее Облако. В прошлом году осенью я сопровождал Сына Неба на охоту в Шаньлинь. Там было множество коней, быстрых, как ветер, но ни один из них не мог догнать моего. Мой конь не уступит даже знаменитым Персику —

в рыжих яблоках и Ворону — черному, цвета воронова пера! А ведь ими гордились, будто на свете таких больше нет.

— В прошлом году, когда я ходил в Тибет, случилось мне переправляться через опасные глубокие реки, карабкаться по крутым склонам, где и человеку-то негде ногу поставить, а мой конь будто по ровной земле шел и ни разу не оступился! — расхваливал коня Ян Сою. — Своими успехами я обязан силе этого коня. После того как я вернулся из армии, я сразу получил высокие чины и в свободное от службы время усаживаюсь в удобный паланкин и двигаюсь по ровной дороге. Теперь, когда мы с конем стали немощными, давайте, великий князь, попробуем взмахнуть плеткой и сравнить, чей конь быстрее!

— Согласен! — весело вскричал князь.

Они велели слугам просить гостей и женщин подождать их у шатров, а сами, взмахнув кнутами, погнали коней. Тут как раз охотники подняли большого оленя, и он промчался перед князем. Князь велел своим богатырям подстрелить его, но те выпустили тучу стрел и не попали. Князь разгневался и, подняв коня на дыбы, рванулся вперед и одной стрелой сразу попал оленю в левый бок и убил его. Все закричали князю здравицу, и Ян Сою восхитился:

— У вас чудесный лук, точно как у Жуянского вана¹⁵⁰!

— Такой пустяк не стоит похвалы! Я хотел бы посмотреть на ваше искусство.

Не успел князь произнести эти слова, как из белых облаков вылетела пара лебедей.

— Этих птиц трудно подстрелить, надо пустить сокола! — заговорили охотники, а Ян усмехнулся:

— Подождите!

Он схватил драгоценную стрелу и лук, подаренные государем, изогнулся всем телом и выстрелил. Стрела попала лебедю в голову, и он упал прямо коню под ноги. Князь громко похвалил его:

— Вашей искусности, пожалуй, никто не добьется!

Тут они оба взмахнули кнутами, свистнули — и кони понеслись. Будто звезды упали, молнии сверкнули, миг — и, перемхнув через широкое поле, они взлетели на высокий холм. Здесь они натянули поводья и, остановившись, залюбовались красотами пейзажа, а затем повели беседу о стрельбе из лука и умении владеть мечом. Слуги, обливаясь потом, бросились под-

бирать подстреленную дичь и подали мясо на серебряных блюдах. Оба расположились прямо на траве, мечами нарезали мясо, жарили и ели, поднося друг другу чаши с вином.

Вдруг вдаль они заметили двух чиновников в красных платьях. Это явились посланцы государева двора в сопровождении целого отряда. Один из слуг подбежал с докладом:

— Государыня с государем изволили пожаловать вам вино!

Они направились в шатер и стали ждать, пока два евнуха наливали и подносили им прекрасное вино. Кроме того, государь повелел им написать стихи на заданную им самим тему. Оба поклонились четыре раза, отведали вина и каждый из них, сочинив стихи, вручил их евнухам.

Тем временем гости двух домов расселись рядами, их угощали вином и закусками, из медных котлов вынимали верблюжьи горбы и губы обезьян, а на нефритовых блюдах громоздились плоды из Южного Юэ и желтые мандарины из Юнцзя. Что подают на пирах у Нефритового пруда богини Сиванму, не знаю, но здесь были самые изысканные блюда, которые только можно найти в мире людей.

Тысячи певец и музыкантов из обоих домов окружали чиновки с гостями, словно повесили сверкающий полог из тысяч ивовых ветвей и прекрасных цветов. Звуки музыки лились, словно ручьи звенят в горах Чжуннаньшань.

Князь Юэ, наполовину пьяный, промолвил:

— Я удостоился щедрой милости первого министра, но так и не сумел выразить свои искренние чувства. Я привел сюда своих наложниц, и если вы пожелаете, они предстанут перед вами, спокот и станцуют, а еще поднесут вам пожелания долголетия.

Ян поблагодарил его:

— Разве раньше посмел бы я встретиться с вашими любимыми наложницами? Только наши родственные отношения позволяют мне принять ваше предложение. Мои наложницы тоже пришли сюда и предстанут перед князем.

Сомволь, Кёнхон и четыре наложницы князя тотчас с поклоном вышли вперед, каждой из них дали чиновки, а первый министр обратился к ним со словами:

— Некогда у князя Нин-вана¹⁵¹ была красавица по имени Лотос, так Ли Тай-бо слышал лишь ее пение, а лица так и не видел. Я же смотрю на четырех небожительниц и получаю во много раз больше, чем Тай-бо. Нельзя ли узнать благоуханные имена красавиц?

— Мы — Ду Унсан из Цзиньлина, Со Чхэа из Чэньлю, Ман Огён из Учана, Хо Ёнён из Чанъани, — ответили женщины.

— Когда я, еще юным школяром, ехал из одной столицы в другую, мне довелось услышать, что прославленную госпожу Огён сравнивают с небожительницей, а теперь я вижу ее саму. Поистине, она превосходит свою славу, — восхитился Ян.

А князь, узнав, что двух наложниц Яна зовут Хон и Воль, удивился:

— Эти две женщины прославились на всю Поднебесную, а теперь они следуют за вами, можно сказать, обрели себе хозяина. Где же вы сумели их заполучить?

— Госпожа Ке сама пожелала пойти за мной в тот день, когда я по дороге на экзамены заехал в Лоян, а Чок жила во дворце Янь-вана. Когда я послом отправился в царство Янь, она сбежала от Янь-вана и догнала меня на дороге.

Князь хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— А госпожа Чок, пожалуй, в смелости не уступит той, с красной метелкой, из дома Ян¹⁵²! Но все же когда госпожа Чок встретила вас, вы уже были в придворной палате ученых и держали в руках государев нефритовый знак. Что же, цилиня и феникса каждый может распознать! А вот госпожа Ке пошла за вами, когда вы были еще бедняком. Вот что удивительно! Ведь не могла же она тогда знать, что встретила первого министра!

— Смешно становится, как вспомню те времена, — начал рассказывать Ян. — Бедный школяр отправляется в дальнюю дорогу навстречу невзгодам, а при себе у него лишь осел да слуга. Он пьет мутное вино в деревенских харчевнях и вдруг однажды видит — в павильоне у моста Тяньцзинь молодые люди, самые блистательные в Лояне, устроили пирушку с прославленными красотками. Они пьют вино и слагают стихи. И моя женушка была тогда с ними. Тут Сою в драном холщевом платье и шляпе, промокшей под дождем, уже хмельной поднимается к ним. А у этих молодых людей даже среди слуг не было таких оборвышей как я. Но я был пьян и без всякого стеснения взял да и накропал какие-то пустые стишки. И вдруг эта барышня вынула из кучи мои стихи и пропела их. А меж ними раньше был уговор, поэтому они и не стали оспаривать Сомволь. Это — судьба!

Князь громко рассмеялся:

— Дважды получить первенство на экзаменах это — счастливое событие под небом. И первая победа, пожалуй, важнее!

Те ваши стихи, должно быть, весьма искусны, мог бы я их послушать?

— Так ведь они сочинены спьяну, я их давно забыл!

— Вы-то их забыли, но госпожа Ке наверняка запомнила! — обратился князь к Сомволь.

— Конечно, я помню их. Как вы желаете их получить? Написать кистью на бумаге или пропеть их?

— Все были бы рады услышать голосок, прекрасной госпожи!

Сомволь пропела три строфы голосом тонким и нежным, будто нефрит раскололи. Все сидящие даже переменялись в лице, а князь принялся расхваливать Сомволь.

— Стихи нашего министра, красота госпожи Ке вместе с ее голосом — поистине три совершенства! Особенно вот эти две строфы:

Ветки в полном цвету

все ж грубее изящных белил,

Стихи песни ее,

только дышат уста ароматом.

Совершенно очевидно, что здесь — о Сомволь. Наш министр совсем как Ли Бо! Ну, а лоянская невежественная толпа разве способна заглядывать вперед?

С этими словами князь наполнил вином золотую чашу и поднес ее Сомволь.

Хон и Воль по очереди с четырьмя красавицами князя то пели, то танцевали и желали долголетия гостям и хозяевам. Словно фениксы пели парами, а журавли исполняли танцы. Настоящие соперники! Ничуть не уступали друг другу. Талант и красота Огён прославились вместе с Хон и Воль. Три другие красавицы, хоть и не такие, как Огён, но тоже оказались весьма искусными. Все относились друг к другу уважительно и Юэсский князь, увидев, что не проиграл вэйскому дому, радовался в душе.

Все были полупьяны, а потому распорядились не подавать больше чаши с вином. Вместе с гостями вышли из шатра и стали смотреть, как воины стреляют из луков по зверям.

— Было бы неплохо посмотреть, как наши красавицы скачут на лошадях и стреляют из лука, — заметил князь. — Поэтому в моем дворце есть несколько десятков искусных мастериц в

стрельбе и наездниц. Думаю, что и у министра в доме наверняка найдутся женщины из северных земель. Пусть они постреляют фазанов.

Ян обрадовался и, приказав отрядить несколько десятков таких, кто хорошо владеет луком, велел им состязаться в умениях. Тут неожиданно поднялась Хон и сказала:

— Меня не учили стрелять из лука и ездить верхом, но я много раз видела, как это делают другие, и теперь хотела бы сама попробовать.

Ян отвязал от пояса расписной лук и подал его Кёнхон.

— Я очень неуклюжа, — обратилась она к женщинам, — но вы уж, пожалуйста, не смейтесь надо мной! — И вскочив на коня, пронеслась перед шатром.

Тут собаки выгнали из травы фазана. Он поднялся ввысь, а Кёнхон, изогнув тонкий стан, подняла лук и натянула тетиву, миг — и полетели пестрые перья. Ян с князем обрадовались. А Кёнхон повернула коня к шатру, соскочила на землю и, возвратив Яну лук и колчан со стрелами, спокойно вернулась на свое место, красавицы принялись наперебой ее расхваливать.

Охотники добыли столько дичи, что она громоздилась как тучи. И женщины подбили множество зайцев и фазанов, каждая из них преподнесла свою добычу сидящим гостям. Князь с Яном похвалили их, одарив золотом и шелком. А потом, выйдя из шатра, они приостановили музыку и шесть красавиц обнесли вином тех музыкантов, которые хорошо играли. И тут Сомволь подумала: «Мы, конечно, не хуже красавиц из княжеского дома, но все-таки их четверо, а нас — только двое. Жаль, что мы не взяли с собой госпожу Чхун. В песнях и танцах она не очень преуспела, но зато своим очарованием и искусными речами может превзойти саму Облачную фею¹⁵³!»

И тут она увидела, что по дороге мчится коляска с цветными шторами, а в ней — две красавицы. Коляска катилась в тени деревьев, по ароматным травам и, подъехав, остановилась прямо у входа в шатер. Страж, охранявший вход, спросил, кто они такие и возникший ответил:

— Наложницы первого министра Яна. Мы немного запоздали, не успели приехать со всеми.

Страж пошел доложить министру, и Ян подумал: «Наверное, Чхунун приехала полюбоваться праздником, но почему она вздумала отправиться в путь так неожиданно?» И он велел впустить.

Раздвинулся жемчужный занавес коляски, и из нее первой вышла Сим Ёён, а следом за ней шла дочь Дракона озера Дунтин, которая приснилась Яну во сне. Обе подошли к министру и склонились перед ним в низком поклоне.

Ян указал им на князя и произнес:

— Перед вами — брат государя, владетельный князь Юэ! Окажите ему должные почести!

Обе поклонились князю, соблюдая все церемонии, и после этого Ян велел им сесть рядом с Сомволь и Кёнхон.

— Этих женщин я встретил, когда ходил походом на тибетцев, — разъяснил он князю, — но еще не ввел их в дом. Должно быть, они приехали, узнав о нашем с вами веселии.

Князь взглянул на женщин. Красотой они были под стать Хон и Воль, а фигуры их отличались удивительным изяществом. Князь был поражен, а у красавиц из его дворца сразу упало настроение.

— Как вас зовут и откуда вы родом? — спросил их князь.

— Меня зовут Ёён по фамилии Сим, а родом я из Сиянчжоу, — ответила одна.

— А я — Нынпха по фамилии Пэк, — назвалась другая. — Сперва я жила возле рек Сяо и Сян, но потом попала в беду и бежала в западные земли, теперь же пришла служить господину.

— Вы настоящие небожительницы, — заметил князь. — Владеете ли вы какими-нибудь искусствами?

— Я, худародная, жила в пограничных землях, — ответила Ёён. — Мне никогда не доводилось слышать звуки цитры и флейты. Чем же мне порадовать великого князя? Правда, когда я была еще девочкой, меня научили танцевать с мечами, но это — грубая забава для солдат, и я боюсь, что благородным людям этого показывать не стоит!

Князь обрадовался:

— В правление императора Сюань-цзуна Гунсунь Да-нян¹⁵⁴ на всю Поднебесную прославилась танцем с мечами, а теперь это искусство забыто, и я каждый раз, вспоминая прекрасные строки Ду Фу, сожалею, что не могу ее увидеть. А эта барышня умеет танцевать с мечами! Какое счастье!

Князь и министр сняли с пояса мечи и подали их Ёён, а Ёён засучила рукава и, развязав пояс, начала танец под музыку, что играли во дворце Золотой колокольчик¹⁵⁵. Румяна и белое острие меча замелькали перед глазами, будто в третьей луне сне-

гом замечает заросли цветущих персиков. Один миг — и шатер заполнился сверканием мечей, люди исчезли. Внезапно белая радуга пронзила небо, и в шатре поднялся холодный ветер. Гости заковались, волосы у всех поднялись дыбом. А Ён, желая сполна показать свое искусство, вдруг двинулась к князю, словно пугая, и, бросив мечи, с поклоном отступила.

Князь долго не мог прийти в себя, затем, наконец, проговорил:

— Люди нашего поколения не способны исполнить танец с таким совершенством. Я слышал, будто этим искусством владеют небожители. Вы не фея ли, госпожа?

— В западных землях любят устраивать игры с оружием, и я с детства этому училась. Разве только небожителям дано такое умение?

— Когда я вернусь во дворец, — объявил князь, — то отберу из своих женщин тех, кто хорошо танцует, и pošлю их к вам. Надеюсь, что вы, госпожа, не откажетесь потрудиться, чтобы их обучить.

Ён с поклоном приняла его повеление.

— А каким искусством владеете вы? — обратился князь к Нынпха.

— Мой дом истари стоял в землях, где гуляли Хуан и Ин, две прославленные жены Шуня. Ночами там веет свежий ветер, сияет луна, а из облаков льются звуки музыки. Эта мелодия с детства звучит у меня внутри и радует. Но, может быть, великий князь не хочет ее слушать?

— Я читал в книгах, будто духи двух жен Шуня играли на лютне, но я никогда не слышал, чтоб их мелодии исполняли в наше время, и если вы сможете, неужели избавите Бо-я¹⁵⁶ от его досады?

Нынпха вынула из коляски двадцатипятиструнную лютню и начала играть. Какой чистой печалью зазвучала мелодия! Будто ручьи заструились по трем сычуаньским ущельям, словно гуси закричали осенью! Гостей внезапно охватила тоска. Звуки осени слышались в порывах ветра, качающих деревья. И вот — посыпались засохшие листья!

— Никогда бы не поверил, что человек своей музыкой способен изменить творимое Небом и Землей! — вскричал пораженный князь. — Нет, барышня, вы не человек! Разве способен человек разучить такую мелодию?

— Я только передаю древние звуки, — ответила Нынпха. — Чему тут удивляться? Отчего же этому нельзя научиться?

Тут к князю обратилась Огён:

— У меня нет талантов, но я попробую в своем исполнении передать музыку духов двух жен Шуня, которую сыграла нам барышня Пэк.

Она взяла циньские гусли и стала передавать звуки один за другим, от тринадцатой до двадцать пятой струны — только лишь искусством рук точно сыграла всю мелодию, не сделав ни одной ошибки. Нынпха была поражена.

— Способности госпожи не уступают самой Чжао Вэнь-цзи¹⁵⁷!

Ян Сою со своими наложницами принялись ее расхваливать, и князь остался доволен.

ГОСУДАРЕВУ ЗЯТЮ НАКАЗАНО ВЫПИТЬ
БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ ЧАШУ ВИНА.

СОВЕРШЕННОМУДРЫЙ ХОЗЯИН МИЛОСТИВО ЖАЛУЕТ
ДВОРЕЦ ЦУЙВЭЙ — «НА ЗЕЛЕНОМ СКЛОНЕ»

Появление Ён и Пха на празднике в Ляю обрадовал и гостей, и хозяев. Все были настроены повеселиться еще, но день уже клонился к вечеру, и пир пришлось закончить. Ян и князь всех одарили золотом, серебром, цветным шелком и атласом, и гости щедро расплатились за танцы и песни — насыпали жемчуга целую меру, а шелка высились, что гора Цзыгэ.

Владетельный князь Юэ и министр сели на коней и въехали в ворота столицы, когда уже сияла луна. Певицы обоих домов наперебой устремились вперед, и звон их нефритовых подвесок напоминал журчание ручья, благоухание наполнило улицы, а потерянные шпильки и оброненный жемчуг падали прямо под копыта коням и хрустели в темной пыли. Мужчины и женщины столицы оставили свои дома и столпились на улице, а столетние старики от радости даже плакали:

— В детстве мы видели выезд императора Сюань-цзуна во дворец Хуацин, он был таким же пышным. Не думали мы, что на старости лет доведется увидеть времена великого спокойствия.

Тем временем обе принцессы вместе с Ка в ожидании Яна сидели у госпожи Лю. Тут к ним в зал поднялся Ян Сою, а за ним — Сим Ён и Пэк Нынпха. Ян представил их матери и двум принцессам.

— Господин рассказывал нам, как вы его выручили из беды, — обратилась к ним Чон, — и о ваших заслугах перед государством. Мы так хотели с вами встретиться! Почему же вы пришли так поздно?

— Мы — простые люди из далеких окраинных земель, — ответили Ён и Пха. — Господин министр милостиво не отверг нас, но мы боялись, что супругам это не понравится. Мы долго колебались, но вот, придя в столицу, услышали, как все хвалят добродетели принцесс, будто они под стать женщинам, о которых сложены песни «Встреча невесты» и «На юге у дерева долу склоняются ветви» из «Книги песен»¹⁵⁸. Вот тогда мы и решили подойти к воротам вашего дома. Тут как раз господин министр выехали на прогулку за город, и мы удостоились счастья принять участие в этом славном празднике.

— Теперь у нас весь дворец заполнен прекрасными цветами, и вы, конечно, начнете этим похваться, но помните, что это — наша с сестрой заслуга! — со смехом заметила принцесса Яну.

Ян громко рассмеялся:

— Не зря говорят, что знатные любят похвалу. Эти две женщины в первый раз пришли во дворец и, побаиваясь принцесс, решили вам польстить.

Все засмеялись, а Чон принялась расспрашивать Хон и Воль о празднике, кто победил, а кто проиграл.

— Наш дом чуть не опозорился! — заметила Сомволь, а Кёнхон возразила:

— Госпожа Сом насмеялась, будто я хвастунья, а я заставила трепетать от страха весь княжеский дворец. Спросите у госпожи Сом, правду ли я говорю?

— Наша госпожа Хон, конечно, ловко стреляет из лука и скачет на коне, — заговорила Сомволь, — но дом князя Юэ был покрен божественной красотой и неземным искусством двух наших новых барышень. При чем здесь заслуги нашей Хон? Я вспомнила одну притчу и хочу ее рассказать госпоже Хон. Во времена Чунь-цю¹⁵⁹ некий сановник из государства Цзя был так безобразен, что вся Поднебесная относилась к нему с пренебрежением. Три года он был женат, но его супруга ни разу не засмеялась. Однажды он вместе с ней поехал за город и там подстрелил фазана. Вот тут его жена впервые улыбнулась. Не похожа ли наша госпожа Хон со своей стрельбой по фазанам на сановника Цзя?

— Возможно, сановнику Цзя при его безобразной внешности и пришлось учиться стрелять из лука и скакать на коне, чтобы хоть раз увидеть улыбку своей жены, — возразила Кёнхон. — А если фазана подстрелит та, у которой есть красота, почему бы ей не снискать любовь и радость людей?

— Госпожа Хон уж очень себя нахваливает, — засмеялась Сомволь, — это господин министр позволил ей так возгордиться!

— Я знал, что у госпожи Сом много талантов, — заметил Ян, — но, никак не думал, что она еще и в классической литературе начитана! Когда это ты успела прочесть комментарий господина Цзо¹⁶⁰ к «Веснам и осени»?

— Я иногда, в свободное время, захожу в школу, послушать. На следующий день после утреннего приема у государя государыня призвала к себе князя Юэ и Яна, а обе принцессы уже сидели у нее во дворце.

— Вчера ты вместе с министром устраивал весенние состязания, — обратилась государыня к князю. — Кто же выиграл, а кто проиграл?

— Нынче счастье выпало на долю супруга нашей сестрицы, — со смехом ответил князь. — С ним никто не может тягаться! Ну, а сестры? Так же счастливы, как первый министр? Прошу вас, матушка, спросите об этом у него!

— Владетельный князь Юэ сказал, будто не победил меня, — ответил Ян Сою. — Он, как Ли Бо, который обомлел при виде стихов Цуй Хао¹⁶¹. А счастливы ли принцессы? Я ведь не принцесса, не знаю... Лучше спросить об этом у них самих!

Государыня рассмеялась и обратилась к принцессам.

— Супруги едины, — ответили принцессы. — Слава и позор, радость и горе — все мы переживаем вместе, и если господин министр счастлив — мы тоже счастливы!

— Сестры хорошо ответили, но это не разговор по душам, — заметил князь. — Ни у одного из государей древности не было еще такого распутного зятя, а соответствует ли это законам и установлениям государства? Прошу вас, государыня, сурово наказать зятя за преступное неуважение государева двора.

Государыня рассмеялась:

— Наш зять и в самом деле преступник! Но если наказать его по всей строгости закона, мои дочери обеспокоятся! Давай лучше покривим немножко государевы законы!

Князь снова поклонился и ответил:

— Так-то оно так, но преступление министра — особого рода, поэтому прошу вас допросить его в присутствии государя, обсудить ответы, а уж тогда вынести ему приговор.

Государыня согласилась и произнесла свое решение:

— Издревле было принято, что государев зять из благодарности к царскому двору не смеет держать наложниц. Тем более, что обе принцессы и обликом, и талантами подобны небожителям, к тому же уважительно относятся к Ян Сою, но он и не думает проявить почтительность. Собрал множество красоток и пренебрегает обязанностями подданного. Пусть он чистосердечно, ничего не скрывая, повинится.

Ян Сою снял шапку и дал такой ответ:

— Я, Сою, хоть и молод годами, но удостоился государевых милостей и по службе достиг высоких должностей. Но я не мог совладать с юношескими страстями и стал распутничать. Со страхом признаюсь в своей вине! Тем более, зная законы страны, должен был бы понять это раньше. В доме вашего поддан-

ного много женщин, но госпожа Чин была пожалована государем во время свадьбы, а наложницу, госпожу Ке, ваш подданный получил еще в те времена, когда был никому не известен. Четыре наложницы, госпожи Ка, Чок, Пэк и Сим пришли ко мне еще до того, как я стал государевым зятем. А после свадьбы вся семья создавалась только по совету принцесс, и моего своеволия здесь не было.

Государыня повелела простить, но князь возразил:

— Принцессы хоть и давали советы, но поведение Ян Сою не соответствует правилам. Я продолжаю допрос!

Ян склонил голову и заговорил:

— Я за свои преступления десять тысяч раз заслуживаю смерти, но есть правило — обсудить заслуги того, кто совершил преступление. Ваш подданный был призван государем и на востоке привел к покорности три владения, а на западе умиротворил тибетцев. Заслуги не малые, неужто они не искупают вину?

Государыня рассмеялась:

— Наш господин Ян — опора престола. Разве можно на него смотреть как на простого зятя? — И она повелела ему надеть шляпу, а князь все не унимался:

— Заслуги Сою велики и наказать его трудно, но строгость государственных законов не позволяет извинить его от кары, поэтому накажем его вином!

Государыня, смеясь, разрешила, и придворная дама подала Яну чашу из белого нефрита, но князь возразил:

— Привычная мерка вина для нашего министра величиной с кита, разве накажешь его малой чашей? — приказал он, и Сою наказали большой золотой чашей, до краев наполнив ее вином.

Ян принял ее, четыре раза поклонившись, и тут же осушил ее всю. Он, хоть и привык к большим меркам и мог выпить подряд несколько чаш, но от такой огромной не мог не опьянеть. Голова его опустилась на грудь, и он забормотал:

— Пастух очень любил Ткачиху, и за это тесть отправил его в ссылку, а Сою наказывает теща за то, что он держит в доме наложниц. Как трудно быть зятем в доме Сына Неба! Я сильно пьян и позволю себе удалиться!

Он попробовал было подняться, но тут же упал ничком. Государыня засмеялась и приказала придворным дамам поддерживать его и проводить, а принцессам велела:

— Наш министр сильно захмелел, и ему может стать плохо. Идите, разденьте его и подайте ему чай!

А принцессы рассмеялись:

— И кроме нас достаточно людей, чтоб его раздевать.

— Оно конечно, так, но это значит, что вы не соблюдаете правил поведения жены!

Принцессы отправились за Яном, а в зале его ожидала госпожа Лю с зажженной лампой. Увидев пьяного Яна, она спросила:

— Ты и прежде, бывало, пил, но не приходил таким пьяным. Отчего это сегодня ты так напился?

Ян пьяными глазами сердито посмотрел на принцесс.

— Братец принцессы, князь Юэ, пожаловался государыне и обвинил меня в преступлениях. Я, конечно, сумел дать объяснение и меня простили, но князь непременно хотел изобразить меня преступником и вынудил государыню наказать меня вредным вином. Я мог бы умереть, если б не умел пить! Тогда в парке Ляю князь потерпел поражение, но злость свою сдержал, а теперь ему захотелось отомстить. К тому же Нанян недоволен, что у меня много наложниц, и от ревности вместе со своим братцем взлелеяла этот план, ей хотелось заставить меня пострадать. Оказывается, ее покладистому характеру нельзя доверять! Я взбешен и прошу вас, матушка, наказать ее чашкой вина!

— Я никак в толк не возьму, в чем виновата Нанян, — ответила госпожа Лю. — К тому же она ни разу в жизни и капли вина не брала в рот, и если тебе уж так хочется заставить меня ее наказать, может быть, дадим ей чаю вместо вина?

— Нет, я хочу наказать ее вином! — заупрямился Ян, а госпожа Лю рассмеялась:

— Если принцесса не выпьет в наказание чашку, сердце этого пьяницы не уgomонится! — и она послала служанку за вином для Нанян. Нанян взяла чашку и собралась уже пригубить, но тут Ян вдруг заподозрил неладное и, решил отобрать у нее чашку и самому попробовать. А Нанян отстранила его руку и тут же вылила все на циновку, но в чашке немного вина осталось, и Ян пальцем вытер каплю со дна, понюхал и попробовал. Это была вода, подслащенная тростниковым сахаром! Тогда он велел принести хорошего вина, сам налил полную чашку и подал Нанян. Пришлось ей выпить.

Ян снова обратился к матери:

— Хотя это принцесса подговорила государыню меня наказать, но госпожа Чон тоже не осталась в стороне. Глядя, как я стою перед государыней с опущенной головой, она хихикала вместе с Нанян. Что у нее за сердце! Прошу вас и ее наказать вином!

Госпожа Лю засмеялась и подала Чон чашку с вином. Чон встала и выпила.

— Государыня наказала Сою, за то, что у него есть наложницы, и потому обе супруги испили наказание, — заметила госпожа Лю. — А наложницы как бы и не при чем! Хон, Воль, Ён, Пха, и вам по чашке наказания! — И все четверо выпили по чашке, а Сомволь с Кёнхон заметили госпоже Лю:

— Государыня наказала господина министра за то, что у него много наложниц, а не потому, что он победил в парке Ляю. Кроме того, Ён и Пха еще недавно живут у господина в услужении, а наказаны испытать вина наравне с женами — это несправедливо! А вот госпожа Ка дольше других, подавала министру гребень и пользовалась его особым расположением. Она не принимала участия в празднике в парке Ляю и не наказана. Теперь мы почтительнейше высказываем свое чувство обиды.

— Вы правы, — сказала госпожа Лю и наказала Чхунун большой чашей.

Чхунун выпила, еле сдерживая смех. Все были наказаны вином, их мучило беспокойство, а Нанян просто не находила себе места, так ей стало плохо, и лишь одна Чин притулилась в уголке на циновке, не разговаривала и не смеялась.

— А Чин делает вид, будто невинна! — вскричал Ян. — Смотри, как другие безобразничают, ее ведь еще не наказали!

Подали чашку вина, и Чин со смехом выпила, а госпожа Лю обратилась к принцессе:

— Как вы себя чувствуете?

— Голова болит, мне очень плохо!

Госпожа Лю послала Чин проводить ее в спальню, а Чхунун велела принести еще вина.

— Обе мои невестки — истинные небожительницы, — заговорила Лю, взяв в руки чашку с вином, — и я все время боюсь, как бы не потерять счастье. Сою во хмелю так разошелся, что принцесса заболела, и государыня, конечно, будет волноваться, если об этом узнает. А доставлять беспокойство государю — это преступление подданного. Я, старуха, не сумела вразумить своего сына и тоже должна быть наказана! — и она выпила всю чашку.

Ян Сою в страхе упал перед ней на колени:

— Матушка наказала себя. Она дала мне урок! Я закоренелый преступник! — И он велел Кёнхон наполнить вином большую чашу и принести ему. Когда это было исполнено, он, стоя на коленях, сказал:

— Сою не следовал наставлениям матушки и за это должен быть наказан вином!

Ян выпил всю чашу и так опьянел, что не мог сидеть прямо. Он пожелал отправиться в свой дворец Благовоний, и Чон велела Чхунун его проводить, но та отказалась:

— Я не смею провожать господина, Ке с Чок будут браниться! Тогда приказали пойти Кёнхон и Сомволь, но Сомволь заупрямилась:

— Что-то Чхунун поносит меня, это очень подозрительно! Тогда со смехом поднялась Кёнхон и увела Ян Сою. Разошлись и все остальные.

Ян Сою знал, что Ёён и Нынпха любят горы и реки. И он поселил их в цветочном саду. Там был чистый пруд с лотосами, как говорится, реки и озера, а посреди пруда стоял расписной павильончик, который назывался Выхожу Навстречу. В нем и поселили Нынпха.

К северу от пруда насыпали горку из камней с кучей нефрита. Здесь под сенью старых сосен, в тени бамбуков виднелся домик под названием терраса Холодного Снега. В нем стала жить Ёён. Когда жены гуляли в саду, Ёён и Нынпха принимали их, как хозяйки.

Как-то жены спросили у Нынпха:

— Ведь вы по природе своей владеете искусством превращения. Нельзя ли нам хоть разок это увидеть?

— Я обладала этим свойством в моем прежнем обличье. Тогда я могла избавиться от моей плоти и стать человеком, воспользовавшись творческой силой Неба и Земли. Я сбросила целую гору рыбьей чешуи, ну а после того как воробушек превратился в ракушку, где ему взять два крыла?

Ёён иногда танцевала с мечами перед госпожой Лю, Яном и двумя принцессами, но часто радовать их отказывалась:

— Умение владеть мечом помогло мне встретиться с господином, — говорила она, — но нельзя все время смотреть на танцы, в которых так много жестокости!

Обе супруги и шесть наложниц были близки друг другу, как руки и ноги. И Ян дарил свои милости всем одинаково. Все они обладали прекрасными качествами — поистине их начало в тех девяти, что обитали на горе Наньюэ.

Однажды обе принцессы повели друг с другом такую беседу:

— В стародавние времена случалось, что сестер выдавали замуж в одно царство. Из них одни становились женами, другие — наложницами. Теперь же у нас две жены и шесть наложниц, у

всех разные фамилии, но мы стали как старшие и младшие сестры. Так давайте и назовемся сестрами!

Шесть наложниц наотрез отказались, особенно упрямылись Чхунун, Кёнхон и Сомволь. Тогда Чон стала им внушать:

— Помните, как было у Лю, Гуаня и Чжана¹⁶²: один — государь, а другие — подданные, но они до конца сохранили братские чувства. Мы с Чхунун дружим с давних пор, почему бы нам не стать старшей и младшей сестрами? Вот госпожа Яшодхара была супругой Шакьямуни, а Матанга — распутной певичкой, но обе стали ученицами Будды и познали плоды истины. К чему скромничать из-за низкого происхождения?

Тогда обе принцессы и шесть наложниц подошли к портрету Гуаньинь, воскурили ароматы и дали клятву.

«Такой-то год, луна и день. Сестры, Кёнпхэ — госпожа Чон, Сохва — госпожа Ли, Чхэбон — госпожа Чин, Чхунун — госпожа Ка, Сомволь — госпожа Ке, Кёнхон — госпожа Чок, Ёён — госпожа Сим и Нынпха — госпожа Пэк, соблюдая пост и совершив омовение, почтительно обращаются к Великой наставнице с Южного моря: мы, восемь учениц, хоть и родились в разных семьях, потом, когда выросли, стали вместе служить одному человеку. Теперь у нас одни чувства и души едины. Мы как цветы на одной ветке, подует ветер — и наши головки опадают либо возле государева дворца, либо у дверей женских покоев, они могут оказаться возле деревенского дома и на дороге, попадают на берег и в реку. А поищи их корни — разве у каждого цветка свой? Вот и мы клянемся ныне стать сестрами — быть вместе в смерти и жизни, в горе и радости. А если у кого-нибудь появятся иные помыслы, пусть отвергнут ее Небо и Земля! Покорнейше смеем надеяться, что Великая наставница ниспошлет нам счастье и избавит от напастей, а через сто лет всех вместе возвратит в райский мир!»

После этого шесть наложниц, хоть и хранили верность клятве, но все же не смели называть принцесс сестрами, а обе супруги всегда обращались с ними как с сестрами. Конечно, их любовь стала еще сильнее.

У жен родились сыновья и дочери. Обе принцессы, Чхунун, Сомволь, Ёён и Кёнхон родили сыновей, а Чхэбон и Нынпха — дочерей. В отличие от обычных людей, они родили только по одному разу, а после не беременели.

В это время в Поднебесной царил мир. Народ жил спокойно и всего было у него в изобилии, а государь в дворцовых залах, не обремененный заботами, мог наставлять народ. Ян Сою час-

то сопровождал Сына Неба на охоту в Шаньюань, а у себя в доме он ухаживал за матушкой. Они коротали дни, устраивая пиры и любуясь изящными движениями танцовщиц.

Вот уже десять лет прошло с тех пор, как Ян Сою вступил в должность первого министра и следил за порядком в стране. Госпожа Лю и супруги Чон, прожив сто лет, покинули мир. Все сыновья министра Яна уже служили при дворе.

Шесть сыновей и две дочери Ян Сою были так же красивы, как их родители. Прямо, как говорится, нефритовые деревья и душистые орхидеи сияли в доме! Первого сына звали Тэгён, он был рожден супругой Чон и стал министром Палаты чинов. Второго сына родила госпожа Чок, и звали его Чхагён. Он получил должность правителя столичного округа. Третий — Суккён, рожденный госпожой Ка, служил помощником цензора. Четвертого сына родила принцесса Нанян, он стал помощником министра военной Палаты. У госпожи Ке родился пятый сын, его называли Огён, и он вошел в императорскую Палату ученых. Шестой, Чхи-гён, был сыном госпожи Сим. Уже в пять лет он отличался необычайной храбростью и силой. Государь его так полюбил, что сделал главой своей личной охраны и дал ему под начало десять тысяч солдат столичного войска и дворцовую гвардию.

Старшую дочь звали Чондан, она была рождена госпожой Чин и стала супругой сына Юэского владетельного князя. Младшую звали Ённак, она была внучкой по женской линии Дракона озера Дунтин. Ее отдали в наложницы наследнику престола и пожаловали титул «знатной дамы».

Ян Сою еще школяром посчастливилось встретить мудрого хозяина, и вот на военном поприще он сумел усмирить мятежи, на гражданском — добился в стране великого спокойствия. Заслугами, богатством и знатностью он снискал себе славу Го из Фэньяна. Но Го стал знаменитым военачальником в шестьдесят лет, а Сою уже в двадцать вышел в первые министры — поистине такого не было даже в древности! Ян Сою предостерегал: «Когда изобилие и слава чрезмерны, они легко выплескиваются через край» и направил государю прошение об отставке.

Государь прочел его послание и сказал в ответ:

— Вашими славными делами полнится мир, как говорится, озера вашей благой силы охватили весь народ. Вы — опора государства, и мы взираем на вас с надеждой. В древности Тай-гуну и Шао-гуну¹⁶³ было по сто лет, а они помогали Чэн-вану. Вы же пока еще не в дряхлом возрасте. Вспомните, ведь Чжан Цзы-фан¹⁶⁴ сложением отличался от других людей. Вот и вы все

еще румяны лицом и бодры духом — совсем как в те дни, когда мы издали указ о вашем назначении в Палату ученых. И сил у вас ничуть не меньше, чем в те времена, когда вы перешли мост Вэйцзяо, чтобы покарать смутьянов. А теперь вы, как говорится, направили свои помыслы к горе Цзишань, чтобы поступить так, как это сделал отшельник Сюй Ю¹⁶⁵ — сам укрылся, а правление миром отдал Танскому Юю. Вы просите об отставке, но мы не одобряем!

Ведь вообще-то Ян Сою был послушником в буддийском монастыре, а его жены — феями на горе Наньюэ. Он был наделен необычной душой, да к тому же даос с гор Ланьтянь одарил его тайными знаниями. Миновало немало осеней, но его лицо по-прежнему выглядело юным, и люди того времени сомневались, уж не бессмертный ли он. Вот об этом и упомянул государь.

Ян Сою много раз подавал прошения с настоятельной просьбой об отставке, тогда государь пригласил его на прием и сказал:

— Вы так упорны в своих желаниях, что мы не можем не пойти вам навстречу. Однако если вы отправитесь в пожалованные вам земли, то окажетесь за тысячи ли от столицы, и мы не сможем вместе с вами обсуждать дела государственной важности. К тому же после смерти матушки-государыни нам не перенести разлуку с Наняном. В сорока ли от города есть у нас дворец Цуй-вэй — «На Зеленем Склоне», некогда туда уезжал на лето государь Сюань-цзун. Этот дворец стоит в уединении, а теперь заброшен и пустынен. В нем вы сможете спокойно провести свои закатные годы. Я вам его дарю, чтобы вы в нем поселились.

Государь издал указ, в котором назначал министра Ян Сою главным астрологом, жаловал ему в кормление пять тысяч дворов и оставлял за ним шнур с печатью первого министра.

МИНИСТР ЯН ПОДНИМАЕТСЯ НА ВЫСОКУЮ ТЕРРАСУ
И СМОТРИТ ВДАЛЬ.

ПОЗНАВШИЙ ИСТИНУ ПОСТИГАЕТ СВОЮ ПРИРОДУ
И ОБРЕТАЕТ ПРОСВЕТАНИЕ.

Ян Сою был растроган государевой милостью и, склонив голову, почтительно его поблагодарил. Он взял семью и переехал во дворец Цуйвэй. Дворец стоял в горах Чжуннаньшань, и все здесь напоминало страну бессмертных на Пэнлае — роскошные павильоны и террасы, а вокруг — чудесная природа. Только стихами Ван Вэя и можно описать его совершенство:

*Даже обитель бессмертных
с этим дворцом не сравнится.
Вот где небесной свирели
звукам внимать надлежит...*

Ян Сою освободил во дворце главный зал, чтобы благоговейно хранить в нем императорские указы и сочинения государя, а остальные дворцовые строения и павильоны он отдал принцессам и наложницам.

Каждый день Ян вместе с женами гулял у реки, найдя сливы в цвету, они слагали стихи и записывали их на скалах, окутанных облаками, а играя на лютне, вторили пению ветра в соснах. Люди завидовали такому безмятежному счастью на склоне лет. Уйдя в отставку, Ян не покидал этой обители праздности — так миновало несколько лет.

И вот пришел день полнолуния восьмой луны — день рождения Ян Сою. Собрались все сыновья и дочери и пировали десять дней. Все блистало изобилием и роскошью — такого не было даже в древние времена. Праздник окончился, и все разъехались.

Наступил осенний праздник девятой луны. Зажелтели бутоны хризантем, и ягоды кизила покраснели — в этот день, по обычаю, поднимаются в горы.

В западной части дворца Цуйвэй была высокая терраса, с нее открывался вид на восемьсот ли земель Циньчуани, будто все они у тебя на ладони. Ян всегда наслаждался этим видом. В этот день он вместе с женами и наложницами поднялся на террасу. Украсив волосы цветами хризантем, они радовались прелести осени, изысканные кушанья доставляли им удовольствие, а

музыка ласкала слух. Чхунун принесла блюдо с плодами, а Сомволь — нефритовый чайник. Его наполнили вином с лепестками хризантем, и жены с наложницами стали угощать друг друга.

Косые лучи солнца уж вонзились в озеро Куньмин, а тени облаков повисли над широкими полями. Ян заиграл на нефритовой флейте — полилась печальная мелодия. Она всхлипывала и задыхалась, словно жаловалась на свое горе или плакала над воспоминаниями. Звуки музыки напоминали историю о том, как Цзин Цин¹⁶⁶ переправлялся через реку Ишуй, расставаясь с Цзянь-ли, или печальную песню Сян Юя¹⁶⁷, которую он пел, глядя на красавицу Юй.

Грустью наполнились сердца красавиц, они затосковали, перестали веселиться.

— Вы давно прославились и теперь наслаждаетесь богатством и знатностью, — заметили Яну обе супруги, — целое поколение восхваляет вас, ведь такие, как вы, встречаются редко! Сейчас прекрасная пора, и природа такая красивая, в чашах с вином плавают лепестки хризантем, а рядом на циновках сидят любимые женщины — только радуйся жизни! Но голос вашей флейты так печален, что мы не можем сдерживать слез. Совсем не те звуки, что мы слушали в прежние дни!

Ян отложил нефритовую флейту и, облокотившись на перила, загляделся на ясную луну.

— Посмотрите на север, — заговорил он, — там, где широкие просторы, заброшенные поля и закатное солнце блестит на засохшей траве — там дворец Эфан императора Цинь Ши-хуана¹⁶⁸. На западе, где уныло гуляет по лесу печальный ветер, и горы покрыты закатными облаками, стоит усыпальница ханьского императора У-ди. Взгляните на восток. Видите, белая стена окружает зеленые холмы и чуть видны красные коньки крыш, а ясная луна то появляется, то исчезает. Никто больше не прикасается там к нефритовым перилам! Я говорю о дворце Хуацин, в котором император Сюань-цзун¹⁶⁹ жил вместе с Ян гуйфэй. Эти три государя были героями в древности, владели страной среди четырех морей, имели тьму сановников и жен. Промелькнули столетия их славы и богатства, а где они теперь?

Вот и я — школяр в холщевом платье из Хэнани. Милостями совершенномудрого хозяина стал военачальником и министром, вас встретил, и многие годы такого счастья теперь кажутся одним лишь днем. И все это назначено судьбой еще в прошлой жизни, а когда истекает срок, всё возвращается к прежнему. Таковы законы Неба и Земли. Через сто лет разрушится высокая

терраса, зарастет наш пруд, а земля, где нынче поют и пляшут, тоже изменится — превратится в заброшенное поле, покрытое засохшей травой. И тогда непременно найдутся дровосеки и пастушки, которые придут в эти места и, вздохнув, скажут друг другу: «Некогда жил здесь министр Ян со своими женами. Он был богат и славен, а жены прекрасны, как нефрит и цветы, а где они теперь?» Разве человеческая жизнь не одно лишь мгновение?

Под Небом есть три пути: один — конфуцианский, другой — даосский и третий — буддийский. Среди них самый совершенный — буддийский. Конфуцианский занимается лишь теми делами, которые совершают при жизни, да еще задачей, как прославить свое имя, чтобы оно осталось и после смерти. Если взять даосских бессмертных, то с давних пор многие напрасно пытались их отыскать. Достаточно посмотреть на поиски бессмертия, которые предприняли древние императоры — циньский Ши-хуан, ханьский У-ди и танский Сюань-цзун¹⁷⁰. После того как я оставил службу и поселился здесь, каждую ночь, только засну, вижу, что встаю на молитвенную циновку и погружаюсь в медитацию. Наверняка моя судьба связана с буддизмом, и я, как Чжан Цзы-фан¹⁷¹, который искал Чисун-цзы, покину дом и отправлюсь на поиски наставника. Переправлюсь через Южное море, наведуясь к Гуаньинь¹⁷², поднимусь на гору Утай и поклонюсь Вэньшу! Обрету путь, на котором не рождаются и не умирают, выйду за пределы бед и радостей в море мучений! Мы прожили с вами половину жизни, а утром я собираюсь покинуть вас. Вот почему печаль моего сердца и выливается в звуках флейты!

Все жены Ян Сою в прошлой жизни обладали той основой, которая давала возможность постичь истинную мудрость, и как раз теперь окончился срок их судьбы в мирской жизни. Речи Ян Сою, их потрясли:

— Вы богаты, знатны, прославлены, а таите в себе такие чистые помыслы. К чему вести речи о Чжан Цзы-фане? Теперь и мы, восемь сестер из женских покоев, ожидая вас, будем курить благовония Будде утром и вечером. А вы непременно встретите мудрого учителя и добрых друзей, обретете истинный путь и тогда уж непременно постарайтесь сперва нас переправить через море мучений!

Ян обрадовался:

— Мы все девять думаем одинаково, как хорошо! Завтра я уйду, а теперь давайте все вместе кончим пить вино!

— Мы все хотим проводить вас с чашами в руках, — сказали жены и приказали служанке вымыть чаши и снова налить в них вина.

Вдруг на каменистой дорожке раздался стук посоха. Все удивились:

— Кто же это пришел?

Тут перед ними появился буддийский монах родом из западной земли ху. У него были длинные брови, ясные глаза и удивительное лицо. Он поднялся на высокую террасу, и, поглядев на Яна, приветствовал его:

— Обитающий в горах и полях осмелился посетить великого министра!

Ян понял, что это не простой монах, встал и почтительно спросил в ответ:

— Откуда вы пожаловали, учитель?

Монах усмехнулся:

— Министр забыл тех, с кем прожил всю жизнь. Я слышал, будто знатные люди очень забывчивы, так оно и есть!

Ян пригляделся к нему: кажется, знакомое лицо, но никак не вспомнить. Вдруг он сообразил и, повернувшись к Нынпха, стал объяснять:

— Когда я ходил походом на тибетцев, во сне я побывал на пиру у дракона озера Дунтин. На обратном пути мы на короткое время поднялись на гору Наньюэ, а там монах сидел с учениками и толковал им сутру. Старый учитель не тот ли старый монах?

Монах ударил в ладоши и рассмеялся:

— Верно! Верно! Но ты вспомнил того, кто тебе однажды приснился, а с кем вместе прожил десять лет, забыл. Вот уж не скажешь, что министр Ян — мудрый человек!

Ян смутился:

— Я до шестнадцати лет был на глазах у родителей, а потом сдал экзамены и все время служил в столице. Ездил только в округ Янь да на западе покорял варваров; кроме этих мест, моих следов нигде не осталось. Когда же я прожил десять лет у наставника?

Монах снова засмеялся:

— Да министр никак не может очнуться от весеннего сна!

— Отчего бы наставнику не разбудить Сою от весеннего сна?

— Это не трудно! — сказал монах и, высоко подняв посох, дважды ударил им по перилам. Внезапно повсюду в горах и долинах закружились облака. Они охватили всю террасу, и ничего

нельзя было разглядеть даже вблизи. Сознание министра померкло, будто он погрузился в хмельной сон, и вдруг он вскричал тем, давним своим голосом:

— Разве почтенный не вел Сою к истинному пути, а лишь забавлял искусством превращений?

Не успел он это вымолвить, как облака пропали, монах исчез. Он огляделся — восьми женщин тоже не было. Ян Сою испугался — в одно мгновение пропали и высокая терраса, и многие строения, а он сам сидит на молитвенной циновке, один, посреди маленькой кельи. Огонь в курильнице для благовоний угас, и луна за окном уже склонилась. Он осмотрел себя — на шее висят четки из ста восьми бусин, ощупал свою голову — волосы только что сбриты, лишь короткие волоски торчат в разные стороны. Это был юный монах, а вовсе не могущественный министр!

Душа его была смущена, сердце охватила тревога. Он вдруг осознал, что он — юный монах Сончжин из монастыря на Лото-совом пике и стал вспоминать, что сперва его наказал наставник, а Силач препроводил в ад, потом он переродился в мире людей и стал сыном в семье Яна. В юности, успешно сдав экзамены, вошел в императорскую академию, командовал армией и собрал под своим началом все чины империи, а потом подал государю прошение об отставке и, отказавшись от дел, ушел на покой. Оказывается, радости жизни с двумя принцессами и шестью наложницами, песни, танцы, звуки цитры и лютни, чаши с вином и наслаждения с рассвета до сумерек — всего лишь весенний сон!

Он подумал, что наставник наверняка знал о его заблуждениях и, явив ему сон о мирской жизни, дал возможность познать призрачность богатства и знатности, славы и чувственных желаний.

Он тут же пошел к источнику в скале, омыл свое лицо и, надев монашеский плащ и шапку, отправился к настоятелю. Там уже толпились ученики, и великий наставник громко спросил: — Сончжин, понравилась ли тебе мирская жизнь?

Сончжин опустил голову и заплакал: — Я понял! Я был неразумен, занимал себя ложными думами. Сам и виноват! Так и вращался бы в круговороте перерождений, но учитель смилостивился, погрузил в сон на одну ночь и просветлил сердце. И тысячелетий не хватит, чтобы расплатиться за великую милость наставника!

— Ты захотел удовольствий — и ушел, удовольствия окончились — и ты вернулся. При чем же здесь я? Ты говоришь: «Я

видел сон о круговороте перерождений в мире людей». Значит, для тебя есть сон, с одной стороны, а с другой — мир людей. Похоже, твой сон еще не кончился! Вспомни, Чжуан Чжоу¹⁷³ во сне стал бабочкой, или бабочка превратилась в Чжуан Чжоу? Чжуан Чжоу говорил: Чжуан Чжоу приснилось, что он стал бабочкой, или бабочке приснилось, будто она стала Чжуан Чжоу, — в конце концов определить это невозможно! Откуда ты знаешь, где — сон, а где — реальность? Теперь ты считаешь, что Сончжин — это ты, и думаешь, что видел сон о себе. Значит, ты разделяешь себя и сон и говоришь — это не одно и то же. Есть Сончжин и есть Сою, так который же из них во сне, а который не во сне?

— Я все еще пребываю во мраке, — ответил Сончжин, — и не могу понять, что значит «сон — не реальность, реальность — не сон». Учитель, растолкуйте мне закон, окажите милость и пробудите меня!

— Я объясню тебе великий закон «Алмазной сутры» и просветлю твое сердце, — возгласил наставник, — но ты подожди немного, ко мне пришли новые ученики.

Только он это сказал, как монах, стороживший ворота, доложил:

— Это восемь небожительниц, которые давеча приходили от госпожи Вэй, теперь они снова просят разрешения предстать перед великим наставником.

Наставник велел пригласить их. Восемь фей вошли и, сложив ладони, склонили головы.

— Мы служили госпоже Вэй, но так ничему и не научились, не сумели отринуть суетные мысли и дали волю чувственным желаниям. За это нас тяжело наказали сном о ссылке в пыль земли, и никто не разбудил нас, но, по счастью, наставник удостоил нас милости и позволил прийти сюда. Мы побывали во дворце госпожи Вэй, испросили прощения за прошлую вину и, простившись с ней, явились к вратам Будды, чтобы остаться здесь навсегда. Умоляем вас, учитель, простите нас за прошлые проступки и удостойте светлого учения!

— Ваше желание прекрасно, но буддийское учение сложно, быстро его не постичь, и если у вас нет большого усердия и сильного желания, вы не сможете завершить свой путь! Подумайте еще, а тогда уж и решайте!

Восемь фей удалились, смыли с лица румяна и белила, сняли с себя пестрый шелк и газ и золотыми ножницами срезали волосы — темные тучи.

— Прекрасно! Прекрасно! — воскликнул учитель. — Поистине хорошо, что вы так решили!

Кончив толковать сутру, наставник прочел гатху¹⁷⁵ в четыре строки, и тут Сончжин и восемь монахинь вдруг постигли свою изначальную природу и обрели путь в нирвану.

— Я пришел в Срединное государство издалека, чтобы передать учение. Наконец я обрел человека, которому могу передать закон Будды, и теперь собираюсь уйти.

А восемь монахинь служили Сончжину как наставнику и глубоко постигли великий путь бодхисатв. А потом они возвратились в Райскую землю.

